

Дети периметра

Александр Зохранэ

ВСЕ ПРАВА ЗАЩИЩЕНЫ (С)

1984-2003 г.г.

ДЕТИ ПЕРИМЕТРА (ДП)

Историко-фантастическая повесть

От издателя.

Одна из тех книг, о которых трудно с уверенностью сказать, что в не придумано, а что основано на фактах. Жанр исторической фантастики, в котором пишет А. Зохранэ, для того и создан, что бы попытаться сообщить читателю то, что по ряду причин, сказать прямым текстом не представляется возможным.

Это книга о секретных школах, для талантливых и не очень детей, созданных во времена СССР неизвестно кем, и зачем. О тайне, о которой ничего не знали даже родители детей. О давно забытых земных и внеземных мирах, немного приблизиться к которым можно только разве что, в таинственной лесной школе.

В книге одинаково интересной взрослым и детям откровенно и эмоционально показан дух советского времени, взаимоотношения необычных детей, их трагичные судьбы.

В книге нет агентов и перестрелок, но есть настоящие тайны, о которых не знал и пока что, не знает ни кто.

Тайны, в которые волею судьбы или чьей-то прихотью погружены дети, вынужденные заниматься совершенно не детскими делами.

Но им это нравится: школа стала местом воплощения сказки и мечты для них...

Если бы только не бдительные родители! Возможно, тогда бы,

не произошла трагедия.

От автора.

Я иду по улицам нового Минска. Спускаюсь в галереи метро, о котором мечтал в детстве. Заглядываю в лица прохожих, пытаюсь угадать их мысли.

Вот и улица Волгоградская и ряды хрущевских, крупно блочных пятиэтажек. А вот и окна до боли знакомого дома, там, на пятом этаже в углу.

Словно снова я в детстве. Словно вдруг из-за занавески, снова выглянет мама. Словно там, у подъезда на лавочке, ждет меня подружка девчонка.

Это было давно. И было ли вообще?

Ведь согласно официальному мнению компетентных историков, ничего подобного никогда и нигде не было.

Потому что такое, просто не могло быть правдой...

*Посвящается моим друзьям и близким,
детям и взрослым,
- тем, кто верил и боролся за Будущее Человечества...*

СОДЕРЖАНИЕ:

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ (Семья): Город (ДП)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ "Семья"

Родители опять не встретили мальчика на вокзале.

Зацепив на плечо ранец с книгами, он по воздушному переходу пересек рельсы и перроны, спустился на площадь и направился сквозь толпу людей к остановке троллейбуса.

Он таскал с собой ранец только для вида. Созерцание разложенных на столе учебников, успокаивало родителей.

В пятом классе родителям, как опытным специалистам, предложили работу с поездками по всей стране. И тогда мальчика определили в интернат. Витька попал в какой-то особый, вроде даже единственный на весь СССР интернат,

работающий по экспериментальной, секретной программе. В школу вроде собирали то ли самых одаренных детей, то ли, напротив, детей, с которыми никто уже не мог справиться. «Вот, Витюха! Видишь, как папа с мамой о тебе заботятся! В самую престижную школу тебя устроили!» - нарочито объяснил тогда папа, едва не плачущему от обиды мальчику. А наташкина Мама, вместе с Натой и родителями провожавшая Витьку, перекрестила его на дорожку, подбодрив: «Будь умницей! Бог тебе в помощь! Мы тебя ждем домой на выходные!» Она попыталась повесить ему на шею серебряный крестик, но папа вежливо отстранил ее руку. В Витиной семье в бога не верили.

Витька словно очнулся от воспоминаний и огляделся. В отдалении от путей толпа уменьшилась. Стайка пестро одетых цыганок с чумазыми цыганятами попрошайничала у здания пригородных касс. Витька несколько раз увернулся от цыганской малышни, норовящей на ходу залезть к нему в карманы. Мальчишка вздрогнул и машинально отшатнулся от подъезжающего к остановке троллейбуса. «Родители все еще обижаются на недавнюю ссору. Или, может, они просто заняты своими проектами, раз не встречаются», - подумал он, втискиваясь в переполненный троллейбус.

Старый, еще послевоенной постройки, троллейбус, надсадно завывая неторопливо катил вдоль Ленинского проспекта.

Наконец, на улице Волгоградская мальчик с трудом выбрался на улицу. Поправив ранец, он направился к своей прежней школе, но не прямо, а вдоль по улице, мимо своих окон.

А затем - через дворы и строительный пустырь.

Окна его квартиры находились на четвертом этаже крупноблочной пятиэтажки.

Это был один из первых домов на их улице. Витька помнил, как они вселились в него, приехав из России, когда мальчику едва исполнилось четыре года.

Тогда дом стоял на пустыре, среди недостроенных собратьев. Чуть дальше, где сейчас улица Талбухина, кинотеатр «Партизан» и стадион сто пятнадцатой школы, находился небольшой военный аэродром, протянувшийся до самого парка Челюскинцев.

Заканчивался 1961 год. Город, еще недавно превращенный фашистами в руины, только-только возрождался на пепелищах. Дремучие партизанские леса начинались едва ли не от самого парка Челюскинцев.

Ревущие винтомоторные истребители и двухмоторные бомбардировщики с грохотом заходили на посадку, проносясь у самого Витинового балкона.

«Боже мой! Когда же его перенесут в Боровляны! Обещали же!» - каждый раз причитала мама, поправляя съезжающие от грохота тарелки и чашки.

Проходя мимо своих запотевших изнутри окон, мальчик направился через небольшой скверик между домами к школе. Он невольно улыбнулся, представив как там, за покрытыми инеем окнами мать готовит к его приезду оладьи, а отец, поглядывая на часы, сидит с бумагами на диване в большой комнате.

Проходя через остатки бывшего аэродрома, теперь

строительного пустыря, Витька заглянул между досок деревянного заборчика. Там еще стояла не вывезенная на металлолом раскуроченная дворовой ребятней парочка военных самолетов без крыльев.

«Стоят еще! Наверное, малыши, как и мы, забираются в кабины, чтобы сорвать с приборной панели парочку светящихся в темноте маленьких табличек или просто посидеть, вообразив себя пилотом» – подумал Витька, улыбаясь сам себе.

Было уже около пяти часов вечера. Скоро начнет смеркаться, и зажгутся уличные фонари. Закончится вторая смена в школе. «Придумали же! Десятый класс во вторую смену!» - подумал Витька, сворачивая к другу, в угрюмую пятиэтажку.

Инвалид (ДП)

Дарья Николаевна, мать Никиты, встретила Витю с едва сдержанной радостью.

- Кто там, мама?: - сразу же закричал Никита из своей комнаты, как только мать открыла дверь.

- Это Витька твой пришел. Успокойся. Дай другу раздеться!: - нервничала женщина, заботливо помогая мальчику снять пальто.

Никита встретил друга радостными объятиями, едва не вывалившись из своей постели.

От его худенького тельца в пижаме пахло вкусным импортным мылом и какими-то лекарствами.

Мать недолго наблюдала из двери, затем, довольная, тихонечко закрыла за собой дверь.

Никита был на год старше Витьки - осенью ему уже исполнилось шестнадцать. Однако из-за травмы позвоночника, паралича и сопутствующих болезней вид у паренька был неважный. Ему с трудом можно было бы дать четырнадцать. Прежде Витька с Наташкой ежедневно посещали друга, принося учебные задания, забирали его тетрадки для учителей.

И вообще, что бы тот не хандрил от одиночества.

Ники очень переживал, когда несколько лет назад Витю определили в интернат. Он даже перестал кушать и принимать лекарства. Витьке пришлось тогда поклясться на пионерском галстуке, что он не забудет и не оставит друга в одиночестве.

Витька высвободился из объятий друга, придвинул к кровати и присел на старый, с потрескавшимся от времени коричневым лаком стул.

- Почему ты не приходил две недели?: - укоризненно спросил Никита.

- Я не мог, Ники! Родители сели на хвост. Чего-то копают вместе с вашей классной: - виновато опустив глаза, оправдывался тот.

-А я видел во вчерашнюю ночь НЛО. Папка придвинул мою кровать к окну и притащил дедов морской бинокль: - тихим, печальным голосом сообщил мальчик.

Витька только вздохнул, словно он в чем-то подвел друга.

- Мало ли всего ночью летает над городом, Ники: - отводя глаза, сказал он и изменил тему:

- Ну! Что еще изобрел? Рассказывай!

Никита был малолетним изобретателем. А с уходом Вити в интернат, он стал для Ники творческим соавтором. Каким-то непонятным, загадочным образом, почти ничего не смыслящий в технике и не увлекающийся математикой Витька стал приносить из своего интерната невероятные идеи.

Постоянно подсказывал гениальные технические решения.

Ники в тайне завидовал другу. И не раз пытался осторожно расспросить его про школу в лесу. Но тот только отшучивался, ловко изменяя тему.

С торжеством в глазах

Ники неуклюже потянулся рукой под кровать и, кряхтя, достал оттуда свою модель.

- Вот, любуйся! Все, как мы в последний раз с тобой обсуждали! - сверкнув зелеными, как у рыси, глазами, передал он Витьке свое детище, - аккуратно склеенную модель из тонких бальзовых палочек и папиросной бумаги.

Витька осторожно, с трепетом взял в руки это ювелирное, невесомое творение. Он удивленно причмокнул, осторожно взвесив модель на руке, восхищаясь аккуратности, с которой все было склеено.

- Ты гений, Ники! Я бы так никогда не смог. Это сколько времени, наверное недели три, нужно ежедневно трудиться, чтобы такое склеить!

Он держал перед собой очень странное сооружение, размерами чуть больше двух сложенных вместе суповых тарелок.

Модель отдаленно напоминала игрушечный зонтик. Точнее, два зонтика, большой и малый, как бы вложенных один в другой. Снизу, вместо рукоятки, у зонтиков имелась небольшая, красиво разрисованная акварельными красками кабинка с нарисованными окнами и людьми в них.

Там же виднелись натянутые нити мотора, сделанного из рыболовной «модельной» резинки. И ещё какой-то хитрый механизм, собранный из тонких проволочек и деревянных палочек.

- Летает? Ты проверил?: - восхищенно спросил Витька.

Друг загадочно блеснул глазами.

- Не томи!: - возмутился Витя, рассматривая это хрупкое творение.

Ники гордо засмеялся, осторожно забирая модель тарелки у друга.

- Все как ты Витя советовал. Пришлось отрегулировать фазу вибрации нижнего купола. Вот тогда она и полетела.

- Это не удивительно. У вибролетов всегда так. Должна быть разность фазы вибрации. Это что бы отталкиваться от воздуха:

- равнодушно согласился Витька.

- Ну, давай! Запускай!

Но Ники уже и так осторожно накручивал нити мотора.

В комнате воцарилась напряженная тишина. Слышно было, как негромко позвякивает чем-то на кухне мама.

Ники шепотом отсчитывал обороты, накручивая резинку.

- Сто двадцать пять... Сто двадцать шесть.

Затем, внезапно улыбнувшись другу, он выпустил модель из рук.

Раздался неприятный стрекот, похожий на стрекот детской трещотки. Бумажные купола модели заметно вибрировали.

А сама модель, которую отпустил Ники, неуклюже висела в воздухе, и даже немного подымалась и, раскачиваясь из стороны в сторону, неловко плавала по комнате, словно пробка на поверхности невидимой воды.

- Здорово!: - закричал от радости Витька, пытаясь осторожными движениями поймать плавающую в воздухе модель.

Завод резинки быстро кончился, и игрушка, качаясь, спланировала на пол, прямо к Витиным ногам.

Мальчишки долго радостно смеялись, обнимая, и похлопывая друг друга.

«Вот теперь, точно, путь в космос нам с тобой открыт!» - радостно заявил Ники, немного успокоившись.

- Не-а-а. К сожалению, нет!: - грустно возразил Витька:

- Это только принцип, Ники. Модель. Игрушка. Для реального полета нужна огромная энергия. Больше, чем способен дать любой двигатель. И к тому же вибролёт не может летать в космосе. Ему для опоры нужен воздух.

- Какая нужна энергия? Ну, скажи хоть примерно! Атомный реактор? Водородный синтез?: - возбужденно просил мальчик. Витька задумчиво мотнул головой.

- Я не знаю, Ники. Не обижайся на меня. Я ведь не техник. Я и

так тебе рассказываю всё, что знаю. Всё, что нам говорят в школе.

- А я и не обижаюсь. Что бы я делал в этой кровати без тебя и твоих идей?: - примирительно ответил мальчик.

- А что бы ты хотел делать?: - уловив горечь в тоне, осторожно спросил Витька.

Паренек задумался. Потом дрогнувшим, неуверенным голосом признался:

- Понимаешь, Витя, я инвалид. На всю жизнь прикованный к постели. Но я хочу летать, посещать разные страны. Может быть даже разные миры во Вселенной. Вот если нам с тобой создать машину, которая унесет нас далеко – далеко...

Оба мальчика тяжело вздохнули. На секунды воцарилась напряженная пауза.

Внезапно Витька поднялся, извиняясь, демонстративно посмотрел на часы и сказал:

- Ну, мне уже пора. Мы с Наташкой к тебе в воскресенье заскочим.

- Подожди! А как же чай? Мама там уже, наверное, бутерброды готовит!: - взмолился Ники.

- Не могу. Родители что-то подозревают. Грозят огромный шмон учинить: - возразил Витька, пятясь к двери.

И уже в дверях, как-то странно, неуверенно добавил, виновато опустив глаза к полу:

- Знаешь, Ники, я ради тебя нарушаю правила. Но я, обязательно попытаюсь тебя познакомить с одной девочкой. Инной. Вот она полноценный техник. Даже уже почти инженер. Вот Инна тебе очень много подробностей может рассказать. Если конечно получится вас познакомить.

Это еще та проблема. Она мальчишек не жалует. Она сама как мальчишка. Очень самостоятельная и красивая девочка. Она тебе обязательно понравится.

Никите на мгновение показалось, что он почувствовал что-то неладное в голосе друга.

- Что, может, она красивее, лучше нашей Наташки?: - осторожно спросил он, пристально рассматривая глаза друга.

Но тот отвёл глаза, нервно подернул плечами и шагнул за дверь.

Семья (ДП)

Он не позвонил, из принципа открыв дверь своим ключом. Разделся, не громко поздоровался с матерью, возящейся на кухне, с отцом, читающим на диване газету.

Затем, так же тихо, направился в свою комнату.

На душе было неприятно. В воздухе чувствовалось напряжение.

Спустя почти час в Витькину комнату зашел отец.

Он, молча, подошел к сыну, рисующему что-то на огромном листе ватмана, цветной, художественной пастелью.

- Очередной фантастический опус? Красиво рисуешь. Только бессмысленно, и не актуально. Мы ведь советские люди, а не патриции или изнывающие от скуки буржуазные фантазеры.

Талант нужно с детства затачивать для полезного применения,

- сказал отец, внимательно рассматривая Витин рисунок из-за

его плеча.

Мальчик улыбнулся. Это был хороший знак.

Он медленно отложил пастель, слегка откинувшись назад, прислонился

головой к отцовскому животу. Тот ласково взъерошил сыну волосы.

- Ну ладно, ладно! Ласкаешься как котенок! Шестнадцать уже, а все ласковый и нежный как малыш.

Но в голосе отца, чувствовалось тепло и прощение.

- А чем плохо, быть художником любителем? Фантазером? - с притворной наивностью спросил Витька.

- Любителем можно быть, если холодильник полон всяких вкусностей. А вот фантазером быть плохо. Народ фантазеров, мечтателей не любит, - пояснил Отец, осторожно уклоняясь от спора.

Но Витя со свойственным ему необъяснимым спокойствием, которое вместе с другими последствиями лесной школы, теперь так раздражало родителей, негромко и слегка иронически возразил отцу.

- Это все по вине ошибок вождей.

- Каких ошибок? Каких вождей? – словно ужаленный встрепенулся отец.

- Да всех подряд. И наших и вражеских, – примирительно вздохнул мальчик, откладывая пастель в сторону. Насиловать патриотические чувства родителя ему не хотелось.

- У Маркса, Энгельса, да и у буржуазных вождей написано, мол, общество строится на производстве и распределении. Мол, главное производство, это производство людей. Отсюда все семейные и моральные законы. Но люди еще производят всякие блага, - еду, одежду, жилье и прочее - необходимое для жизни людей. Отсюда вытекают законы собственности и распределения ресурсов.

- И что тебе не нравится? – насторожился отец.

В последнее время он старательно избегал подобных разговоров с сыном. Витька жестко укладывал его на лопатки.

- В этом суть главной ошибки. Объясни мне отец, почему всего лишь один из миллионов видов живых существ на Земле, возомнил себя хозяином Земли? Почему люди решили, что Природа мертвый, тупой механизм, оседлать и усмирить который, - наше человеческое предназначение? И вообще, откуда такая болезненная уверенность, что Природа, создавшая нас, позволит нам подчинить себя - ради нашего счастья и размножения? Позволит властвовать над миром существ и даже над миром своих идейных врагов? – игриво усмехнулся Витя.

- Нет, конечно, для животных, пусть даже обладающих разумом, такое поведение свойственно. Что же им еще хотеть,

кроме размножения и материальных благ? Кроме распределения этих благ и контроля над окружающим миром? Отец едва не кипел от досады. Его собственный сын, сын уважаемого советского работника, нес такую ерунду.

Но понимая, что подростка эмоциями не осадить, он вздохнул пару раз, глубоко, и спросил как можно спокойнее.

- А ты можешь предложить что-то разумнее?

- Мне не нужно ничего, никому предлагать, если речь идет о разумных существах, папа. Разумные существа инстинктивно решают проблемы достойным образом. – усмехнулся Витя, опять ласково прижимаясь щекой к животу отца, стоящего за его стулом:

- Это еще одно удобное идейное заблуждение вождей. Мол, людей можно воспитывать добру, сознательности, творчеству. Нужно только дать им хорошую теорию, коммунизма например. Смешно! Научить можно злу. Испоганить, озлобить, сломать человека всегда легко. А вот тяга к добру, к познанию и творчеству, - это свойство наследственное. Это фактор первичной мотивации людей. Так же как, например, пастушьи качества отдельных собак. Лаять и кусаться, делить мясо в стае, - можно научить любую собаку. Но пасти скот, заботиться о чужих малышах, творчески исследовать местность вокруг пастбища, - обучаются только имеющие врожденные качества собаки.

- Чушь! Чушь и ахинея! – перебил его отец.

- Вовсе не чушь. Ты можешь представить себе, что нормальный человек, попав в стаю обезьян, начнет бороться с их лидерами за бананы или за престижных самок? – тихо, но уверенно ответил мальчик.

А затем, решительно мотнув непокорным чубом, совсем повзрослому добавил.

- Нет, если конечно человек от рождения ощущает себя животным, то законы материально-производственной логики для него верны. Корова не страдает от того, что она корова. Но разумное существо, не станет работать только ради еды и детей. Разумный человек не будет драться всю жизнь за раздел

имущества, не будет учить своих детей борьбе с людьми. Его интересует творчество, наука, искусство и познание тайн Вселенной. Он не считает, что накормить голодных и обеспечить их крышей над головой, сколько-нибудь важная цель во Вселенной. Если он разумен, он всегда найдет способ уйти от борьбы с людьми. Способ подчинить свои инстинкты разуму и жить только с подобными себе.

- Это же откровенный фашизм! Ты говоришь, что среди людей есть высшие, а остальные просто животные! - едва не закричал испуганный мужчина.

- Вовсе не фашизм, папа! Фашизм учит притеснять людей. А это научная истина для Людей, которую коровам говорить совсем не обязательно. Истина, папа, не зависит от наших моралей и политики. Вот поэтому, мудрые люди во все времена пытались уйти из стада. Например, Диоген. Или Леонардо Да Винчи... - горько вздохнув, возразил Витя.

Отец сделал несколько отчаянных, нервных движений руками. Но затем обреченно махнул рукой и повернулся уходить прочь. На его лице застыла болезненная гримаса.

- Наташка твоя сегодня дважды прибежала. Обещала зайти ночевать, – сказал отец, словно вспомнил, словно оправдывая причину визита в Витину комнату.

- Скажи сынуля, если можешь, конечно, - внезапно спросил отец серьезным голосом.

- Вы, когда ночью здесь закрываетесь, спите гольшом или просто на одной подушке?

Витя смутился.

- Ты же знаешь, мы дружим с детства. Иногда засыпаем на одной подушке. Но гольшом никогда. Это честно папа! Я же уже знаю, откуда детей аист берёт.

- Приходится тебе верить. Что еще остается делать, – вздохнул папа.

С этими словами, многозначительно отец вышел из комнаты.

И уже в дверях, как бы невзначай вспомнил.

- По телевизору Американский «Аполлон» показывали. Тот, что на Луну полетел. Такая здоровенная дура оказывается.

Больше наших «Союзов» и «Восходов»!

- А ты что думал? – усмехнулся Витька.

- Все у нас на работе, теперь ждут, может на днях, что-то про Луну покажут, - продолжал отец.

- Нет, папа. Не покажут. Это же Американцы летают.

Американцы враги трудящегося человечества. Нечего сознательному советскому труженику на Луну через объектив врага пялиться, - иронически ответил мальчик.

Отец согласно кивнул и закрыл за собой дверь, даже не заметив иронию в его голосе.

С матерью Витька не разговаривал почти месяц. Точнее, это она перестала ему отвечать, после той ссоры.

Мать с подачи Витиной бывшей учительницы Светланы Георгиевны, вбила себе в голову, что с Витей в школе-интернате происходит что-то ужасное. В душе мамы боролись два чувства, - страх за сына и страх потерять престижную работу, связанную с командировками.

И поэтому, она злилась на всех.

Светлана Георгиевна, увидав при обходе учеников Витины рисунки, хранящиеся у Наташки, начала приставать к девочке с расспросами.

Учительницу шокировали нагие люди, живущие на берегу некоего фантастического моря, среди диковинных растений и огромных стрекоз снующих над пляжем.

Но больше всего ее возмутил рисунок рыжего мальчика, которого Витька сам не понимая почему, часто рисовал гольшом, рядом с драконами, дельфинами и крылатыми конями - пегасами.

Ната уже давно перестала спрашивать друга, неизменно получая уклончивый ответ.

- В чем его вижу в школе, в душевой бассейна, в том и рисую.

Рисунки были плохонькими, еще тех лет, когда Витька учился прорабатывать детали человеческих

тел. И поэтому некоторые части тел, производили на чрезмерно утонченного зрителя ошеломляющее впечатление.

- Это что за гадость, там у них нарисована? Как тебе не стыдно такое держать у себя в комнате?, – возмутилась учительница, схватив рисунок, бросилась к Натаиной маме.

Мама долго рассматривала рисунок, качала головой, но потом, вздохнув равнодушно сказала.

- Нет. Не нахожу ничего ужасного. Просто дети. Просто загорают.

- Как? Да вы что! - чуть не поперхнулась учительница.

- А то, что у них там, нарисовано!?

- А что там, у них, по-вашему, должно быть нарисовано? - простодушно спросила Натаина мама, приводя учительницу в

бешенство.

- Как вы не понимаете! Это выглядит ужасно! - закричала та.

- Ничего страшного. Постепенно, Витька научится и эти части рисовать правдоподобнее, – успокоила учительницу Натаина мама.

- А другие рисунки вы видели?! Там же люди голые с копьями и луками! - возмутилась учительница.

- Да. Конечно. Дикари, или древние греки, наверное. А какую одежду он должен на них рисовать? - покачала головой женщина, уходя на кухню.

Но учительница на этом не успокоилась. Занялась упорной

борьбой за нравственность детей.

Раз за разом, учительница убедила родителей Вити, разузнать подробности Витиной жизни в интернате.

- Вы ребенка в интернат, государству спихнули, и даже не интересуетесь, - что там с ним происходит! - говорила она так громко, что Витя слышал за дверью своей комнаты.

- Мы все время с женой, по всей стране шатаемся. А это, между прочим, специальный интернат. Закрытого типа! Для избранных детишек, - оправдывались родители.

- Для избранных. Да еще и закрытый! Это же идейный подрыв советской педагогики! Разве могут быть в советском обществе избранные дети?! Сами вы хоть раз там были? Чем они дышат, - видели? Как же можно, ребенка чужим бросать? - наседала учительница.

- Ездили мы пару раз, в день открытых дверей. Там бассейн, светлые классы, чистая столовая, - пыталась оправдываться Витина мама.

Но сомнение уже было посеяно в её душе.

Они втроем, набросились на Витю с расспросами.

Но Витя молчал как «пионер-герой», упорно отсылая к своему директору.

- Я требую, что бы ты немедленно мне всё выложил! - почти срываясь в истерику, наседала мать.

- Ты уже пять лет занимаешься в этой школе! И ни разу, ни единого слова нам не рассказал о вашей жизни! Либо ты сейчас всё выкладываешь, либо отправляйся жить в свою школу, а про мать и отца забудь!

Витя только расстроено пожал плечами, начал нервно собирать свои вещи.

Конфликт погасил отец, задержав за руку уже направляющегося в прихожую Витю, он спросил.

- Эта школа действительно для тебя так важна, что ты можешь сейчас взять и уйти от родителей?

Витя кивнул чуть не плача от досады.

Отец, похлопал его по плечу и забрал сумку из рук.

- В конце концов, тебе почти 16 лет. Мама явно перегнула палку.

До директора школы родители видимо не дошли, по причине своей рабочей занятости. Все-таки нужно было ехать за тридцать километров в лес, на электричке.

Или, сам директор им всё толково объяснил.

Но с тех пор, мама перестала с Витей разговаривать. И родители уже почти месяц не встречали сына по пятницам на вокзале.

Они делали вид, что ничего не произошло.

Что они, просто, стали считать сына совсем взрослым.

Наташка (ДП)

Наташка объявилась как всегда в восьмом часу вечера. Она была запыхавшаяся, румяная от мороза, с белыми фигурными коньками наперевес, через плечо.

- Заходи доченька! - с подчеркнутым добродушием и приветливостью втянула её за руку мама.

- Удивительная способность всегда приходить точно к ужину, - съязвил Витя, подымаясь ей навстречу из-за стола в зале, где семья уже уселась ужинать.

Мама, укоризненно посмотрев на сына, усадила девочку за стол рядом с ним.

Натка была очаровательной, стройной, миниатюрной смуглянкой. Чуть светлее цыганочки, с правильными чертами лица, мягкими волнистыми локонами и уже оформившимися женскими признаками. Между детьми с детского сада существовали не то дружеские, не то родственные отношения.

- Знаешь, Витька! Дядя Павел говорит, ты будешь писать фантастические рассказы! - сразу затрещала девочка, отобрав инициативу у матери, по-хозяйски наливая чай в красивые

фарфоровые чашечки
Витиному папе, а затем и
всем остальным.

- И что же это твоему дяде
Павлу так понравилось? -
огрызнулся мальчик.

Но девочка не обращала
внимания на его
язвительность.

- Я ему сказала про твои
фантазии о компьютерах.
Помнишь, о тех, которые

маленькие, как книга. С цветными экранами. Которые могут
управлять самолетами, рисовать на экране карты и картинки.
Дядя Павел сказал, что такое, конечно, когда-нибудь будет. Но
только лет через тридцать, не раньше! Году в двухтысячном.
Мол, компьютеры маленькие и картинки на экране – вещь
сугубо фантастическая.

- Вот и мы говорим ему то же самое! Вам тогда будет лет за
сорок уже! - с агрессивной иронией подхватила Витина мама,
раскладывая блины по тарелкам и поливая их малиновым
вареньем.

Витя равнодушно молчал. А Наташа продолжала его
осторожно высмеивать.

- Дядя Павел сказал, что у них в институте НИИ ЭВМ самый
маленький компьютер занимает целую комнату. И он, конечно
же, рисовать на экране не умеет, только цифры и буквы
печатает. Для такого компьютера во всём мире деталей и
программы нет. А НИИ ЭВМ - самый прогрессивный научный
институт по компьютерам в мире!

Витя тихо вздохнул, сделав безразличный вид, запивая блины
душистым грузинским чаем.

И лишь только мама никак не могла упустить момент.

- Вот-вот! Правильно говорит твой отчим, Наточка! Заврался
наш Витенька! Что-то неладное с ним творится в этой лесной

школе. Мы с папой, наверное, будем его забирать оттуда.

- Вот здорово! Опять будем вместе учиться! – радостно взвизгнула девочка.

После ужина опять перебирали Витины рисунки. Наташка с детства любила их рассматривать снова и снова.

- Ты становишься совсем чужой, - тихо с горечью призналась девочка.

Витя только пожал плечами.

- Наша училка права! Интернат тебя портит. Раньше ты интересовался всем подряд. Искал всё необычное. Мечтал о небе, о звездах, о планерах.

В четвертом классе мы с тобой даже убежали на поезде. Хотели добраться до Киева. Помнишь? Ты тогда увидел по телику, что в Киеве, в доме пионеров учат детей летать на настоящих планерах.

- Кружок закрыли. Детей разогнали клеить бумажные самолетики. А учителя посадили в тюрьму, - грустно улыбнулся Витька.

- Это мы потом узнали. А до этого, помнишь, как мы рвались сбежать в Киев? - возразила девочка.

- Это все забавы детские, Наточка. Планера, полеты на веревочке. Поиски геройской судьбы на благо народу и Родине.

Наташка отложила стопку рисунков и, подсев к Вите на большой плюшевый диван, доверчиво положила ему голову на плечо.

Мальчик нежно шевелил пальцами ее мягкие длинные волосы, темными волнами струящиеся почти до плеч. Затем она вдруг заговорила взволнованным голосом.

- Я книжку странную, «самиздатовскую» от нашего географа взяла на день почитать. Называется «Секретный бастион». Там говорится о таинственном «Эзотерическом Круге», - цитадели всего земного человечества. Там написано, что он последняя надежда человечества. Последняя надежда - остановить

проклятие. Только там о самом проклятии почему-то ничего не сказано... Этот бастион, словно кость в горле для буржуев, для церкви и для нашей партии. Потому что там истина о нашем настоящем прошлом. И если люди эту истину вспомнят, они больше уже не захотят убивать друг друга за кусочки хлеба, за богатства, за власть и женщин. И тогда ни церковь, ни вожди народа, ни смелые генералы уже никому не понадобятся. Потому что все люди будут рождаться с отвращением к вражде и насилию.

Девочка чуть не плакала, - словно бы сказка о Бастионе напрягала самые болезненные струны ее души.

И прищутив слезящиеся глаза, Ната начала декларировать по памяти:

«Бастион.

За далекими морями,
среди хребтов и мрачных
скал,

Шел над мглистыми
горами непроходный
перевал.

Не Драконы и не Демон охранял ущелья сон,
Возвышал немые стены неприступный Бастион.
Кто, когда его построил и зачем, - никто не знал,
Только варварству дорогу он на веки закрывал.
Сквозь глазницы черных бойниц, через мрак стальных окон
Днем и ночью наблюдает неусыпный гарнизон!
Вьюга вечности свистела, и кружил столетий лист,
Все подходы под прицелом у заряженных баллист!
И гласит легенда наша, будто страхом окружён
Никогда не знал осады неприступный Бастион.
И не рыцарь, и не варвар, не Христос, никто другой
Даже в мыслях не решались
Перевал пройти тропой!

Что звалась всегда не торной!
И умножила молва нерушимость укреплений,
Неприступных, как скала!
Годы шли, и ветры злые изменили лики гор,
Там, где были только камни, зашумел сосновый бор.
И засыпали обвалы ту трапу на перевал,
Где когда-то, по преданью,
Мира Бастион стоял.
Но его седые стены и гранит могучих плит
Не упали, не усели,
он стоит как монолит!
И пройдут века, эпохи,
Время в бездну улетит,
Силу Древней Цитадели
Бастион еще хранит!
И когда под звездным небом замолчит церковный звон,
Он вернется к нам из пепла,
неприступный Бастион!»

Витя слушал как замороженный, боясь вздохнуть, или пошевелиться.
Он почти не видел девочку, а лишь только сказочную восточную принцессу перед собой. Казалось, своим взволнованным, мягким, грудным голосом она открывает туннель в прошлое.

Туда, где когда-то, еще на заре времен, наши могучие и мудрые предки возвели Цитадель Разума...
И нужно только решиться, шагнуть вслед за девочкой, брезгливо перешагнув через мерзость меркантильной возни и пылающий жар костров инквизиции...

Девочка так же внезапно замолкла, растерянно посмотрела на друга. Она чуть не плакала, глазами ища поддержки, понимания.

Но мальчик только упрямо встряхнул головой, избавился от наваждения.

- Что ты хочешь? Говори прямо! - жестко спросил он, смотря Наташе в глаза.

Наташка смутилась. Отвернулась. Вся сжалась в комок боли и обиды.

- По-моему, ты замкнулся в себе. Озлобился на людей. Скрываешь в душе что-то страшное.

Некоторое время сидели молча.

Затем, девочка укоризненно покосилась на него.

- Может просто у тебя в вашей школе кто-то есть интереснее меня? - сухо спросила Наташа.

Витя словно вернулся к реальности. Разбираться с девчоночьими ревностями ему не нравилось.

- Знаешь, может ты сегодня пойдешь спать к себе? Папа уже давно косится, задает вопросы разные, - сухо сказал Витька ей в ответ.

Девочка медленно встала с дивана и под села к столу. Затем тихо сказала, словно обдумывая что-то вслух.

- Взрослым всегда все мерещится. Мама с отчимом помешаны на этом. Стоит мне пойти к тебе, вслед кричат.

- Ты уже большая девочка, что бы спать в одной комнате с мальчиками!

- Помнишь, как мы познакомились? Нам тогда было лет пять, - продолжила девочка.

- Твои родители оставили тебя у нас, уезжая хоронить вашу бабушку. Мы с тобой тогда вместе спали, ели и купались в одной ванне, - улыбнулась девочка.

- Мама мне тогда сказала: «Вот, Наташенька, мы тебе братика на прокат взяли». Только видимо срок проката уже заканчивается...

Ната укоризненно смотрела на него.

- А помнишь, как мы вместе ходили на каратэ, - в подпольную секцию, в подвал соседнего дома. Потом мускулы друг другу каждый день проверяли? - отчаянно пыталась его зацепить

девочка.

Но Витька только равнодушно кивал.

- Да, помню. Помню.

- А у вас в интернате кто ни будь приходит на ночь в комнату к другу? - внезапно сверкнула глазами Ната.

Витя улыбнулся и ответил, тщательно подбирая слова.

- Наточка. У нас всё иначе. Не как обычно.

Ему почему-то захотелось довериться закадычной подруге.

Разделить с ней свою тайну.

- Иначе? Вы не мечтаете? Не дружите? Не показываете друг другу тепло и доверие? - задиристо спросила девушка.

Витя, нежно положил ладонь ей на плечико.

- Мы мечтаем, дружим, проявляем тепло к товарищам. Но у нас нет этого примитивного выпендрежа, недоверия, эротической озабоченности. Нам не нужно кому-то что-то постоянно доказывать. У нас запросто можно при всех обнять товарища. Даже поцеловать его при всех. Можно обсуждать что угодно, не боясь быть осмеянным и непонятым, - улыбнулся мальчик.

- А бывают эти товарищи девочками? Или ты говоришь только о мальчиках? Тех с мечами и копьями, которых ты рисуешь голыми, рядом с драконами и дельфинами, - продолжая наседать, спросила Ната.

Витя слегка задумался, словно решая для себя что-то очень важное. Настроение Наты ему сильно не нравилось. И тогда, придвинувшись, покосившись на дверь, он ответил тихим шепотом.

- Объясняю, раз тебе очень хочется знать правду: У нас в душевых и в спальнях нет деления на мужские и женские комнаты. Девочка в душевой может запросто всучить мальчику мочалку в руки и сказать: «Потри мне спину». Мы способны спокойно обсуждать, и дружбу, и любовь и чувства, и что угодно. Всё это для нас, не имеет эмоционального или этического значения. Мы уже тысячу раз видали друг друга во

всех подробностях, сотни раз были вместе в разных взрослых ситуациях и поэтому относимся к друг другу и вообще ко все людям на свете совсем не так, как дети в городских школах.

Наташка вздрогнула. Она с трудом переваривала услышанное.

- И она. Другая девочка... Вы стоите в душе совсем голыми? С младшеклассницами и старшеклассниками!? - запинаясь спросила девочка.

Витя чуть сумел сдержать

иронию.

- Нет, Наташенька! Мы моемся исключительно в водолазных костюмах...

Нату заметно трясло. Странные, розовые пятна покрыли ее щеки и шею.

- И ... совсем ничего не бывает? Ну, того... Когда мальчики видят девочек голыми, - спросила девочка сильно запинаясь.

-Нет! - презрительно отстранился от нее Витя.

Он рассеянно ходил по комнате, словно не находя, что ей сказать в ответ.

- Нет, Наташа. У нас не бывает. Может быть, где-то в обычных школах. А у нас нет.

Отчим (ДП)

Минуты три, насупившись, молчали. Затем Витя спросил.

- Почему вы расстались с отцом? Ты уже почти год живешь с отчимом, но ничего не рассказываешь.

- Ох! Это грустная история, - вздохнула Ната, радуясь перемене темы.

- Вобщем, мой отец, как ты помнишь, часто пил. В последние годы, мама пыталась его перевоспитать. Сначала обращалась в местком, в партийную ячейку на работе. Отца проработали, а потом выгнали. Он устроился грузчиком, но пить не перестал. Тогда мама стала действовать по заветам христианской веры, - подставь вторую щеку. Если отец брал деньги на выпивку, мама ждала, пока он протрезвеет, а потом демонстративно разрывала у него на глазах все оставшиеся в семье деньги. Она говорила.

- В следующий раз, беря у семьи деньги на бутылочку, вспомни, что семья и дочь голодают!

И мы добросовестно голодали для перевоспитания отца.

Давясь от брезгливости жрали заплесневевшие макароны и объедки, втихаря собранные мамой на работе, в буфете. Мама не могла решиться брать домой продукты, хотя ее подруги так и делали...

Девочка нежно прижалась к плечу друга, доверчиво посмотрев ему в глаза.

- Знаешь, Вить? Если бы не ваша семья, я бы, наверное, умерла с голоду. Помнишь ваши ужины, - как твоя мать все подкладывала мне котлеты? Помнишь, как мы с тобой воровали яблоки с деревьев в частном секторе?

- Помню! Ты тогда говорила, что мама варит чудные компоты из яблок.

- Вот именно. Мама на этом и выжила. Для меня в те годы каждый вечер у вас в семье был словно рай. Мама сама отсылала меня к тебе на ночь. А сама закрывалась, голодная, в туалете и тихо плакала. А у вас никаких скандалов! Сытный ужин! Интересный друг, - призналась девочка.

- Ну и что? Отец переставал воровать деньги на выпивку? – спросил мальчик.

Ната тяжело вздохнула.

- Нет. Пока мы голодали, он стал выносить вещи и продавал их для выпивки.

- А отчим лучше? – попытался сменить грустную тему Витя.

- Отчим клевый! Он же интеллигент. Настоящий учёный! -

отозвалась девочка.

- Кстати, он ужасно заинтересовался твоими фантазиями о маленьких компьютерах. Говорит, что таких удивительных мыслей он даже у взрослых давно не слышал.

- Ох! Давай, Ната собираться спать. Завтра о компьютерах поговорим, - почему-то сильно заволновался Виктор, резко меняя тему.

- Если очень хочешь, оставайся ночевать у нас.

- Очень нужно! Пойду домой, - резко, обиженно отозвалась девочка, подымаясь с дивана.

И уже в прихожей, надевая шубу, равнодушно добавила.

- Завтра дядя Павел сам приедет с тобой общаться. Очень ему твои фантазии понравились.

Утро выдалось морозное и пасмурное. Красный столбик спиртового градусника, прибитого за окном прямо к раме, опустился за ночь к отметке -20. Всю ночь шел пушистый, сухой снег.

Витя с детства не любил такую погоду. В снежки не поиграешь, крепость из снежных комков на таком морозе не скатаешь.

Сухой снег на морозе не клеится.

Отца рано утром вызвали на какую-то срочную деловую встречу, и он, побрившись старым, еще трофейным, германским бритвенным станком, наскоро позавтракав, умчался на присланной за ним директорской белой «Волге». Мать, ставя еду на стол, по-прежнему сохраняла нарочитое молчание.

Черно-белый телевизор «Горизонт» на обеих столичных программах показывал балет из Москвы. «Вот если бы цветное телевиденье скорее включили!» - подумал Витя, допивая какао с булочкой.

«А еще, ели бы пустили не две программы, а четыре,- как в Москве. Интересно, сколько будет стоить цветной телевизор? Наверное, рублей пятьсот! Четыре средних зарплаты, не менее...»

В этот момент в дверь позвонили.

Вскоре мама ввела в комнату Наташку с ее отчимом.

Девочка делала вид, что уже не обижается. Они поздоровались, и дядя Павел начал с интересом разглядывать Витины рисунки в его комнате.

Пока мальчик доедал в зале завтрак, Ната хозяйничала в его комнате, словно у себя дома.

- Ты прекрасно рисуешь! И живая фантазия чувствуется, - похвалил его натин отчим.

- Наташа много рассказывает о твоих фантазиях. Просто вундеркинд какой-то! Можно с тобой, пообщаться, как коллега с коллегой? - с наигранным уважением, обратился он к мальчику.

Это был лет за сорок, приятной внешности человек в очках. Его фигура и жесты выдавали в прошлом неплохого спортсмена. Говорил он вежливо, с академическими манерами, подчеркивающими его общественное положение и ум.

Рядом с ним, Витя чувствовал себя не в своей тарелке. Почему такой человек связал жизнь с наташкиной мамой - простой буфетчицей в ресторане? Он - серьезный ученый! И она - верующая в Бога буфетчица? Может, решил получить пожизненную прислугу? Или разочаровался в самостоятельных образованных женщинах? – терялся в догадках мальчик.

- Ната мне рассказывала про твои фантазии. Про самолеты, управляемые крохотным компьютером, меньше портфеля размером. Про цветные экраны, плоские как книга, на которых рисуются карты полета.

Знаешь, парень?! Это смелая идея! Даже для научной фантастики!

Твои выдумки в нашем институте всех моих коллег удивили. Но скажи мне, пожалуйста, как ты представляешь себе управление самолетом? Как компьютер будет смотреть на приборы, дергать рычаги, управлять рулем и давить на педали? Или ты полагаешь, что нужен робот с железными глазами, руками и ногами?

Витя искренне удивился, не заметив коварный подвох опытного академического провокатора.

- Ну, зачем же робот? Робот -это для научной фантастики, -

улыбнулся мальчик.

- Нужно к датчикам и моторчикам самолета проводами соединить компьютер. И задать ему формулы, чтобы он информацию прямо с датчиков самолетных считывал.

На лице натиного отчима промелькнула какая-то странная гримаса. Ни-то восторг, ни-то испуг.

- Но компьютер - это же огромная штукавина! Как его запихнуть в самолёт? - провокационно выпытывал отчим.

- Как на экране компьютера рисовать карты и схемы? Да еще и цветные? Ведь компьютер обрабатывает только цифры и буквы! Рисовать он, как известно, не может.

Вите очень захотелось блеснуть в присутствии подруги.

- Я не инженер. Поэтому я не знаю подробностей. Нам говорят только то, что может пригодиться на практике. Например, во время внезапной аварии. Я могу только управлять машинами. Их устройство я знаю очень поверхностно.

Мужчину передернуло от этих слов мальчика. Он весь напрягся в ожидании.

- Валяй! Придумывай! Мне интересны любые твои фантазии! - взволнованно потребовал он.

- Цветной экран можно делать маленьким и тонким, если вместо телевизора использовать светящиеся кристаллы. Их кажется, называют в химии жидкими кристаллами, - вздохнув, начал вспоминать Витька.

Он что-то чувствовал неприятное. Ему этот разговор сильно не нравился. Но отступить в присутствии Наташки он уже не мог.

- Сам компьютер, тоже можно делать маленьким применяя вместо ламп кристаллы. Только схему нужно собирать не руками рабочих, а на специальных автоматических заводах, в глубоком вакууме. Возможно даже это делают где-то в далеком космосе.

- Ну, Витек, тебя занесло! Ты у нас оказывается рупор империализма! Проповедуешь уничтожение рабочего класса путем замены его на заводы-автоматы! Бредишь о таинственных заводах, работающих в далеком космосе, - едко засмеялся отчим. Но затем, похлопав дружески Витьку по

плечу, примирительно добавил:

- Продолжай. Расскажи про картинки на экране.

Мальчик незаметно сморщился от такого неуважительного обращения. Но продолжил уже совсем нехотя.

- А рисунок для компьютера можно легко закодировать в цифры. Это что-то вроде детской мозаики из цветных клеточек. Вместо этих цветных клеточек, в память компьютера записывают цифры координат и цвета для каждой клеточки.

Вот и все.

От последних слов глаза отчима заблестели и забегали как у пойманного вора.

- Гениально! Ты мне сейчас в двух словах объяснил то, что мы студентам пять лет в институтах втемняшиваем!

Мальчик только пожал плечами и, нахмурившись, отвернулся к Наташке.

Та почему-то вся сияла от восхищения.

- Гениально!

Дядя Павел сильно сжал Витину руку за локоть.

- Но откуда ты знаешь такие научные слова? Запись в память. Жидкие кристаллы. Заводы в вакууме. Кто сказал тебе эти секреты? Признайся! – начал строго допытываться отчим. Его тон изменился. Стал похож на интонацию прокурора или воспитателя детской колонии.

Витя вздрогнул и отдернул руку. Но наташин отчим тут же взял себя в руки, оправдываясь.

- Извини, парень! Твой рассказ пугает меня не идеями, а четкостью мыслей и образов! Так не сочиняют сказки дети. Так говорят только о том, что сами видели и щупали руками!

-У-гу: - растерянно мотнул головой мальчик, не зная, что сказать.

- Невозможно! - продолжал нервничать ученый.

- Невозможно, что бы подросток описывал вещи, над которыми бьются ученые многих стран! Вещи, способные поставить любую из враждующих стран впереди других!

Технология таких кристаллов и компьютеров - это прорыв в будущее!

Витька растерянно пожал плечами.

- Может быть, ваши ученые потому и не знают, что они ищут оружие? Может быть, те, кто делает кристаллы, не хотят, чтобы из них здесь сделали новое оружие? - с неподдельной иронией возразил мальчик.

- Бред какой-то! - хмуро отозвался натин отчим.

- Ладно. Будем разбираться!

Он встал с дивана, очень быстро попрощался и, не объясняя ни слова, стремительно ушёл.

Дети удивленно переглянулись.

Витя многозначительно покрутил пальцем у виска. Ната только тяжело вздохнула. Махнула рукой.

И они стали, как ни в чем ни бывало, обсуждать свои планы на день.

В прихожей пронзительно зазвонил телефон. За дверью слышались шаги витиной мамы.

- Я всегда пугаюсь этому металлическому звуку! - призналась Ната.

- Представляешь, по телику показывали новое американское изобретение - телефон с кнопками вместо диска. У него вместо звонка такой приятный звук, типа писка.

- Ну и что? Чего в этом такого удивительного? - равнодушно зевнул мальчик.

- Ты вообще потерял всякое любопытство! Ты только представь, нажимаешь легонько кнопку, а телефон тебе целый номер по памяти набирает! - возмутилась девочка.

Витька только равнодушно пожал плечами.

- Ну и что? Тоже мне, чудо! Телефон с памятью...

И от этих слов, от его искреннего равнодушия Натку всю передернуло.

Она, было, собиралась что-то сказать в укор другу, но махнула рукой, отвернулась и промолчала.

- Витя, твой Никитка звонит. Подойди, пожалуйста! - громко

позвала мама.

- Ой, чёрт! Мы к Никите совсем забыли зайти! - почти хором встрепенулись дети.

Ники в инвалидной коляске, уже за столом вместе с родителями, ждали ребят, не прикасаясь к еде.

Когда все расселись вокруг старомодного круглого стола на четырех струганных ножках, хозяйка принесла огромный яблочный пирог и дымящийся зеленый чайник.

- Как дела, Ники? Витька говорил, ты какую-то новую леталку смастерил? - неуверенно спросила Натка.

- Он на это способен! Он у нас гений! - вздохнула мама.

- Все образуется, мать! Вот заработаю денег на операцию, отвезу сына в Америку, и будет Никитка самым первым женихом в городе! - отозвался отец, похлопывая слегка смущенного сына по плечу.

Но в тоне мужчины ребятам послышалось плохо спрятанное отчаяние.

Воцарилось неловкое молчание.

- Пустое это все, Папа! Ты напрасно из академии на завод ушёл. Таких денег у нас нигде не заработаешь. И американцы мне не помогут. Позвоночник исправить даже их врачи не смогут, - хмуро возразил Ник.

- Спокойно, сын! Их буржуазная медицина за хорошие деньги любые чудеса творит! - вспыхнул отец.

- Что ты такое при детях несешь?! Не дай бог, кто услышит, или дети, по глупости, взболтнут! Это же чистой воды антисоветчина! - всплеснула руками мать.

Но отца несло.

- Хватит, мать! Хватит этой лжи! Почему я должен сына ни в чем не повинного политике в жертву приносить?! Почему политика, мешает нам больных детей, за собственные деньги лечить, там, где им способны помочь?! Почему Никита должен всю жизнь страдать ради веры в нашу самую лучшую бесплатную медицину?! - громко вскричал отец, ударив по столу кулаком. И от его удара на столе зазвенела посуда.

А затем, немного взяв себя в руки, обратился к сыну:

- Ты же мужик, Никита! Должен верить в себя! Будешь верить

- обязательно встанешь на ноги!

- А мне и так хорошо. Вот, Наташка и Витька меня навещают, - как то грустно возразил мальчик, деловито отрезая кусок материнского пирога.

Наташка понурила голову и вся сжалась в дрожащий комочек.

А у Витьки сами собой навернулись слезы.

Понимая, что поступает глупо, он сказал, не поднимая глаз.

- Ты поправишься, Ники! Только подожди немного. Дай мне школу окончить.

Есть такие люди, которые знают, как помочь

Еще ниже понурил голову, уже едва сдерживая слезы, закончил почти шепотом.

- Я попробую их убедить... Помочь тебе...

Взрослые быстро сменили тему. Еще час все наигранно говорили о разных малозначимых вещах. О погоде. О снегопадах. Об американском «Апполоне», облетевшем Луну раньше всех.

Затем, резво вращая руками колёса коляски, Ники съездил в свою комнату и вернулся с моделью бумажного вибролета.

Под аплодисменты присутствующих и восторженный визг

Наташки модель совершила несколько вполне удачных полетов над столом.

- Вот видите, какой у меня гениальный сын растет! - горделиво повторял отец, громко смеясь.

- Я-то тут причем? Я только модель руками клеил. А идеи и расчёты Витины! - честно признался Ники.

Уже когда дети одевались в прихожей, отец отвел Витьку в сторону и, задумчиво всматриваясь в его глаза, сказал.

- Я ученый. Я слышу и вижу больше, чем было сказано. Такие идеи, как эта леталка, на пустом месте не рождаются. Не делай глупостей ради Ника. Только я виноват во всем. Когда Ники в первый класс пошел, я его в гимнастику записал. Хотел, чтобы

сын чемпионом вырос. Ники, словно чувствовал, батута, прыжков боялся. А я напирал и ругал его. Думал, это просто страх...

Витя понимающе кивнул, тяжело вздохнув. Мужчина продолжил.

- К нам учительница из твоей прежней школы недавно приходила с расспросами. Говорит, неладное что-то с тобой в вашей лесной школе творится. Развращают тебя там. Тянут в туманную мглу.

Витька только пожал плечами.

И тогда Никин папа, наклонившись к его уху, чтобы не услышали дети и жена, быстрым шепотом сказал:

- Я в вас верю, парень. Ищите! Ты, Наташка и Ники. Если мы не нашли, деды ваши не нашли, тогда кто?

На дворе метель улеглась. По улицам деловито урчали трактора-снегоочистители. А за ними по проложенным дорожкам лениво плелись потоки городского транспорта.

На ходу основательно застегнулись, укутались в шарфики и, спустившись по лестнице, вышли на улицу.

Снег забился Наташке в ботинки, намочил носки, и она почти перестала чувствовать пальцы на ногах.

- Ты собираешься лишиться пальчиков? - возмутился Витя, сняв с нее носочек, растирая снегом голую, синюю от холода, Наткину ступню.

- Нужно осторожнее на таком холоде! Тоже мне, - южное создание! - укоризненно отчитал Витя, смущенно улыбающуюся девушку.

Немного прейдя в себя, она начала энергично притоптывать ножками.

- Знаешь Витя? А наш географ говорит, что в сорока километрах от Минска давно-давно упал огромный болид! Это было сотню тысяч лет назад. Там воронка осталась, километр в диаметре. Называется Логойский кратер. А сейчас воронка походит на впадину. Заросла лесом, и глухие болота вокруг.

- Ну и что? - осведомился мальчик.

- Что там на самом деле упало, - никто толком не знает. Все ученые и власти правду про Логойский кратер стыдливо умалчивают. Там в земле находят тектиты. Это такие стеклянные шарики из застывших паров базальта.

- И что? - еще не понимал юноша.

- Температура, необходимая для испарения камней на такой территории, бывает только в центре ядерного взрыва! Только если там реактор или двигатель урановый рванул! Ты прикинь, Витенька, что могло там взорваться тысячи лет назад? -

улыбнулась Натка.

- Наш географ иногда говорит по секрету, что земная история вовсе не та, о которой мы читаем в учебниках. Только правду лидеры и вожди никогда не дадут узнать. Все властители и партии в мире, придя к власти, первым делом переписывают историю заново, - попыталась зацепить товарища Натка.

- Ну, понятное дело, скрывают фаты. Кто захочет признаться, что мы всего лишь осколки чего-то великого. - согласился мальчик.

Некоторое время бурно спорили.

Ната доказывала, что с приходом советской коммунистической партии все изменилось. И теперь нужно только найти утраченные странички истории и вернуть их счастливому человечеству.

Витька в сердцах обозвал ее дурой. Мол, пока люди будут делить Землю, богатства, людей, истина для всех одинаково опасна. Истина, как и наука, - вне политики. Но политики всегда и везде маниакально пытаются подчинить факты и науку своему мировоззрению...

Девочка чуть не назвала его космополитом, но сдержалась и только обиженно замолчала.

Когда они подходили к дому, Витя вдруг начал рассказывать:

- Есть такой скромный советский ученый, изобретатель, инженер Генрих Альтшулер. Основатель таких, как наша, детских школ. О нем не трубят газеты и не рассказывают по радио. Мало кто знает, что он еще скрывается под

псевдонимом знаменитого писателя-фантаста Альтава. Первого инженера в мире, заговорившего о кораблях летящих быстрее света. Его даже обвиняли в фашизме, за слова о том, что прилет на Землю Древних существ, создавших людей, был не вымысел и технически был возможен. Что идеи Дарвина о происхождении человека верны только частично. И что корабли Древних пронзали космос, как иголка пронзает ткань: совершая прыжок в тысячи раз быстрее света. Этот удивительный человек изобретает с детства и уже в 17 лет получил свидетельство на первое изобретение. После войны он был арестован по личному приказу Сталина и без суда сослан в лагеря на 25 лет. Его имя и работы засекретили на 150 лет. Но затем, после смерти вождя, умные люди спасли ученого и попросили работать дальше.

Витя сделал паузу, растирая варежкой замерзающий кончик носа, а затем задумчиво продолжил:

- Главное его открытие, - то, за что он был сослан в лагеря, - поразительная математическая наука о глобальном коллективном разуме. Часть этой науки под названием ТРИЗ (теория решения изобретательских задач) сейчас признали в СССР и на Западе. Ее преподают в некоторых школах и ВУЗах. Но главную часть науки о коллективном разуме Генрих сам засекретил после ареста, не отдал Сталину. И никому другому! Потому, что люди не доросли до таких знаний, способных реально, без революций и войн изменять всю планету людей...

- Что же там такого, в этой науке? – вяло поинтересовалась девочка, еще продолжая дуться на Витьку.

- Альтшулер математически доказал, и послал письмо лично Сталину, что марксистское учение ошибочно. А точнее, оно показывает только малую часть проблемы - только вершину айсберга. То, что спрятано под водой, - большую часть айсберга, можно вычислить лишь на электронной машине.

Никакой человеческий гений или вождь не способен решить в уме эти уравнения и понять, к чему на самом деле идет социум. Как на самом деле его можно изменять...

- Чушь какая-то! Не удивительно, что его в лагеря отдыхать

отправили! – зевнула Наташка.

Витька укоризненно посмотрел на нее, а затем продолжил:

- Людям только кажется, что методами идеологической, экономической или военной борьбы они меняют мир. Это иллюзия. Это как муравейник. Каждый муравей что-то делает, о чем-то думает, решает какие-то насущные задачи. Даже королева думает, что она руководит муравейником. Но на самом деле весь муравейник в целом - это один гигантский коллективный разум. То, о чем думает муравейник, какими муравьями жертвует, к чему стремится, а к чему приспособливается - в муравейнике не знает никто. Ни рабочие муравьи, ни королева.

- Тебя послушать, выходит не люди совершают зло, а зло само, как спектакль с куклами, руководит людьми! Мол, люди ходят в церковь или служат партии и не подозревают, что они марионетки огромного Зла! Мол, только в специальных школах можно подготовить людей, способных с этим справиться. Бред и вражеская пропаганда! Для советских людей такого просто не может быть, Витенька! – возмутилась Наташка.

- Еще как может быть, Наточка! Думаешь, муравей с комсомольским билетом в кармане или муравей с крестиком на шее для программы, управляющей этим муравейником, чемнибудь принципиально отличаются? – усмехнулся мальчик.

Они уже почти подошли к своему подъезду дома, когда заметили странную черную «Волгу» с тремя людьми, маячившими у их подъезда.

Один из взрослых резко направился им навстречу. Это был дядя Павел.

- Так, Наталия, ты иди домой! Тебя мама ждет. А вы, молодой человек, сейчас со мной подниметесь за своей мамой! Затем мы все вместе поедим в одно учреждение. В КГБ. Ясно? - строго сказал Наташин отчим.

- Что происходит? При чем тут КГБ?! - возмутилась девочка.

- В этот момент из машины, громко хлопнув дверцей, выдвинулся высокий плотный мужчина в дорогом кожухе и бобровой меховой шапке.

- А ну, бегом марш выполнять приказ! - гаркнул он на ошарашенную девочку.

Предатель (ДП)

Мама была растеряна и подавлена. Она не могла решить, что ей делать: стать на сторону сына или честно выполнять долг советского человека, - помогать властям.

- При чем здесь КГБ? Это же просто ребенок! Мало ли что дети могут, играясь, выдумать! - повторяла она агентам.

- Не придуривайтесь, уважаемая! Тайны, которыми ваш сынуля играет, лучшие ученые мира держат в военных сейфах! - напряжённо куря, возразил натин отчим.

- Я, от вас подлости такой не ожидала, Павел Викторович! Мы к вашей семье, к вашей Наташеньке как к родным людям относимся. А вы ребенка моего в КГБ, как последний и-иу-удушка сдали! - возмутилась мама, торопливо одеваясь.

Сосед равнодушно пожал плечами:

- Дружба дружбой, а служба службой. Вам сейчас лучше подумать, как сына убедить к чистосердечному признанию.

- Признанию?! В чем?! Вы его что, в чем-то еще подозреваете?! Я до генералов дойду! Это вам не 37 год, чтобы детей хватать! - возмущенно завопила мама, прижимая Витьку к себе за плечи...

На роскошной черной «Волге» доехали очень быстро. На перекрестках водитель нагло дудел, игнорируя сигналы милиционеров и светофоров.

Бросив беглый взгляд на его номера и машину, постовые милиционеры униженно отворачивались в сторону.

Их сразу отвели к следователю на втором этаже помпезного здания КГБ.

Допрос вел пожилой, со слезящимися простуженными глазами следователь в форме майора.

Витю и его маму посадили в огромные кожаные кресла, стоящие в таком же огромном кабинете, вытянутом в длину наподобие коридора.

Массивный дубовый письменный стол следователя стоял в другом конце кабинета, возле окна.

У следователя, видимо, была простуда, так как он постоянно вытирал платочком глаза и нос.

- Ну, молодой человек! Сразу предупреждаю, влипли вы по самое «не хочу». Вы болтаете о секретных проектах государственной важности! То, что лет через двадцать станет основой нашего военного могущества!

- Да я, всё сочинил! Что вы ко мне пристали? - попытался отговориться юноша.

Но, увидев злобный оскал следователя, посмотрев на всхлипывающую мать, обмяк и сменил тактику:

- Что вам нужно? Что я такого сделал?

- Степень вашей вины мы скоро уточним. - буркнул следователь

- А пока что, пожалуйста, расскажите без наивного вранья: где учитесь, в каком классе, с кем дружите. Живо!

- В экспериментальной спортивно-технической школе №1. Десятый класс. - неохотно ответил Витька.

- Назовите своих друзей. – потребовал тот.

Витька поморщился:

- Я со всеми дружу.

- Тогда двух любых ребят! Живо! - ехидно подмигнул следователь, что-то записывая.

- Дети-то тут причем? Вы что, и его друзей станете допрашивать? - возмутилась Витина мама.

- Все сейчас узнаете! - хищно улыбнулся следователь.

Витя назвал девочку и мальчика. Следователь снял трубку с черного старинного аппарата с рогами. Набрал трехзначный номер, продиктовал кому-то фамилии.

- А теперь объясните, молодой человек. От кого про эти

необычные компьютеры слышали? - продолжил он, положив трубку на рога телефона.

- Я не слышал. Я их видел. - тихим голосом признался Витя, понурившись.

- Чего?! Во сне, что ли видели? - передразнил Витьку следователь.

- Ну и кто же такое чудо для вас лично смастерил? - засмеялся он, подмигивая сидящему рядом натиному отчиму.

- Этого я не знаю. - глубоко вздохнул мальчик, опустив глаза к ботинкам.

- Нам подробности о заводах не рассказывают.

- Ты, парнишка, вообще понимаешь, куда и по какому поводу попал? - строго спросил следователь, поднимая на мальчика сверлящий, колючий взгляд.

В этот момент зазвонил телефон.

И он некоторое время о чем-то довольно переговаривался в трубку. Затем, положив трубку, тщательно высморкав нос, он сказал вкрадчиво вежливым голосом голодной лисицы:

- Школы такой, по сведениям Министерства Образования, вообще не существует! Но это не самое интересное. Ты - Нечаев Витя, по сведениям Министерства образования, с шестого класса действительно обучаешься в школе-интернате. Но не за тридевять земель, а в пригороде Минска, в поселке Ждановичи! В санаторно-лесной школе, для детей сердечников и астматиков! Ты, оказывается, у нас теперь сердце-ечник!

Мама буквально подпрыгнула на своем стуле. Но следователь, резким жестом заставив ее сесть и молчать, продолжил издевательским тоном:

- А ребята, которых ты нам назвал, еще загадочнее тебя! Юлия Морозова, учится в городе Могилеве в специальном ГПТУ для отвязанных подростков и малолетних преступников. Причем, как ты понимаешь, - информация о таких детках секретна.

Что касается Димы Котикова, то этот мальчик, наверное, тебе во сне пригрезился. Да? Или нет?! Ну, признайся, кто тебе про

Котикова сказал?

- Не понимаю! - поперхнулся Витька.

- Вот как? Не понимаешь?! - усмехнулся следователь.

- С Димкой Котиковым ты при всем желании познакомиться не мог. Даже в морге! Этот мальчик, воспитанник Жодинского детского дома, четыре года назад утонул зимой в болоте, в дремучем лесу, когда ему было только двенадцать! Его тела весной так и не нашли. Как же ты о нем узнал, парень?..

- Что здесь происходит?! Что вы такое говорите?! Сынуля, объясни нам всё честно! - вскочила на ноги мать, вся бледная и дрожащая от страха.

Витя только пожал плечами.

- Не знаю. Если бы знал, сказал бы. Зачем мне что-то скрывать? Наступила тревожная тишина. Витька сидел, насупившись, ковыряя паркет пола носком ботинка. Следователь закурил, внимательно изучая мальчика, обдумывая создавшуюся ситуацию.

Затем Витька встал, подошел к столу, взял кусочек бумаги и карандаш.

Быстро что-то написал на бумаге и сказал:

- Позвоните директору школы, вот по этому телефону. Он ответит на ваши вопросы.

Сидевший в углу напротив них наташин отчим весь встрепнулся.

- Молодой человек! Может быть, хватит?! Вы вообще понимаете, в чем вас обвиняют?! Куда прикажите звонить?! В Могилев, в колонию для малолетних хулиганов? Или в детский санаторий в Ждановичах? Или, может, гадалке, фее, духу, которые вам про Диму Котикова поведали?

Мальчик хмуро пожал плечами, внимательно изучая собственные ботинки.

- Что там у вас за школа в лесу? Кто мог секреты далекого будущего вам, как вы говорите, показывать? Те, которые сейчас - предел мечтаний для генералов всех стран мира? – нервно бегая по кабинету, орал на него натаин отчим.

Витька совсем опустил глаза.

- Я вам честно рассказывал, все, что нам в школе преподают. Я не виноват в том, что создатели этих машин, их генералам не показывают. - он запнулся, не зная как объяснить им такую простую и понятную даже ему, школьнику, истину.

Потом отчаянно махнул рукой и замолк.

Но наташкин отчим пропустил его реплику мимо ушей:

- Как докладывает разведка, даже на американском «Апполоне» облетевшем Луну таких компьютеров, пока ещё нет. А твоя запутанная школа, непонятные одноклассники! Ты у нас теперь просто подпольщик, агент какой-то!

- Да, вот, кстати! Что это такое? - перебил его следователь, доставая из ящика стола Натину белоснежную майку, с красивой, вшитой прямо в ткань, цветной эмблемой школы.

На рисунке, распластав крылья, летел зеленый дракон с босоногой девчонкой, сидящей верхом на его чешуйчатой спине.

- Что это такое? Где взял? - повторил вопрос следователь.

- Это просто майка. Я ее Наташке, приемной дочке вот этого, ... - он запнулся, кивком показывая на Наташиного отчима.

- Я его Наташе, дочке этого ... , на день рождения подарил. - закончил фразу Витька.

- Понятно, что футболка, майка - подарок. Я не об этом спрашиваю. Что за рисунок на ней? Как сделан? Где? - перебил его следователь.

- Просто рисунок. Девочка верхом на драконе. Эмблема нашей школы. А что плохого? Это же не фашистская свастика! - удивился мальчик.

- Ты посмотри, из какого тончайшего шелка, с каким ювелирным искусством соткан рисунок паутиными нитями. Таких нитей и тканей даже в магазине "Березка", торгующем за валюту, нет! Это явно, предмет буржуазных продажных технологий, - когда футболки делают на космических заводах. У них же нет планового народного хозяйства! - сухо возразил мальчику следователь.

Поняв, куда клонит следователь, мать словно очнулась и

вздрагнула:

- Предатель ты сосед! Друга собственной падчерицы в КГБ сдал! У своей собственной падчерицы майку украл. Кто же ты после этого?! - презрительно процедила Витина мама в сторону натиного отчима.

Но Витя только еще раз вздохнул:

- Я в текстильных технологиях не разбираюсь. Что у меня было, то и подарил. Позвоните директору. Он вам всё объяснит. И про нитки. И про компьютеры. И про мальчиков из болота... - хмуро настаивал юноша.

Следователь нажал скрытую под крышкой стола кнопку звонка и улыбнулся.

- У нас здесь тоже есть автоматизация ! Вот я кнопку нажал и сейчас зайдет сотрудник. Правда, он не робот, как тебе грезится! - он громко засмеялся своей шутке.

- Проверьте, что это за телефон? Спросите, знают ли там парня? - приказал он вошедшему лейтенанту.

- Всё! Больше никаких тайн! В школу больше не пуцу! В понедельник забираем документы назад! - бросилась на Витьку мама.

- Не торопитесь, мамаша! От нас до понедельника нужно еще благополучно уйти. Есть вариант – прямо здесь особое направление получить... - продолжал острить следователь.

И он долго, подробно рассказывал им, что бывает за шпионаж, за измену Родине, за преступный доступ к секретным сведениям...

Спустя минут двадцать, в кабинет вошел тот же офицер. Он был озабочен.

- Ну что, выяснили, чтонибудь? - сморкаясь в платочек, спросил следователь, прервав свою лекцию о врагах и шпионах.

Лейтенант, нагнувшись, негромко шепнул начальнику что-то на ухо.

Тот, вскочив со стула и отмахиваясь от помощника, как от

ядовитой змеи, стал хаотически бегать из угла в угол по комнате.

- Ну, что? Объяснили вам что-нибудь по тому телефону? – удивленно поинтересовался натин отчим.

- Объяснили! – огрызнулся следователь.

- Что?! – изумился отчим.

- Все! Все объяснили! – вдруг истерически заорал на него тот.

- Вы что, ситуацию не поняли, лейтенант?! Вы, идиот! – кричал он уже на своего помощника так, что жилки надувались на его шее.

- Немедленно отвезите ребенка с мамашей домой!

Немедленно! Мать ваша ..., выругался он!

И уже повернувшись к остолбеневшей витиной матери, учтиво и подобострастно сказал, вытирая пот на лбу:

- Извините, уважаемая гражданочка!

Он осекся, подошел к ней вплотную, взял ее трясущиеся обе ладошки в свои потные и трясущиеся руки и учтиво, долго пожимал их, приговаривая:

- Извините нас, дорогой вы наш, любезный товарищ мама!

Извините, что нечаянно оторвали вас от важного, семейного, воспитательного процесса. Все по глупости это нашей!

Никакого враждебного умысла...

И затем, резко кинувшись в сторону помощника:

- Что застыл, кретин! В машину немедленно!

- Как домой?! - изумился растерянный натин отчим:

- Витя нам совсем ничего не объяснил! Я ведь завтра по этому инциденту должен что-то министру обороны докладывать!

- Что? Министру обороны про этого мальчика?! - взревел следователь, багровея от гнева.

- Вы хоть чуточку представляете себе, что пытаетесь сожрать?! Вы мне лучше скажите, вы себя кем воображаете, голодным псом или косточкой?

И затем, махнув на него рукой, закричал вдогонку лейтенанту:

- Чтоб до самой двери! До дверей квартиры, лично доведите!

А то вдруг споткнутся на ступеньках, или вдруг хулиганы какие-нибудь! - орал следователь, метаясь по кабинету из угла

В угол...

Домой ехали молча в той же черной «Волге». Мама всю дорогу всхлипывала и дрожала всем телом. Витька нежно, как котенок жался к её плечу, ласково поглаживая ее руки.

Молодой офицер и тот самый детина в штатском как-то неестественно прислуживали им обоим.

Помогали витиной маме подняться по лестнице.

А перед Витей шарахались в сторону, уступая дорогу, словно генералу.

Уже дома, немного придя в себя, мама подошла к сыну и, обняв его за плечи, растерянным голосом спросила:

- Ты сынуля можешь мне хоть что ни будь объяснить? Я совсем запуталась! Что происходит, Витя?

- Что объяснять? Ты же сама всё уже увидела. Следовательно все сам сказал. - удивился мальчик.

- Я тебя и папу очень, очень люблю. Даже не сомневайтесь. Я никогда бы ничего плохого делать не стал. – тихо ответил он. Повернулся спиной к растерянной матери и ушел в свою комнату.

Разлука (ДП)

Родители Витю больше не трогали. Последний инцидент сильно их шокировал.

Засыпая, он слышал приглушенные споры на кухне.

Кажется, папа пытался успокоить маму, многократно повторяя, что, мол, раз следователю КГБ по ушам надавали, то и им в Витькины дела лезть не стоит.

Но мама упорно переживала. Мол, кто их там всех знает? При Сталине было много громких разоблачений. А сейчас кто страной правит, - вообще не понять! Как бы мальчика по глупости не втянули в...

Утром в семье царило напряжение. Отец проснулся раньше обычного времени. Побрился, позавтракал с сыном, словно

ожидая от него чего-то.

Но мальчик молчал. И отец сдержался. Вздохнув, ушёл работать в свою комнату.

Витя позвонил Нику и они почти весь день, в шесть приемов, проболтали по телефону.

Состояние Ника сильно его тревожило. В речах друга чувствовались мысли о самоубийстве. Виктор, как мог, попытался отвлечь Ники. Говорил ему про прогресс медицины, про заморские дальние страны, в которые они вместе обязательно когда-нибудь поедут.

Но в душе оставалась тревога и страх за товарища.

Вечером Витька, что-то буркнув родителям, накинул пальто и заскочил к товарищу.

- Встретимся ровно через неделю, как всегда. - пообещал он парню.

Ники как-то слишком трогательно прощался с ним.

- Знаешь, Витя? - краснея, сказал тот:

- Будь осторожнее с Наташкой.

- В каком смысле? - удивился мальчик.

- Девочки становятся женщинами раньше, чем пацаны мужиками. - уклонился от ответа Ники:

- А не понятая в любви женщина может от обиды наломать больших дров. Ведь недаром в старину одиноких и красивых женщин считали ведьмами, проводниками Зла...

- Чего это ты выдумал. Наташка просто мой близкий друг, с детства. С чего это ей на меня обижаться? - пожал плечами Витька.

- Дурак ты, Витька! Маленький еще совсем. Раньше, - это раньше. А сейчас мы вырастем. И она тебя простым другом уже не считает...

Никита покраснел, приподнялся на локтях к Витьке и сказал доверительным голосом, как говорят, наверное, только близкому человеку:

- Я её тебе уступаю без обид, добровольно, как брату. Только

позаботиться о ней как следует, ладно?

- Ты, вообще, на что намекаешь? Что за хрень такую здесь несешь?! - окончательно расстроился Витя.

- Все нормаль, Вить! Говорить больше не о чем... - отворачиваясь к стенке, пояснил мальчик.

- Достали вы меня оба! Вам что, больше думать в жизни не о чём? Мальчишки, девочки, любовь-морковь, обидки разные... Телик, мультики весёлые, хоккей на льду посмотрите! - фыркнул Витька, пожал другу руку и весь расстроенный пошёл домой.

Наташка не появлялась все воскресенье.

В понедельник утром она как, обычно, позвонила в дверь, уже собранная в школу и готовая проводить его к вокзалу. Это была многолетняя традиция, которую не нарушали, несмотря ни на какие ссоры.

Они вместе вышли из подъезда.

Было холодно.

Белый пушистый иней причудливыми иголочками искрился в свете ночных фонарей.

Выпавший ночью снег приятно поскрипывал под подошвами. Девочка сложила ладошки трубкой у лица и игриво выпустила воздух изо рта, который тут же превратился в белое облачко пара, оседающего инеем на воротнике и рукавицах.

Она улыбнулась другу, положила портфель на землю, и, зачерпнув пригоршню снега, попыталась слепить снежок. Но промерзший ночной снег не клеился, и снежок распадался в ладошках.

До автобусной остановки шли молча. Он украдкой рассматривал подружку в свете неоновых фонарей. Скоро фонари погасят, и начнется фиолетовый зимний рассвет. Мимо быстро семенили прохожие. Люди спешили на работу. Наступил еще один февральский понедельник. И они уже, в который раз расставались до субботы.

Девочка была смугла, стройна и красива. Здесь, среди холодных белорусских снегов, ее южный оттенок кожи вызывал в душе особое тепло и воспоминание о летнем солнце. Ее длинные, черные ресницы тоже покрылись инеем, и она забавно стряхивала его, моргая.

- Ты позвонишь мне из школы? – Спросила Ната необычно печальным голосом, словно расставаясь с другом навсегда.

- Если получится, – недовольно пробурчал Витя.

Ему не нравились такие прощания.

«Словно что-то должно случиться...», - подумал Витька.

Сначала Ник грустит, а теперь вот - Наташка...

На автобусной остановке уже собралась кучка народа. Витька подумал, что девочка, проводив его до электрички, затем будет бесцельно шататься до школы по морозу.

- Мама выгнала отчима без лишних слов, - безразличным голосом сообщила Натка. И добавила, тяжело вздыхая:

- Вот опять ее личная жизнь не клеится.

Нате все же удалось слепить снежок, кое-как согрев его ладошками.

И она внезапно игриво выстрелила им прямо в Витю!

- Это дико и нелепо, Витя! Твоя школа в лесу. Ге-Бисты, инженеры, учёные. И никто из них ничего толком не знает, - вздохнула Натка.

- Может, просто есть вещи, о которых всем знать не положено?

- отозвался банальностью мальчик.

Девочка насупилась. Мрачные мысли тенью отражались на ее лице.

- А вас в школе учат делать необычные вещи? Как агентов в шпионских фильмах. Как разведчиков... – подозрительно спросила она, наблюдая, как мальчик отряхивается от снежка, угодившего ему за воротник.

- Например, можешь ли ты, используя предметы, которые есть в любом доме, пройти сквозь запертую дверь, открыть сейф,

разрушить каменную стену? - на ходу сочиняла вопросыки Натка.

- Запросто! - весело засмеялся юноша:

- И ты можешь! Любой может, если немного подумать головой!

- Ты, наверное, шутишь? - огорчилась девочка.

Витька на секундочку задумался. А затем вдруг увлеченно стал рассказывать возникшую прямо тут идею:

- Стену, дверь, сейф - можно взорвать, используя обычные предметы из обычной квартиры. Смешаем бутылочку йода с нашатырным спиртом и профильтруем на кусочке тряпочки выпавший в этой реакции черный осадок. Пока порошок мокрый, запихнем его в щель стены или в замочную скважину. Это азид-иода, сильное взрывчатое вещество. Как только оно высохнет, само как рванет! От любого сотрясения! - весело засмеялся мальчик:

- Потрясающе! - прошептала совсем испуганная Наташка:

- Этой магии вас и учат в вашей школе?

- Это обыкновенная, простейшая химия! Я не виноват, Наташенька, что в городских школах от вас даже это скрывают, словно советские дети все потенциальные террористы и подрывники. И вообще, зачем принимать в пионеры, в комсомол, если изначально ни к кому нет доверия?

- грустно возразил мальчик.

В до самого вокзала ехали молча. Ната сняла варежку и что-то рисовала теплым пальчиком на промерзшем автобусном окне.

И лишь только сажая его в электричку, девочка сказала:

- Знаешь, мы, наверное, скоро даже здороваться перестанем.

Будем ходить в разные ВУЗы, молча кивая друг другу на улице.

- Ты о чём? - изумился Витька, задержав ее руку в своих ладошках.

-Я? - удивилась девочка, с силой вырывая руку:

- А пошёл бы ты в свою школу к своим голым

одноклассницам! – вдруг воскликнула Натка, и, не прощаясь, пошла прочь.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ (Школа): Дети периметра (ДШ)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. "ШКОЛА"

«Осторожно! Берегитесь поезда! От станции отходит пригородный электропоезд» - бубнил охрипшим на морозе металлическим голосом станционный динамик. И эхо гулко разносило звуки над лесами и промерзшими до дна болотами. С удаляющимся воем реактивной турбины электричка ушла за поворот леса. Светало.

Здесь, за городом, не было ночных фонарей и ребята, сбиваясь в небольшие стайки, торопливо нащупывали заснеженную тропинку, ведущую от станции в старый лес.

Им еще предстояло пройти не менее двух километров. И хотя в этих местах не водились опасные звери, а ближайшие дачные поселки были километрах в десяти, дети все равно инстинктивно держались месте.

Витя приезжал всегда одним из первых. От станции шли группкой с шестиклассниками. Обычно десятиклассники не общаются с малолетками.

Игорёк - рыжий, конопатый, стройный мальчуган уже почти год привлекал внимание Вити. Тот всегда почему-то оказывался рядом с ним в спортзале, в бассейне или в клубе. Игорь был шустрым, общительным и смышленным ребенком. В разговорах он легко давал фору восьмикласснику. Часто занимал призовые места по бегу, плаванию, задвигая назад многих старшеклассников.

Витя дружелюбно отвечал на его взгляды и реплики. Но в общении ребят все еще чувствовалось взаимное смущение.

В утреннем сумраке Игорь как-то вновь незаметно оказался рядом с ним.

Витя почувствовал неуверенность в поведении мальчика. Некоторое время, молча шли сквозь лес, по заснеженной тропинке, поскрипывая промерзшими подошвами и утопая по щиколотку в снегу.

- У вас сегодня ночью миссия? – неуверенным голосом спросил малыш.

- Вроде того, хотя при такой погоде, - не думаю, – коротко отрезал Витька.

- А тебе чего?!

- Так. Завидую! Мы пока что только физику и электронику учим, - объяснил мальчик, притоптывая уже основательно замершими ногами.

- Ты почему в осенних ботиночках зимой приехал? - укоризненным родительским тоном спросил юноша.

Мальчик смущенно и небрежно махнул рукой:

- Здесь идти - то всего ничего. Пять минут.

Что-то странное, тревожное и беззащитное почудилось Витьке в его голосе.

Мелькнула нехорошая мысль о родителях, отправивших мальчика в снега налегке...

За поворотом показался яркий свет. Его лучи просвечивали сквозь покрытые пушистым инеем ели и сосны. И те переливались и искрились в нем, словно увешенные тысячами крохотных новогодних алмазов.

- Смотри, уже прожекторы зажгли. Встречают. Побежали! - радостно воскликнул ребенок, резко схватив старшеклассника за руку и напористо таща за собой.

Мальши, идущие впереди малой стайкой, словно воробьи, чирикавая, понеслись на свет.

Из-за поворота показался забор какой-то воинской части. Не частые в этих местах местные жители знали этот объект как «База отдыха Краснознаменного Белорусского военного

округа».

Периметр встречал своих учеников светом и теплом, промерзшими строгими автоматчиками в охранных будках и огромными окнами корпусов за высоким забором и колючей проволокой.

- Стой, малышня! Предъявить ладошки! – грозно рявкнул на них пожилой старшина дядя Толя, приветливо улыбаясь сквозь покрытые инеем основательно подмерзшие усы.

Дети протягивали в окошечко к сканеру кожи свои оголённые от варежек ладошки, а затем деловито, по одному, на вспыхнувший огонек зеленой лампочки ныряли в проходную Периметра.

Проходная проглатывала детей одного за другим, - словно черная дыра,

выхватывая их из мира человеческих страстей. Мира карьеры.

Мира политики, войн, борьбы и страданий.

Проходная кидала детей куда-то прочь...

Словно хрупкий мост, воздвигнутый неизвестно кем над пропастью человеческой истории.

Мост со скрипом качался под натиском вихрей тысячелетий, и его стальные канаты напряженно гудели в ветрах истории.

Мост соединял два берега.

Прошлое и будущее.

Все человеческое Зло, Зло тысячелетий, упадка человеческой истории, днем и ночью пыталось сокрушить Мост.

Зло с остервенением толпилось у Моста и с леденящим душу скрежетом скребло когтями его опоры, грызло стальные тросы зубами.

Зло ненавидело Мост!

Потому что для Зла дальше Моста прохода не было.

Потому что сразу за этим Мостом несокрушимой твердыней возвышал немые стены древний и седой Бастион Разума.

Бастион окружал школу, отражая атаки Зла и пропуская внутрь лишь только детей.

Зло шипело и пенилось вокруг незримых стен в лесу.

Больше всего на свете Зло хотело бы пройти вслед за детьми внутрь этих древних стен...

А они все бежали, бежали, не выпуская ладоней друг друга. Запыхавшись, врывались в раздевалку, в длинный гардеробный зал, занимающий половину подвала спального корпуса.

Игорёк, наконец, выпустил Витькину руку. Их гардеробные шкафчики находились в разных углах зала. Но вскоре он уже опять возник босиком, только в майке и трусах, возле Вити, разуваящегося на скамейке у своего шкафчика.

- Ты чего лепишься? Да еще босой и в трусиках! – отчитал малыша Витя.

- Вот простудишься в самом начале учебной недели!

Простудиться Игорёк не мог. Закаленные, тренированные школой, малыши не боялись холода. Витя это понимал не хуже мальчика. Просто, нужно было что-то ему сказать.

- Вот, пришёл за советом, какую модную майку надеть, – отшутился тот.

Оба весело засмеялись, - в школе у всех одежда была только одна - форменная.

- Я тебя сегодня в бассейне утоплю, чтобы не чирикал лишнего! - дружелюбно пригрозил Витя. Он почувствовал какое-то новое, приятное состояние покровительства или почти заботы об этом мальчике.

Раньше он никогда даже представить себе не мог какие - либо чувства в отношении шестиклассника.

- Знаешь? - внезапно серьезно спросил мальчуган, когда они оба уже облачились в свои белые шерстяные костюмы с эмблемой школы,- девочка, парящая на зеленом драконе:

- Ведь бывает, что люди нравятся друг другу просто так? В этом ведь нет ничего предосудительного, верно? Ведь для этого не обязательно быть ровесниками, правда?

- Думаю, не обязательно. Я всегда хотел иметь младшего братика. – подыграл ему Витя, заметно краснея.

- Честно?! Это же здорово! – взвизгнул Игорёк, подавая Вите почему-то выпавшие из его рук ученические тетрадки и книжки.

Раздевалка тем временем наполнялась детьми. Некоторые радостно здоровались с Витей и с Игорем, открывали свои шкафчики, громко о чем-то спорили, смеялись.

Другие, подчиняясь правилам школы, кивали и улыбались им, хотя, наверное, даже не знали друг друга по имени.

Школа оживала после выходных, наполняясь детским смехом и суетой. Тем особым, специфическим настроением огромной и дружной семьи, которое во всем остальном мире школьников, пожалуй, невозможно найти нигде за Периметром.

А до первого завтрака уже оставалось чуть меньше часа.

- Ладно! Встретимся в бассейне. – сказал Витя, дружески хлопнув малыша по плечу.

- Опять будем нырять в длину наперегонки? – задирался тот.

- Не-а! Будем просто плавать вместе, и топить тебя буду, чтобы не кусался, – уже издали крикнул Витя, торопливо убегая из раздевалки.

Инна (ДП)

Но в бассейн Вите в это утро пришлось основательно опоздать. Уже в спальней комнате, как только он положил свои вещи в тумбочку, его перехватила докторша Клавдия Васильевна. Это был дурной знак, когда утро начинается не с лазурных дорожек, искрящихся в лучах ксеноновых ламп и воды бодрящей приятной прохладой.

- Витюха привет! – как обычно, скороговоркой накинулась на него докторша.

- Так! Давай, давай, быстренько, - в мед часть! Давление, «тукалку» проверим, - ну сам знаешь.

- Когда? – вздохнув, осведомился мальчик, оставляя плавки и тапочки в тумбочке.

- Нет, ты давай, пожалуйста, принадлежности не откладывай! До завтрака еще почти час! - пояснила она, укоризненно грозя ему пальцем.

Из медчасти Витька сразу отправился в бассейн. Наскоро сполоснувшись в душе, с разгона прыгнув на свободную дорожку, чуть не потопив взявшегося откуда ни возьмись Игорька.

Одноклассницы и пара недовольных мальчиков повертели ему пальцем у виска, когда он вынырнул. А Игорь больно пнул ногой ему в бок, обиженно сказав:

- Ты мне такими прыжками позвоночник сломаешь!

- Извини. Не заметил. Нечего вертеться под ногами, - оправдывался Витька, фыркая и погружаясь с головой в воду.

- Давай наперегонки! - задиристо предложил шестиклассник.

Витьке, честно говоря, вовсе не хотелось выкладываться. Этот ребенок чувствовал себя в воде как рыбка.

- Ага-а! Бой-ишься. Ну, тогда давай в шахматы. - с гордым видом победителя продолжал задираться Игорёк.

Это была одна из культурных традиций Школы. Та, которую выросшие ее воспитанники пронесут в своем сердце сквозь жизнь, удивляя при случае своих сыновей и внуков...

В подводные шахматы играли на глубокой части бассейна.

Игра тренировала мозг, волю и способность принимать интеллектуальные решения в сложной физической ситуации при недостатке времени и кислородном голодании.

Различалось две версии этой игры. Малые шахматы и большие.

В малые шахматы играли на складной полутораметровой доске, фигурами размером с молочную бутылку.

По правилам школы, игроки не могли слишком долго, обдумывая ходы, висеть на воде. Им разрешалось всплывать лишь для глотка воздуха, а затем, ныряя на дно, быстро делать очередной ход.

Для игры в большие шахматы на дне бассейна имелась разметка на клеточки для огромных, полуметровых фигур.

Доска размерами с глубокую часть бассейна занимала пятнадцать метров.

Игрокам, чтобы сделать ход или обозреть доску, приходилось курсировать под водой с открытыми глазами над

расставленной партией...

Иногда, во время спортландий, правила игры усложняли. Это называлось "командной игрой".

Игрокам в помощь назначалась команда подводных пловцов из трех-пяти человек, которые собирали для них информацию и по командам передвигали фигуры...

Дети выплыли на глубокую сторону бассейна, и малыш, опираясь ногами на плечи Вити, выбрался из воды на бортик. Его гибкое худоватое, но не по годам развитое и красивое тело напоминало скульптуры из мрамора времен древней Греции. Нужно будет обязательно нарисовать его вылезавшим из бассейна, машинально отметил для себя Витька, с интересом любуясь движениями ребенка.

Вскоре тот, пыхтя, вернулся с тяжелой раскладной шахматной доской и двумя ситцевыми мешками, наполненными огромными, как бутылки, шахматными фигурами.

Вокруг них на поплавах канатиков дорожек очень быстро собрались стайки малолетних зрителей. Старшие ребята, напряженно разминающиеся перед началом учебного дня, раздраженно на них фыркали, постепенно перебираясь плавать и нырять на другие дорожки.

Некоторые малыши ныряли на четырехметровую глубину, помогая расставлять на дне шахматы.

- Уговор: за канаты и бортик не держаться. И на вдохи воздуха,

- не больше трех секунд. Идет? - строго предложил Виктор.

- Согласен. Нет проблем! - задорно отозвался Игорёк, вертикально вися на работающих ногах в воде и ехидно нарочито потирал поднятые над водой ладошки.

Начать игру они не успели. Зазвенел звонок, сообщая о начале дневного цикла. Пришлось очень быстро собирать фигуры, почти не отогревшись в душе и бежать вытираться в раздевалку.

Система расписаний в школе была налажена со смещением графика, и обычно в бассейне или на стадионе никогда не собиралось больше трех учебных групп.

Но наличие в раздевалке одновременно даже шестидесяти

человек разного возраста, если ты спешишь быстро вытереться, представляло некоторые трудности.

Воспитанники, еще влажные и взъерошенные, на ходу приглаживая волосы, быстро наполняли столовую. А навстречу им по коридору с веселыми шутками и привычным гомоном, уже направлялись в бассейн ребята второго учебного потока. Инна сразу же под села к Витьке за стол, притащив свою чашку молока и булку с повидлом.

- Когда миссия? Как всегда, ночью, после отбоя? – с явным сомнением спросила она у Виктора.

- Не знаю. Видела, как метет? К ночи тракторами не разгребешь, – безразлично ответил тот, старательно разжевывая булку и запивая молоком.

- Значит нам с тобой сегодня светит глубокий и сладкий сон, – усмехнулась она, иронически поглядывая на Виктора.

- Можно я в классе сегодня с тобой сяду? – спросила девочка, подождав, пока он допьет молоко и вытрет губы салфеткой.

- Если с Колей Серко договоришься, – ответил Витя.

Инна ему всегда кого-то смутно напоминала. А сегодня, сразу после плавания она словно нарочно распустила свои пышные, рыжие волосы, обычно аккуратно собранные резиночками за головой.

За пять лет, проведенных в школе, он почти про нее ничего не узнал. Это была огненно рыжая блондинка, с грациозной, вполне сложившейся женской фигурой и мальчишеским цепким умом.

Она ни с кем не сближалась, хотя была подчеркнута дружелюбна, охотно помогала в учебе слабым, прекрасно плавала, бегала, дралась на шпагах.

Витя знал ее немного ближе других ребят, так как по учебному плану Инна была его инженером. Девочка была полной противоположностью Наташке. Она не лезла в душу, не навязывала свое общение, но ее всегда можно было с уверенностью назвать настоящим другом.

Инна была для этого возраста необычайно надежна в критических ситуациях, могла проявить невероятную смелость, рассудительность и настойчивость при решении трудных задач. Но в общении Инна вежливо и мягко отсекала все не касающееся учебы попытки трепки.

Внезапная активность этой девчонки сильно удивила Витю. Он решил ничего не спрашивать. С Инной следовало быть осторожным.

- Я видела Игорёк к тебе магнитом тянется, - сказала она Вите.

- Нет ты, конечно, не обязан отвечать взаимностью. Только если он тебе тоже нравится, ты, пожалуйста, его от себя не отталкивай, ладно? – лукаво щурясь, осведомилась Инна, когда они вместе ставили в окошко грязную посуду.

- Игорёк? Шестиклашка? А почему ты его знаешь? - изумился Виктор.

Инна звонко засмеялась тысячами серебряных колокольчиков, озорно, словно веером мотнув перед ним волосами.

Витя смутился. В ее голосе, в очертании гибкой и грациозной фигуры ему вдруг внезапно почудилось что-то уже до боли знакомое.

- Этого просто не может быть! - обругал он себя мысленно.

- Ну, дурак! Какой же я дурак. Значит, Игорёк? - недоверчиво косился он на смеющуюся девушку.

- Молодец. Наконец догадался, спустя столько лет. Игорек мой братишка родной! – задорно толкая его в плечи, смеялась девочка.

В это время прозвенел второй звонок. И они, как маленькие, понеслись, обгоняя друг друга по стеклянному зимнему переходу в учебный корпус.

Эдэм (ДП)

- Сегодняшняя тема урока по «Культуре и обществу» необычная, – сказала пожилая учительница Алевтина Ивановна:

- Мы все знаем от господина Дарвина, что люди на Земле произошли от обезьян, которые однажды догадались взять в лапы палки, а потом приделать к ним каменные наконечники. По классу пробежала волна веселого шепотка. Дети любили эту смесь шуточных истин, которыми отличалась учительница.

- Дисциплина! - строго скомандовала учительница, и класс моментально затих.

Слышно было, как тикают часы у кого-то на первом ряду.

- Мы знаем и другое мнение, - о том, что так говорят примитивные материалисты. А настоящие материалисты говорят как? Закройкина Света! – показала на девочку учительница.

Та встала:

- Настоящие материалисты не согласны с господином Дарвином, - заметно улыбаясь, ответила она.

- Во-первых, промежуточное звено эволюции между предками людей и Человеком Разумным до сих пор не найдено.

Вероятно, оно никогда и не будет найдено. Потому что, скорее всего, промежуточного звена, т.е. я хотела сказать, - самой эволюции, между предками людей и людьми просто не было.

Во-вторых, примитивные люди выделились из животных не благодаря использованию орудий труда, как это считают некоторые материалисты, а ввиду внезапного генетического скачка связанного, с падением ревности.

Девочка замолчала и села.

- Все верно, Света! Только нужно отвечать полнее.

Обязательно поясняй в ответе, что благодаря мутации, вызвавшей падение ревности, и не только у самцов, но и у самок, предки людей стали ухаживать не только за своими детьми, но и за детьми сородичей, что позволило передавать и накапливать знания. Собственно, так появилась культура.

Именно это провело черту между животными и людьми.

Именно фактор минимальной ревности, создавший предпосылки для культуры и коллективного труда, а не применение орудий труда. Ведь всякие там палочки и даже

камешки применяют многие высшие животные и птицы. – пояснила учительница.

А затем в наступившей тишине продолжила:

- Давайте мы с вами послушаем еще одну легенду о сотворении мира людей. Эта легенда уводит нас к истокам многих земных религий и мифов, - предложила учительница. Она нажала клавишу на встроенном в учительский стол магнитофоне, и комната наполнилась сначала мелодичной музыкой, а затем голосом уже известной всем ребятам старушки Врали, которая, как известно всем в школе, приходит к детям перед сном в спальни в младших классов.

И вот уже голос Врали уносит притихших ребят в сказочную даль прошлого:

«Почти миллион лет назад существовала во вселенной прекрасная зелёная планета Земля. Правда тогда она называлась иначе.

Это была планета – сад, полная дремучих, девственных лесов, удивительных животных и растений.

Людей в те далекие времена, зовущиеся Началом или Зарей Эпох, на Земле еще не было. Лишь только их волосатые предки, гоминиды, прятались в дремучих лесах, выходя на равнины и поляны, чтобы жечь свои костры.

Но однажды глазам перепуганных до смерти человеко-обезьян предстало устрашающее зрелище.

Огромные, серые, круглые скалы в сиянии и смерчах с грохотом опускались на Землю. Из их разверзшихся бортов на землю выходили диковинные существа. Полу-обезьяны, но и полу-птицы, - с большими, плоскими как у бабочек крыльями за спинами. Красивыми, ясными и большими глазами. И тела их с ног до головы были покрыты прозрачной, блестящей и искрящейся на солнце хрустальной чешуей вместо шкур.

Это были Эльфы, или - Ангелы, по библейскому варианту

предания.

Никто точно не знает, откуда прилетели они на Землю.

Сейчас уже трудно сказать, что случилось с прежним домом Эльфов, хотя некоторые сказания намекают на взрыв сверхновой звезды, происшедший примерно в те времена, от огня которой, видимо, и спасались Эльфы.

Так или иначе, но Земля им понравилась, и они основали на ней свой новый дом, который называли Эдемом.

Эльфы строили на Земле высокие дворцы, создавали различные машины для морей и небес, и летали в облаках, оседлав верхом больших, красивых ручных драконов, привезенных ими в Эдем вместо домашних животных.

Главным чудом эльфов было их практическое бессмертие. Но на самом-то деле они были смертны, доживая до тысячи лет. Но другим существам, гоминидам, недоверчиво смотревшим на них через заросли джунглей, Эльфы казались бессмертными, а их крылатые драконы, - страшными чудовищами.

И никто на планете даже не знал, не ведал, что у Эльфов в Эдеме что-то сильно не ладится. И они, и прибывшие вместе с ними ручные существа, под лучами нового Солнца почему-то перестали рожать потомство.

И они постепенно вымирали, ничего не в силах сделать с этим. Первыми с лица земли исчезли драконы. А затем и у Эльфов совсем перестали рождаться дети.

А тем временем Эльфы покорили даже планету Марс и воздвигли города под стеклянными куполами на безжизненной Луне, опускались на дно океанов, изучали дремучие леса своей новой Планеты.

Их огромные корабли, называемые «Виманами», бороздили просторы Вселенной, связывая Эдем с Луной и с Марсом.

Виманы эльфов легко достигали далеких звезд. Корабли Эльфов в сотни раз обгоняли свет, создавая перед собой энергетический туннель в пространстве.

Умиравший народ везде искал спасения. Но спасения не было.

Что-то было повреждено в структуре генов вовремя взрыва

сверхновой Звезды...

И тогда мудрый правитель трех миров (Марса, Луны и Эдема) Демиург Артур приказал своему помощнику Сатанаилу-Люциферу создать новый вид существ.

Создать существа, способные перенять и сохранить культуру и знания Эльфов.

Первый помощник правителя - Сатанаил прославил себя немислимыми даже для Эльфов достижениями ученого и разведчика Вселенной. Он открыл и изучил множество миров и поэтому получил прозвище Светоносного - Люцифера.

Сатанаил-Люцифер изучил земных гоминид как существ, ближе всего стоящих к Эльфам, а затем, скрестив их гены с генами Эльфов, получил бескрылых, но здоровых и разумных детей, очень быстро взрослеющих, живущих недолго, но способных быстро перенимать культуру и знания.

Это был очень рискованный и отчаянный шаг, потому что фактически культура Эльфов переходила в другие тела. И в случае ошибки, обратного пути у них уже не было.

Когда первые дети Человека Разумного были выращены и обучены, стало ясно, что план удался.

Сатанаил-Люцифер открыл первым людям секрет Древа Знания, позволив им вкусить плод научной мудрости, а затем приказал расселяться по Земле, создавая везде очаги Человечества.

Но как всегда бывает в таких делах, большинство старых Эльфов воспротивилось появлению людей. Они все еще надеялись на чудо. На то, что Сатанаил чудесным образом найдет в этих генетических экспериментах спасение для них самих. И когда они увидели, что тот просто создал в замену им других существ, они обвинили его в предательстве.

Люцифера-Сатанаила обвинили в гордыне, в попытке приравнять себя к творцу самих Эльфов, в желании стать

владыкой низших и коварных существ, которые похищают у Эльфов их культуру и знания.

Стоящие на грани вымирания существа зашли в своем страхе смерти и в претензиях к Люциферу, искавшему для них спасение, слишком далеко.

Их распря превратилась в конфликт, а затем в противостояние. И в душах Эльфов произошла ужасная этическая катастрофа. Они переступили роковую черту, отделяющую миры зверей и миры разумных существ. Они разрешили себе преследовать и даже уничтожать тех разумных существ, которые им не нравились, или были с ними в чем-то не согласны.

В ветхозаветном варианте эта история называется войной Ангелов. Согласно Библии, восстание большинства Ангелов против Сатанаила и его сторонников возглавил второй помощник Демиурга - Ангел Михаил. Он даже попытался убить Сатанаила, метнув в него свое огненное копьё.

Но убить не смог, а только повредил его сверкающую Светом Разума корону (по Библии – Гордыню от Разума).

Свет короны иссяк, и Сатанаил, лишенный силы Света, был тут же разжалован в Сатану, а затем низвергнут в далекие темные миры на задворках Вселенной

Так, согласно древнейшим легендам многих народов, были открыты «Ворота Зла». В мире разумных существ произошла страшная вещь, называемая в истории «Древней этической катастрофой», суть которой очень и очень проста: теперь можно преследовать и даже убивать разумных существ, оправдав это теми или иными надобностями.

Эльфы, отворившие «Врата Зла», проиграли войну, хотя во многих древних легендах их называют победителями. Вскоре они навсегда исчезли с лица Земли, а Планета стала Планетой существ созданных Люцифером.

Но однажды впущенное в этот мир Зло не желало уходить вслед за Эльфами.

Древняя Культура Эльфов была утрачена в нескончаемой череде междоусобных войн, которыми теперь уже по примеру их небесных создателей, занимались сами люди. И спустя

тысячи лет Человечество было отброшено к истокам, - к примитивному выживанию на уровне своих предков.

В этом и есть ответ на вопрос, почему мы не находим промежуточного звена эволюции между гоминидами и Человеком Разумным. Того самого звена эволюции, которого никогда не было...

Потрясающий драматизм этой истории состоит еще в том, что сам Люцифер, которого принято считать началом Зла и войны с добром, на самом деле не принял бой. Он уклонился от войны и ушел из Эдема далеко во Вселенную вместе со своими сторонниками.

Что происходило потом, никто точно не знает. Земная летопись очень много раз обрывалась и переписывалась заново.

Но есть легенды о том, что уходя с Земли, Люцифер оставил на Планете Бастион. Непрístupный Бастион Разума как наследие, как завещание Эльфов Человечеству...

Может быть, поэтому, даже спустя столько эпох, Зло, обосновавшееся на Земле и величающее себя Добром, ненавидит и боится Люцифера, сочиняя про него жуткие, но наивные легенды...»

Внезапно в коридоре грубо зазвенел звонок, возвращая ребят к реальности. Учительница выключила магнитофон и сказала.

- Вы, конечно же, понимаете ребята, что это только легенда.

Еще одна любопытная легенда из многих. Скажем так, - это затравка для работы вашего воображения. Продолжим завтра, - улыбнулась она.

- Сейчас! Давайте обсуждать сейчас! Ну, пожалуйста! Мы останемся на перемену! - захлеб просили все ребята.

- Не могу. Вам, ребята, нужно подготовиться к другим урокам,

- строго ответила учительница, покидая взволнованный класс.

Димка (ДП)

На перемене, шумным стадом отправились в столовую - пить апельсиновый сок с булочкой. Света Берут предложила пари: - Люди! Спорю, что сегодня опять на второй завтрак апельсиновый с мякотью и булочка с марципаном.

Ребята заулыбались, но спорить никто не стал - итак ясно. На той неделе помогали разгружать целый грузовик с трехлитровыми банками.

В переходе, на пути к столовой Витька нагнал Диму Котикова, чуть не отдавив ему пятку.

Некоторое время не решался окликнуть парня, что-то шумно рассказывавшего двум девчонкам.

Дима был красивым, сильным и веселым парнем - активист, заводила, душа класса.

- Дим! Нужно пообщаться, - наконец решился вмешаться в треп Витька, беря его за руку.

Дима вздрогнул. На секунду запнулся. Быстро свернул болтовню дежурными фразами и покорно отстал от одноклассников.

Мальчишки остановились у огромного стекла подвешенного перехода, почти на входе в столовую, пропуская остальных ребят.

Несколько секунд Дима в упор разглядывал Витю, словно просвечивая его большими сероголубыми глазами. Затем дружелюбно спросил:

- Что случилось, Вить? Чем я могу помочь?

Они не дружили. С такими парнями, как Дима, редко кто дружит по-настоящему. Он - общее достояние, душа коллектива, заводила и лидер. Всегда первый. Со всеми одинаково вежлив.

Витя давно догадывался, что Димка одинок, нуждается в близком друге, хотя тщательно это скрывает от всех.

- Не знаю, как начать эту странную историю, - мялся Витя.

Димка задорно подмигнул:

- Валяй!

- Что ты думаешь о нашей школе? Говорят, у тебя совсем нет родителей – ты детдомовский. Как ты попал в нашу школу?

Димка нахмурился:

- Школа как школа. Много лучше детдома в котором я жил.

Почему это тебе важно? – удивился он.

- В субботу меня с мамой потащили в КГБ. Спрашивали, где учусь, кто мои одноклассники. Стращали. Мать до истерики довели. А потом вдруг - облом. Позвонили директору, и сразу выпали в осадок.

Витя запнулся, не зная, что еще сказать.

- Ясно, – грустно усмехнулся Дима, обнимая Витьку за плечи и увлекая за собой в столовую:

- Как я понимаю, ГБИСты стали проверять твоих одноклассников и тут выяснилось, что я уже давно мертв. Верно?

Витя смущенно кивнул:

- Сказали, ты замерз в лесу, в болоте – когда тебе было двенадцать лет.

Сок с булочками взяли с раздачи молча. Так же молча выбрали крайний столик в углу зала.

- Еще целых двадцать минут до звонка. Слушай, раз хочешь знать, - начал Дима, зажевывая кислый сок сладкой булочкой: «Мама бросила меня шестилетним в середине зимы в нетопленной избе. Собственно она даже не бросила, а просто ушла за едой и по-пьяни замерзла в сугробе. Все съедобное в доме уже давно закончилось. А из кучки картофельных очистков, которые по совету соседки я набрал для оладьев у колхозной столовой, мамка оладьей не жарила, а варила себе брагу, как она говорила, – лекарство от головной боли. Помню, она много дней пила и валялась на полу в своих старых тряпках. Пару раз я тоже попытался хлебнуть брагу. Я подумал, раз мамке от нее есть не хочется, может и я засну и согреюсь. Но меня сильно вырвало, и больше я не пробовал. Всю деревянную мебель мы к тому времени либо уже продали, либо сожгли вместо дров. И чтобы растопить снег на воду в старом военном дедовом котелке, мне приходилось отщипывать щепки прямо от бревен дома, огромным топором, который вырывался из рук грозя угодить мне в ноги.

Помню, я тогда разозлился на мамку, даже немного побил ее кулаками вбок. И она, наконец, очухавшись, обещала сходить к механикам на тракторную станцию. Те за ночь, проведенную с ними, давали ей для меня бутерброды с салом и другие невероятные вкусности.

Но мать ушла и не вернулась к утру.

А когда опять стемнело, я забился в ее тряпки и весь, дрожа от дикого холода, начал плакать.

Я не ожидал от мамки такого предательства.

Мне почему-то подумалось, что она давно уже забыла про меня, съела бутерброды, согрелась и хлебает вино вместе с трактористами...

Так прошла еще одна ночь, и к утру я уже почти не чувствовал голода, но понял, что замерзаю окончательно.

Я пытался согреться, поджигая старые журналы и книги, как всегда разложив небольшой костерок прямо на полу посреди избы.

Растопить печь я не мог. Да и дров у нас с мамой уже давно не было.

Но в непротопленной избе все тряпки и бумажки за ночь промокли, и костер на полу только тлел, не желая никак разгораться.

И тогда я пошёл к соседям.

Нас не очень жаловали в деревне.

А мальчишки, особенно старшие, часто издевались, обзывая меня беспризорником.

Пару раз меня хотели куда-то забрать от мамки. Но я все время прятался, защищая ее от упреков соседей, нагло врал, что всегда накормлен досыта, одежду чистую просто не хочу испачкать. И поэтому меня тоже не любили.

Пожилая соседка тетя Клава напоила меня горячим чаем, собрала мне торбочку с конфетами, кусочками колбасы и печеньем, а затем отправила прямо ночью одного идти по дороге через лес в соседний поселок, где находился приют.

Она боялась своего мужика, у которого осенью я украл несколько яиц из курятника и копал тайком картошку на

грядках.

А еще, кроме мамки, у меня были Птица и Сказка. Сколько помню себя, жил в ожидании этой Сказки, уединяясь после обид на чердаке среди пыльных мамкиных и дедовых книг. Там я и научился читать. Там в одном из потертых журналов я вырвал для себя страничку со сказкой, которую всегда потом носил в кармане на груди.

Это была история про страну Авалон. Далекую и прекрасную, где не бывает пьяных людей, и все дети всегда хорошо накормлены.

В свои шесть лет я совсем не знал, что такое Птица. Это было вроде легенды. Вроде еще одной сказки.

Мамка говорила: "Был отец. Сильный и добрый. Он разглядывал звезды в большую трубу и жил в красивом каменном городе, где огни на улицах не выключают даже ночью."

Мамка говорила, что отец вернется за нами на огромной Птице. Он накормит нас досыта. И тогда она перестанет пить, потому что отец не такой, как соседские мужики. Он не станет ее драть в хлеву за кусочки сала и миску с картошкой...

Мама не всегда была больной. Она заболела после моего рождения. Она все ждала и ждала отца, когда он прилетит из города на Птице.

Но отец все не прилетал и поэтому мамка пила. Ведь она не знала, что отец погиб и давно похоронен в своем городе.

В ту холодную ночь, когда мамка ушла за едой в свой последний сугроб, я все брел и брел через лес, останавливаясь только, чтобы поддержать себя очередным печеньем или конфетой из заветной торбочки.

К середине ночи я все-таки как-то добрел до приюта, но настолько устал и замерз, что едва не заснул навсегда, прямо у закрытой двери.

Помню, когда сторож нес меня, обмороженного, осторожно поднимая по узкой и длинной лестнице, мне почему-то грезилась Птица и сильный, добрый отец, прилетевший за мной

из страны Авалон.

Ведь, как известно всем мальчикам, Птицы и Папы никогда не забывают своих птенцов и детей. И любая мечта сбывается, если ты веришь в нее и упорно идешь к ней навстречу...

В детском доме меня вылечили, накормили и оставили жить навсегда, потому что мамка замёрзла в снегу, а наш дом сгорел дотла от оставленного мною костра.

В детском доме дети надо мной смеялись, называли рыцарем Авалона. А сердобольные нянечки и воспитательница уговаривали забыть мечту про Птицу, потому что папка давно уже умер в городе, а страна Авалон - это просто старая сказка о короле Артуре и добром волшебнике Мерлине.

Но я им не верил, повторяя о Птице и Папке до слез. Потому что мечта сбывается, только если веришь и упорно идешь к ней.

Я выслушивал их доводы и упорно возражал, что даже если Папка умер, то осталась Птица. И она обязательно прилетит за мной когда-нибудь, если я не перестану верить и ждать...

И они отступали, не в силах разлучить меня с Птицей.

Говорили, что, может быть, так оно и случится однажды, если я упорно верю и не расстаюсь с мечтой.

А потом за меня стала заступаться старшая девочка, Катя.

Прежде она, как и мой Папка жила в большом городе с родителями. Но родителей убили за то, что они не хотели строить страшное оружие и пытались сообщить о нем всем людям на свете.

Катя говорила обижавшим меня мальчикам, что она тоже верит в Птицу, которая обязательно прилетит за нами. Если мы, конечно, будем верить в нее, хорошо учиться и идти навстречу мечте.

С Катей мы вскоре стали как брат и сестра. Катя научила меня искать тайны в книгах, вместе со мной подолгу просиживая в библиотеке.

Долгими, скучными вечерами после сельской школы она говорила мне про другие страны, про теплые моря с кокосовыми пальмами на берегу, где можно целый год ходить

босиком по золотому песку и где не бывает морозов.

Катя объяснила мне, что мир не всегда и не везде такой мрачный и серый, и что где-то живут люди такие же умные, добрые и сильные, какими были ее родители и мой Папка.

А однажды, пожилая библиотечка сказала нам, что знает, кому нужно рассказать про нашу мечту о Птице. Она пообещала обязательно сделать это, как только вновь поедет за книгами в большой город.

Библиотекарь была пожилой, доброй женщиной вся семья которой погибла сразу после войны, подорвавшись на старой mine.

И она тоже верила в Сказку, говорила, что без Сказки жизнь теряет красоту и смысл...

Но потом случилась беда.

Мы отправились в зимний лыжный поход, и вдвоем вместе с Катей погнались за белкой. Не заметили, как заблудились, приняли за свою - лыжную лесника, уводящую нас далеко в чащу леса.

А потом у Кати сломалась лыжа, и пошел сильный снег.

Помню, мы замерзали в снегу среди промерзших до дна лесных болот.

Ночью ударил мороз, а метель замела все следы. И надежды на спасение больше не было.

Положение было отчаянное. Катя уже спала, безразлично свернувшись калачиком под ветвями огромной елки.

Вот тогда, замерзая в снегу, я впервые увидел Птицу.

Это было как сон, как бред!

Она шла на огромной высоте, бороздя небо треугольником надежды.

Я сразу понял, что это была именно Птица: три далеких мерцающих огонька, одиноко плывущие на фоне звезд.

Я орал, вопил и махал ей руками, словно бы она и впрямь могла слышать меня со своей двадцатикилометровой высоты.

Птица увидела нас, выхватив из ночи своими тепловыми экранами.

Позже я узнал, что ради нас подняли в воздух какой-то аппарат

и искали всю ночь, холм за холмом просматривая лес тепловыми сенсорами...

Я не знаю до сих пор, кто был тот человек, которому мы с Катей навсегда обязаны жизнью. Кто-то среди тех обычных на вид людей знал о Школе и сообщил про нас.

Я часто думаю об этом. Если доброй феей была старушка библиотекарь, то как она успела ночью связаться с военными? Так или иначе, но в ту ночь из болот, из мира пьяных деревень нас вместе с Катей забрал вертолет.

Помню, когда в лучах прожекторов нас с Катей, полумертвых поднимали на борт, я подумал, что сплю и спросил: «Куда летит Птица?»

И услышал ответ: "В твою Сказку малыш, в страну Авалон..."»

Прозвенел звонок, и Димка резко закончил свой рассказ. Он всегда отличался способностью закрыть тему дежурными фразами.

Он поднялся, тепло сжав ладошку Вити в своих руках.

- Вот так, Витя, я и попал в школу. Извини, если было скучно слушать.

Витька вздохнул и обнял парня за плечи.

- Твой рассказ, Димка, был невероятнее, чем я ожидал!

Димка вздрогнул и подался вперед.

- Побежали, Витя! А то на социсторию опоздаем.

Социальный историк (ДП)

Тимур Валентинович уже дожидался ребят в своём кабинете. Когда шумной гурьбой десятый класс ввалился в кабинет социальной истории, наставник что-то сосредоточенно писал, сидя за своей учительской кафедрой.

Прозвенел звонок, и дети торопливо растеклись по местам.

Учитель отложил чернильное автоматическое перо, которым писал, и, встав, поздоровался с классом.

Это был очень симпатичный, молодой, спортивного

телосложения человек, с оливково-золотистой кожей и греческими чертами умного, мужественного лица. Тимур, - так между собой называли его ребята, - был всеобщим любимцем у старшеклассников. Про него легко можно было подумать: не мужчина, а парень, старший братик какого-нибудь ученика. На вид ему было не больше двадцати пяти лет.

Он часто играл после занятий с ребятами в волейбол или в хоккей на школьном катке. Мог запросто подурачиться с мальчишками в бассейне. Например, невзначай спихнуть одного из них в воду с бортика.

Но занятия по социальной истории Тим Валентинович проводил строго и ревностно. Дети слушали его всегда чуть ли не с открытыми ртами, затаив дыхание.

«Что это за предмет такой, социальная история?», - иногда задавали себе вопрос старшеклассники. Не история, не психология, не обществоведение.

И каждый урок ставил детей перед новыми вопросами и загадками.

- Сегодня мы поговорим об идеях, которые не должны выйти за пределы этой школы, - предупредил наставник, обращаясь к классу.

- Считается, что общество делится на классы людей, отличающиеся друг от друга по степени участия в производстве и принадлежащей им доле производимых благ. Например, класс рабочих, производящих основные ценности, но имеющих наименьшую долю владения результатами труда, и класс эксплуататоров, наименьшим образом участвующий в труде, но владеющий наибольшей долей всех производимых благ. Между классами существуют непримиримые, враждебные отношения, неизбежно ведущие к различным конфликтам, войнам и революциям, в результате которых рано или поздно будет создано справедливое бесклассовое общество, в котором люди, производящие ценности, будут максимально владеть ими. Считается, что причиной

современного Зла и несправедливости в обществе является право собственности на средства производства: заводы, фабрики, станки и даже, например, грузовики, пароходы и самолеты. Сегодня мы увидим с вами, что эта теория не полна и даже ошибочна, - интригуяюще начал свой рассказ Тимур Валентинович.

В классе воцарилась напряжённая тишина.

Учитель загадочно сверкнул глазами и продолжил:

- Если следовать этой логике, то единственная задача общества состоит только в том, чтобы что-то производить, распределять ценности и потреблять их себе в удовольствие. Это относится к производству людей (деторождение и воспитание) и к производству товаров, услуг, информации.

Получается, что единственная важнейшая цель существования Человечества в Природе состоит в том, чтобы, эксплуатируя все другие виды животных и растений обеспечить себя сытой жизнью, комфортом и благополучием. Ну, справедливости ради добавим, решение еще таких попутных задач, свойственных человеку, как развитие искусств, культуры и науки - тоже как предметы потребления и удовольствия.

В классе зародился шепоток. Но он мигом исчез под строгим взглядом Тимура Валентиновича. И наставник продолжил:

- Скажите, вот вы молодые и уже начитанные люди можете поверить, что главная цель Природы или других сил создавших человека, заключалась в том, чтобы этот, один из миллионов видов существ, стал царем Вселенной и безмятежно потреблял всю Вселенную в свое собственное удовольствие? - словно паря над головами детей, вопрошал учитель.

Первым тишину нарушил Валера Юдин:

- Учитель! Вы говорите понятные вещи. Ясно, что мы, люди, зазнались! Вообразили себя главной действующей силой Вселенной. Нужно быть скромнее. Вселенная очень велика, а вся известная нам история - миг по сравнению с возрастом Земли и Биосферы на ней. Сегодня психически здоровому человеку уже трудно поверить в то, что якобы мы - самая

высшая форма жизни и что Землю никто из разумных существ, кроме нас никогда не заселял. А 20 июля 1969 года был нанесен самый сокрушительный удар по примитивному эгоцентризму. В этот день человек высадился на Луну, и мы все в один миг стали считать себя инопланетянами, расой, ступившей на иную планету. И если способны мы, значит есть и они...

Класс отозвался гулом противоречий и споров.

Учитель терпеливо выждал, пока эмоции улягутся, а потом продолжил, жестом сажая паренька на место.

- То, что ты назвал вслух, это и есть завуалированная суть материалистического классового учения. Учения, созданного для удовлетворения меркантильных, низменных потребностей тех или иных групп населения. И хотя это учение говорит о прекрасном возвышенном обществе, после построения которого все будут счастливы, заниматься любимым делом и радоваться достигнутым результатам, но этого будущего общество никогда не достигнет. Потому что оно отрицает главную побудительную силу, действующую в Природе, - взаимодействие систем и их миссий.

Наставник сделал небольшую паузу, обводя класс задумчивым взглядом, давая ребятам уложить в голове услышанное.

- Именно борьба миссий, а не материально-товарные отношения разбивают людей на классы и другие возможные группы интересов. Реальная биосфера любой планеты - это бесконечное число самых разных систем, видов, экосистем и макросистем. Любой вид биосуществ, даже такой совершенный как Человечество, не однороден, как это полагали Маркс и Энгельс, а динамически включает в себя огромное число самых разных подвидов и мутантных групп, которые лишь только условно можно объединять в единое Человечество.

Между группами существ происходят непрерывные взаимодействия, управляемые только присущими им миссиями. Причем самое удивительное здесь то, что миссии

могут объединять существа совершенно разных биологических видов, не говоря уже о похожих родственных группах. Например, историческая дружба человека с собакой, обусловленная очень близкой и понятной обоим видам социальной структурой организации отношений в стае.

Класс ответил негромкими вздохами одобрения и облегчения.

- Таким образом, общество людей и его классовая структура, расслоение по верам, нациям, интересам и ценностям подчиняются не материальным законам развития общества, а законам развития систем, законам взаимодействия миссий. И в этом сокрыта единственная реальная надежда для людей, - продолжил Тим Валентинович в мертвой тишине.

- На других предметах вам уже, наверное, не раз рассказывали печальную легенду о Великом Зле – о Древней этической катастрофе, постигшей наших предков на Заре Эпох. Сегодня на занятии эти сказочные легенды обретут для вас реалистичный смысл.

По классу вновь пробежала волна изумления.

- Да, да, ребята! Именно так! Зло проникло в наш мир и овладело им именно тогда, когда было провозглашено, что непримиримая борьба между видами и классами существ исторически неизбежна, – печально улыбнулся классу учитель. Наступила тревожная тишина.

- Главным оружием Зла всегда и везде являются две вещи: категоричность (мы самые правильные) и непримиримость (все кто мыслит иначе - наши враги). Но учение о миссиях - это и есть та стена на пути Зла, преодолеть которую оно изначально не может. Миссии бесконечны во Вселенной, но принадлежащие им группы вовсе не обязаны уничтожать друг друга. Это называется Великий Этический Императив: «Разумные существа, если они действительно разумны, никогда и ни при каких обстоятельствах не ведут борьбу друг с другом» - улыбнулся учитель притихшему классу.

Он сделал паузу, и к потолку поднялся лес рук.

Аня Семенова взволнованно спросила с места:

- Если это так, то почему в обществе борьба миссий вырождается в непримиримую борьбу групп людей?
- Очень правильный и хороший вопрос, - похвалил девочку молодой наставник.
- Было сказано раньше, что Врата Зла были легкомысленно открыты. А закрыть их отменить проклятие, в миллионы раз труднее, чем развязать вражду.

По классу опять пронесся гомон и тут же затих под взглядом учителя.

- Можно я скажу? - неуверенно спросил Дима Котиков. Тим Валентинович кивнул.
- Человек, принадлежащий определенной миссии, может действовать против интересов собственного класса, и даже нации, и даже всего человечества.
- Совершенно верно, Дима. И реальных примеров тому – бесконечность. Те же Энгельс и Ленин, предавшие класс эксплуататоров. Те же ученые экологи, спасающие биосферу вопреки сиюминутным интересам Человечества. А ученые, жертвующие всеми благами и даже почестями ради познания нового? Ради чистого знания? Всех их призвала миссия, а не меркантильные материальные интересы и распределения благ, - улыбнулся учитель.
- Здорово! Гениально! – кричали дети отовсюду.
- Но Зло сильно и коварно. Вы встретите в жизни много достаточно умных и образованных людей, искренне верящих, что можно победить Зло методами Зла. Тех, которые будут убеждать вас, что когда мы очистим мир от всех несогласных с нами, мир станет лучше. Не поддавайтесь этому соблазну, ребята! - строго сказал учитель, когда дети успокоились.
- Как воспользоваться этим знанием, чтобы изменить мир к лучшему? – прямо с места спросила Ира Живица.

- Этот вопрос мы будем рассматривать через неделю, на совместных занятиях с учителем математики, – улыбнулся учитель.

- Дело в том, что наука о системах и миссиях, в отличие от прежних социальных учений, наполнена математическими формулами. Для анализа истории общества строятся системы уравнений, имеющие очень много активных переменных. Как вы знаете, системы уравнений с большим числом переменных не могут быть решены даже гениями. Для этого нужны вычислительные машины...

Прозвенел звонок, класс вяло, нехотя потянулся к выходу. Когда все покинули класс, Витька робко подошёл к наставнику.

- Что тебе Нечаев? - устало спросил Тим Валентинович, собирая свои бумаги на учительской кафедре.

Только теперь Витька заметил, что этот молодой и бесспорно красивый человек, скорее всего, сильно не досыпает. По-видимому, работает с книгами по ночам.

- Мне нужна помощь, - робко сказал Витька и, преодолевая страх, внезапно положил свою ладонь на руку учителя, лежащую на столе.

Молодой человек вздрогнул от такого вольного обращения, но не убрал руку, потому что неписанные обычаи школы допускали такое обращение для совсем отчаянной ситуации.

- Мой товарищ Никита - в беде. Нет, он не ученик нашей школы. Он просто замечательный и талантливый человек. Никита инвалид, парализованный после неудачного прыжка на батуте, - взволнованным голосом объяснил мальчик.

Наставник слушал его внимательно. Его большие глаза на слегка смуглом лице излучали сочувствие и принятие.

Витька перевёл дух и продолжил уже спокойнее:

- Никита изобретатель. Он мечтает о звёздах. О других мирах. Но сейчас Никита на грани самоубийства. Он может покончить с жизнью в любой момент.

- Добровольный уход из жизни не красит человека, - строго ответил учитель, осторожно освобождая свою руку.

- Чем я могу помочь твоему Никите?

Витька боролся сам с собой, еще не решаясь совершить опрометчивый шаг. Наконец, он собрался с мыслями и сказал:
- Мы уже не дети, Тимур Валентинович. Мы понимаем иногда даже больше, чем нам здесь рассказывают.

- И насколько больше? - искренне поинтересовался учитель. Его большие, красивые глаза излучали любопытство, доброту и внимание.

- Перестаньте играть со мной. Я уже не маленький, - хмуро буркнул мальчик, едва сдерживая слёзы.

- Вот как? – искренне удивился учитель.

- Ну, тогда соберись с духом и произнеси вслух те слова, которые, как тебе кажется, могут помочь твоему другу.

Виктор до хруста сжал кулаки, зажмурился, а потом, широко открыв глаза, произнес:

- У Ники совсем не осталось времени. Спасти может только помощь настоящих, могущественных сил. Сил Добра. Сил, создавших Школу...

Наступила тревожная тишина. Мальчик сжался в бледный нервный комочек под сверлящим взглядом молодого учителя. «Вот сейчас заботливо отведёт меня в медицинскую часть», – подумал он, готовя себя к самому худшему.

Но учитель ответил ему тихо и печально:

- То, о чем ты просишь, Виктор, достойно уважения. Но у меня нет знакомого волшебника. И в правительственном госпитале, в Москве, у меня знакомых нет.

Мужчина сделал паузу, молча изучая Витьку в упор. В грустной тишине было слышно, как тикают часы на руке

учителя:

- Иди на математику, Витя. Твой крик о помощи, к сожалению, не достигнет цели, - сказал учитель, отворачиваясь.

- Как же так? А те, кто построил и защищает Школу? – едва не плакал мальчик.

Большая, хрустальная слеза одиноко катилась по его щеке.

Наставник ласково, словно маленького сынишку, обнял Витьку за плечи, легонько сдавил их своими сильными, тренированными руками, а затем очень тихо сказал:

- Иди, скоро звонок на математику. То, о чем ты просишь, веря как маленький в Сказу, - прекрасно. А мечта, как известно всем детям, сбывается, если упорно веришь и идешь к ней навстречу...

Он строго посмотрел в блестящие от слез глаза ученика, и мягко подтолкнул его к выходу.

- Иди. Скоро звонок, – повторил наставник, закрывая за мальчиком дверь кабинета социальной истории.

Вундеркинд (ДП)

Математика проходила в дисплейном классе. Дети, привычно разбившись на пары у двенадцати огромных телевизоров-монстров, снабженных похожей на печатающую машинку металлической клавиатурой, отвечали на вопросы дисплеев.

Витя решительно сел вместе с Юлей Морозовой, нахально попросив уступить место рыжего, кудрявого Андрея.

За соседней стенкой находился компьютерный зал. Там, собственно, и размещалась гордость школы, настоящая электронно-вычислительная машина «Минск -32», такая же, как стоит в институте математики Академии Наук.

Машина, занимавшая зал размерами в классную комнату, представляла собой ряды металлических шкафов с постоянно мигающими лампочками, соединенных толстенными кабелями, уложенными вдоль стен .

Дисплейный класс позволял решать не только учебные задачи. Вечерами в нем собирались различные кружки, и заседала школьная «Детская академия наук» .

- Чего такое внимание к моей персоне? - шепотом процедила Юля, деловито листая потрепанную общую тетрадку.

- Да вот есть забавный вопросик, - усмехнулся Витька.

- Слушай, я математику люблю. Давай потом поболтаем, - взмолилась Юля.

И ребята за соседними столами недовольно бросили на них косые взгляды.

Юля была гордостью школы. Ее вечно посылали на всевозможные республиканские олимпиады, и она неизменно возвращалась с медалями, кубками и почетными грамотами.

Юля пришла в школу два года назад, в восьмой классе. Это была одна из немногих воспитанниц школы, которая не уезжала на выходные в город, оставалась в круглосуточной группе с еще десятком других ребят.

Кобра, а по правде сказать, - Жанна Петровна, запустила программу и, окинув ребят строгим взглядом, удалилась за прозрачную переборку в машинный зал.

Сквозь бутылочного цвета стеклянный кирпич переборки, на фоне призрачного мерцания компьютерных огоньков хорошо просматривался ее строгий силуэт.

Решать тригонометрические задачки Витя любил не меньше Юли.

Дисплей выдавал мерцающими зелеными буквами условия и предлагал ввести решение задачи.

Юля справилялась в уме. Витя набрасывал решения на бумаге, а затем вводил свой ответы.

Урок быстро закончился, ребята, сорвавшись с места, понеслись в фойе учебного корпуса, - предстоял перерыв на целых 20 минут, и можно будет покидать во дворе снежки.

- У меня к тебе серьезный вопрос, - напомнил Витька.

- О чем?

- О тебе.

Девочка слегка покраснела, но быстро взяла себя в руки:

- Не сейчас. Не хочу отвлекаться. Подойди после обеда.

Она улыбнулась ему и решительно направилась прочь по коридору.

Перед самым полдником Витя нашел Юльку в подвале второго корпуса, в хранилище лыж, в компании ребят, натиравших воском полозья.

- Пошли в оранжерею, - предложил Витька, и она кивнула.

Миновав два стеклянных подвесных перехода, они наконец оказались в пристройке к котельной. Здесь, примкнув к кирпичной кочегарке, располагалось стеклянное сооружение, примерно сдвух этажное здание средней величины.

В оранжерее, по-видимому, используемой как охладитель котлов, было несколько аллей по десять - пятнадцать метров каждая. Ухоженные руками ребят аллеи горделиво величали: «Пальмовая роща», «Бамбуковая роща», «Райский сад», «Озеро».

На самом-то деле озеро было просто небольшим бетонным бассейном с рыбками в центре здания.

Зато вокруг него обильно выстроились кусты роз, мексиканского змееголового кактуса и настоящие заросли вечно цветущей Афранолии.

Юля была худощавой, миниатюрной блондинкой со смешным курносом носиком и довольно стройной, но хрупкой на вид фигуркой сказочного эльфа.

Казалось, ей для полноты впечатлений не хватает только пары жемчужных полупрозрачных крыльев за спиной.

«Нужно будет нарисовать сюжет на тему феи» - подумал мальчик, присаживаясь на бетонный край бассейна рядом с Юлей.

Девочка, совсем как игривый котенок, беззаботно потянулась, разминая уставшие от сидения мышцы.

Витя знал, что эта ее сказочная хрупкость была обманчивой.

Являясь лучшей спортсменкой класса, она почти никогда не болела и любила ради озорства оттачивать жесткие приемы рукопашного боя, тренируясь наравне с мальчишками. «Ну-у?!» - повторила она, подозрительно смерив Витьку взглядом.

- Расскажи мне о своем детстве, - без обиняков предложил тот.

- Вот как? - усмехнулась девочка. В Школе задавать такие вопросы было не принято. По негласному правилу, жизнь за периметром не обсуждалась и не вспоминалась.

- Я попал в переделку и хочу разобраться во всем, - сказал Витя.

- Как это может быть связано с моим детством? - удивилась девочка.

- Нас недавно с мамой КГБ допрашивал. Когда речь зашла об одноклассниках, выяснилось что ты числишься преступницей в Могилевском спец- интернате. Представляешь, что с мамой случилось?! – пояснил мальчик.

Девочка вся напряглась и покраснела.

Некоторое время она задумчиво теребила листочек соседнего куста, поглаживая его колючки тонкими, изящными пальчиками.

Затем сказала:

- Не бери до головы Витя. Они знают, что делают и в обиду нас не дадут.

- Кто ОНИ?! – встрепенулся мальчик.

- Они, это ОНИ. Те, кто создали Школу, - строго отрезала девочка.

- Ладно. Если хочешь – слушай:

«Отца своего я не помню. Мама никогда не рассказывала о нем», - грустно вздохнув, начала девочка.

«Мы жили в одном крохотном городке на краю Полесья. Городок, в основном, состоял из семей военнослужащих, обслуживающих секретный артиллерийский полигон. А еще из семей гражданских, обслуживающих семьи военных.

На полигоне, который находился в болотах, в так называемом «Чертовом круге» тридцатью километрами южнее городка, испытывали атомные снаряды и пули».

- Разве такое возможно? У нас же договор с Америкой о запрещении разработок атомной артиллерии! - перебил ее Витька.

- Верь и надейся. Наивный... - презрительно усмехнулась девочка и продолжила рассказ:

«Как я уже сказала, на полигоне в болотах взрывали небольшие атомные заряды, способные уничтожить один - два городских квартала или например, полк с машинами и людьми.

Пыль от взрывов оставалась в жиге болот. Болота потом засыпали песком, привозимым со всей Беларуси товарняками. В сводках новостей, это называлось мелиорацией - осушением болот Полесья, борьбой за стабильный, здоровый климат».

Витька весь встрепенулся от удивления:

-Значит осушение болот Полесья, о котором говорят столько лет, просто обман? Маскировка атомного полигона?..

Девочка презрительно хмыкнула и продолжила свой рассказ.

« Может, они и осушали что-то еще вокруг для прикрытия, но у нас в городке многие болели и потом умирали от неизвестных болезней.

В поликлинике, единственной в городке, никогда не называли диагноз. Это называлось осложнениями после гриппа, или затяжной гнойной инфекцией, или хроническим пищевым отравлением.

Мама была врачом и понимала, что мы тоже однажды умрем.

А уехать мы не могли. И никто не мог. Ни военные, ни гражданские. Бегство каралось как измена Родине.

Поговаривали: в городке живут только штрафники, собранные со всего Союза.

Мама вроде тоже однажды проштрафилась - у нее умер знатный пациент, большой партийный чин.

Так мы и жили в этом городе: ходили в школу, смотрели телик по единственному московскому каналу, читали книги о

большом, прекрасном Союзе и ласковом Черном море, до которого никогда не могли добраться.

Мама говорила: «Не верь, дочка, что в СССР рабства нет».

Дети в нашей школе тоже иногда болели и потом отчислялись из школы.

Это называлось переводом вслед за родителями в другое место.

Но мы, дети, по выражению лиц взрослых чувствовали, что это было за место...

Сколько себя помню, я всегда сильно отличалась от других детей. Еще в детском саду я сбежала из городка и долго шла лесами и рощицами вдоль какой-то реки, пока не уткнулась в колючую проволоку и военный пост.

Я слышала, что реки всегда впадают и море, и очень уж хотела вырваться из городка, увидеть белый пароход на синих-синих волнах...

В школе я решала задачки раньше всех, а потом тайком листала журналы и читала книжки, которых всегда носила в ранце огромное множество.

Учительница все вздыхала, говорила, что если-бы не военный режим городка, отправила бы меня учиться в Москву, куда отправляют всех способных детей. Но мы с ней обе понимали, что этого никогда не случится...

Когда у соседки умер муж, а потом и сама тетя Валя, их сын, 11-летний Стёпа остался совсем один. Дети из нашего городка в интернаты не направлялись. Об этом шептались все. Мама решила спасти Степку, взять его к нам.

- Вот умру я скоро, а у тебя родная душа, братик останется, - говорила мама, вздыхая.

Я возмущалась ее словам, но мать отворачивалась и украдкой смахивала слезы.

Стёпка прожил у нас совсем недолго. Мы даже как следует не успели с ним сблизиться. Он всего дичился и никак не мог отойти от смерти родителей. Пропускал школу, целыми днями игрался дома с оловянными солдатиками и машинками,

подаренными ему его отцом.

Мы с мамой тщетно пытались его отогреть. Ходили вместе в лес. Читали вслух книжки. Обещали когда-нибудь поехать на Черное море.

Но он упорно дичился и хмурился.

Зимой мама заболела. У нее воспалились лимфатические узлы, и она громко стонала по ночам.

Мама позвала меня на кухню и сказала строго: «К весне я умру. Это рак. Но никому не говори. Я попробую продержаться до весны. А там, бери Стёпку и бегите в Минск. Еще лучше - в Москву. В большом городе легко затесаться в любой детский дом».

Мама продолжала упорно ходить на работу, делала вид, что устала, простудилась, страдает давлением.

Она все чаще закрывалась в туалете, и я иногда замечала на полу крохотные брызги запекшейся крови...

Стёпка тоже все понял и стал на нас обоих косо поглядывать.

В середине февраля мама однажды не смогла подняться с постели. Собрав все свое мужество, она позвонила на работу и сказала, что у нас в семье грипп.

«Нужно продержаться до оттепели. Февраль месяц короткий!» - говорила мама слабеющим голосом: «А потом бросайте меня, забирайтесь под брезент грузовиков и бегите подальше!»

Мама не пускала нас в школу, изображая грипп. Припасы макарон, крупы и картошки с тушенкой в огромных армейских банках таяли на глазах.

Две недели мы голодали, стараясь растянуть надолго имеющиеся в доме продукты.

Больше всего мы боялись, что кто-то из школы или с маминой работы придет нас проведать.

Мама по телефону нарочито поругалась со всеми, включая директора школы, - обозвав пожилую женщину детоненавистницей.

Стёпка уединялся в ванной, тайком пожирая украденные с кухни остатки продуктов. Он сожрал последние запасы сахара,

сухарей, пытался грызть даже неваренные макароны.

Я не выдержала и пообещала его придушить. Тогда он громко закричал, пригрозил рассказать всем, что мама больна. Я сломалась. Умоляла, что бы он нас не выдал.

Ночью я долго сидела в темноте у постели мамы, держа ее за руку. Мама все время стонала, а к утру ненадолго пришла в сознание:

«Никому не верь, доченька. Особенно людям в райкомах и кабинетах. Там нет правды. Вам нужно бежать. Не ждать, пока за вами придут. Бегите утром...», - шептала она вперемешку со стонами.

Утром мать умерла.

Слез не было. Я не могла плакать. Я подошла к притихшему, бледному Степке. Смерть моей мамы напомнила ему о своем горе.

«Вечером нужно уходить!» - сказала я. Он упрямо мотнул головой и отчаянно забился в угол комнаты.

Я весь день уговаривала его. Говорила, что мы будем всегда вместе и найдем хороший детдом. Будем жить, как все дети, ездить на море летом, ходить в школу и ничего не бояться.

Но он не верил: «Так не бывает. Кому мы с тобой нужны?

Первый шофер сдаст нас военным», - хныкал Стёпка.

«Мама оставила нам немного денег. Нужно просто дождаться сумерек», - тщетно уговаривала я Степку.

Но пока я зашла в туалет, он сбежал, зимой в одних домашних тапочках и связанном мамой ко дню моего рождения свитере.

Милиция и патруль комендатуры приехали очень быстро.

Я даже не успела собрать в сумку одежду и остатки пищи.

Милиция составила акт о смерти мамы и молча передала меня военным.

Стёпку я больше никогда не видела.

Затем меня долго куда-то везли в закрытой армейской машине, вместе с двумя солдатами прямо в кузове.

Было холодно, несмотря на тяжелый овечий тулуп, брошенный на меня сверху.

Солдаты были добры и не держали ко мне зла. Они кормили меня своими пайками и горячим сладким чаем из термоса. Но отпустить меня наотрез отказались.

К утру я, немного согревшись, заснула и проснулась только от толчка и скрежета тормозов.

Спрасонья мы все не могли ничего понять. Мои солдаты ошалело пялились на происходящее через щелочку в брезенте. Там, на улице наш офицер, ехавший в кабине, громко кричал и оправдывался перед кем-то.

Мне врезались в память слова незнакомого человека с хриплым, прокуренным голосом: «Скоты-ы. Уроды. Причем тут ваш приказ? Это же просто ребенок! От таких вот уродов вся страна по швам разваливается! Получив приказ, вы и мать родную в землю закопаете!»

Полог брезента подняли и меня за руки вытащили на свет и снег.

Мы все еще были где-то в лесу.

Вокруг грузовика стояли чужие автоматчики, державшие под прицелом нашего водителя и бледного, как мел, лейтенанта.

Нос лейтенанта был разбит, а по лицу струйками сочилась алая кровь.

Я сильно испугалась, подумала, что это бандиты или вражеские диверсанты. Кто ещё мог остановить машину в лесу и целиться в советского офицера? Я подумала, что это, наверное, американские парашютисты и сейчас они захватят меня и начнут пытаться про секретный городок.

Автоматчики сказали испуганному лейтенанту: «Стоять и не рыпаться! У нас приказ забрать эту девочку любой ценой. Если только дёрнитесь, всех вас здесь уложим прямо в снег!»

«Что я скажу начальству? Как объясню?» - словно девка всхлипывал молоденький лейтенант.

«Нам плевать! Говори, что убил и закопал, как было велено!

Или что не смог убить, помешали случайные свидетели и отдал девку в приют» - грубо объяснила ему незнакомая пожилая

женщина.

Высокий статный старик и эта пожилая женщина взяли меня из рук перепуганных конвоиров и под руки отвели к стоявшей за лесным поворотом черной «Волге». А двоих солдат автоматчики прикладами прижали лежать лицом в снег.

В машине женщина обратилась ко мне с материнскими интонациями в голосе:

«Теперь все будет хорошо», - повторяла она, вытирая мои слезы своим, вышитым кружевами носовым платком.

Я заплакала, понимая, что они только что спасли мне жизнь. Я всё плакала и плакала, трясясь на заднем сидении «Волги».

Примерно час мы куда-то ехали в сопровождении грузовика с автоматчиками.

Я боялась промолвить лишнее слово. Старик, женщина и офицер-водитель сильно волновались, останавливали машину, и совещались о чём-то с офицером из грузовика с автоматчиками.

Затем «Волга» свернула с широкой дороги и проехала мимо какой-то деревушке к станции.

Перед самой деревней грузовик отстал, и автоматчики залегли в засаду возле дороги, словно они ожидали погоню.

Это был некий полустанок, с покосившимся навесом и деревянной будкой железнодорожной кассы.

Мужчина и водитель курили возле машины, а женщина говорила со мной о лесных зверюшках, о птичках, о своих шаловливых внуках.

Когда вдали показался поезд, она неожиданно сказала мне: «Знаешь, дочка, кажется, мы прорвались! У тебя будут школа и хорошие друзья. Только ты учись, вырастай умной и способной противостоять Злу. Ладно?»

Поезд остановился только на минутку.

Меня передали прямо в руки нашему физруку, который так и представился, когда усадил меня в своем купе. Он без обиняков сказал, что все висело на волоске. Мол, сигнал о том, что я осталась одна, пришел слишком поздно, и спасательная

операция была разработана молниеносно.

Честно говоря, я до сих пор так и не поняла: стали бы спасавшие меня люди при крайней необходимости нарушать принцип Школы (ни кого не убивать), стрелять в солдат? Мне сказали, что я формально числюсь в колонии строгого режима и поэтому вольна уйти в обычную жизнь с условно досрочным освобождением в любой момент... »

Юлька перестала рассказывать и о чем-то задумалась.

- Все остальное не существенно, Витенька, - грустно улыбнулась девочка. Она осторожно приблизила к своему курносому носику ветку колючих азиатских кустов, понюхала и поморщилась:

- Не люблю этот запах. Очень резкий и приторный.

- И ты никогда не пыталась узнать, что случилось со Стёпкой? - изумился Витька.

Она укоризненно посмотрела на него:

- Я же не последняя дура на свете!

Уже на обратном пути, подходя к спальням своего класса, Витя спросил:

- Ты не замечала, сколько всего странного творится вокруг нас? Да и учат нас как-то не так, как везде. Словно бы показывают, что советский строй неправилен и люди, живущие за Периметром Школы, прозябают в иллюзиях.

Девочка решительно остановилась.

- Знаешь, что я тебе скажу, Витенька? - укоризненно сказала она:

- Ты удачливый и избалованный судьбой. У тебя семья жива. Есть куда в субботу возвращаться. Вот поэтому ты носом и крутишь.

- Ладно. Может, ты права. В Школе знают, чему нас учить, - уступил он.

- Только странностей вокруг всё равно много! Как ты думаешь,

что потом будет? Ну, потом, – после Школы...

- Ты еще не понял, Витенька? Это заговор! Заговор буржуев против нашего счастливого государства, - засмеялась она над юношей, повернулась и ушла прочь.

Выгуливание дракона (ДП)

Весь остаток вечера прошел как обычно. Перед ужином, в стеклянном переходе учебного корпуса, Витька столкнулся лицом к лицу с Тимуром Валентиновичем. Тот куда-то спешил, надевая на ходу тяжёлый меховой тулуп.

Витька попытался пройти мимо учителя, но тот ловко поймал юношу за локоть:

- Ты чего шатаешься по Школе, Нечаев? Что, занятие найти не можешь? - строго спросил он, отпуская Витькину руку.

Витька смущенно опустил глаза. Вспомнил, как недавно сопливо просил этого щеголя о чуде для друга, вообразил его кем-то значимым, способным сделать что-либо реальное, кроме болтовни о добре и зле.

Наставник мимоходом заглянул ему в глаза и внезапно сказал, изменив тон на какой-то задумчивый и дружеский:

- В детстве мне тоже пришлось жить далеко от родителей, сомневаться в понятных вещах, принимать решения, как взрослому. Это нормально в твоём возрасте.

Мальчик вздохнул. На мгновение Витьке показалось, что учитель что-то хочет сказать ему.

- Найди себе дело, Нечаев! В жизни все происходит последовательно. Сделав шаг, не мечись, а терпеливо жди результата, - посоветовал мужчина, убегая прочь.

Юноша озадаченно посмотрел ему вслед и растерянно пожал плечами: "О чем это он?"

За ужином наташкины слова все время не выходили у Витьки из головы.

Что она имела в виду, говоря о разных сторонах одной улицы?

После ужина он решил позвонить девочке.

Телефон был только в кабинете дежурного по Школе.

- Входи, Нечаев! - искренне обрадовалась Ирина

Александровна - преподаватель истории.

- Вы сегодня дежурите?

- Только до отбоя, - ответила она, жестом приглашая сесть за стол напротив нее.

- Что-то ты немного запустил историю. Раньше знал все даты и имена на зубок.

- Я исправлюсь, Ирина Александровна! Честное слово, - пообещал Витя.

- Надо, - согласилась учительница.

- Разве для тебя четверка - оценка? Поз-зор!.

- Можно позвонить одной девочке в Минск? - осторожно спросил Витька, когда укеры закончились.

- Теоретически да, а практически вот... - ответила учительница, протягивая ему молчаливую трубку.

- Там ремонт на линии. Обещают скоро исправить.

Витя присел на свободном стуле возле стены.

- Есть проблемы? - спросила Ирина Александровна, продолжая чиркать в стопке тетрадей большим красным карандашом.

Витя задумался. Стоит ли говорить?

- Что бы Вы делали, если Ваш близкий друг на Вас обиделся?

Учительница приподняла голову, смотря на него поверх очков.

- А есть за что обижаться?

- Не уверен. Просто она там, а я здесь.

- Вот оно что-о! - женщина отложила тетрадки, сняла очки и внимательно посмотрела на мальчика.

- А ты сам к этому как относишься?

- Не знаю. Неприятно все это. И с родителями много вопросов.

В нашей Школе явно что-то творится такое, что многих советских людей просто бесит, - честно признался мальчик.

- А может плюнуть на все эти странности и вернуться назад, в семью? К проверенной советской трудовой жизни. Заработал - съел. Кончилась еда - пошел честно заработал. И никаких

вопросов, сомнений, проблем. Чем плохо? - учительница смотрела на него внимательно, трогательно и сочувственно.

- Скучно все это. Я не мартышка какая-нибудь! - возмутился Витька.

- Тогда объясни своим близким, что ты Человек. И подгонять тебя под «народное большинство», под желания родителей, под мнение комсомольского лидера - никому не позволено. Или все-таки позволишь им это делать?

Мальчик отрицательно мотнул головой.

- Тогда не понимаю, в чем твои затруднения? - удивилась женщина.

- В разногласии норм и целей.

- Вот как? Ну-ка, ну-ка! - она даже отложила тетрадки и сняла очки.

Витя задумался:

- У нас в Школе все не так, как там. Нормы, этика, даже мировоззрение. Нам здесь говорят о Добре, о борьбе со Злом, но не с людьми. А на практике, Добро, которое мы постигаем в Школе, за Периметром у людей вызывает сомнение. В результате наши знания неизбежно приведут нас к борьбе с остальными людьми, - эмоционально и сбивчиво пояснил он.

- И что в этом странного? Это и есть древнее проклятие, - удивилась учительница.

- Но тогда, если бороться с людьми нельзя, как же мы будем применять свои знания? И какой смысл в знаниях, которые невозможно применять для людей? - возразил Витя.

- Кто сказал, что бороться с людьми нельзя?! Вас учат не бороться с людьми ради корыстных и меркантильных целей. Не навязывать людям свои идеи силой, даже если вы, возможно, правы. О защите от хищников речь не идет. Это разные вещи! - задорно улыбнулась учительница.

- И потом. Кто сказал, что вас учат для людей? Разве ты отказался бы от знания, если твои знания больше никому не нужны? - спросила женщина.

- Пусть так. Но тогда это разрыв! Разделение истории на два

расходящихся потока. А иначе, как мы будем их спасать? - искренне удивился мальчик.

- А с чего ты взял, что мир людей вообще нужно от чего-то спасать? А тем более пытаться сделать это с вашей помощью? - по детски скорчила ироническую гримасу учительница.

- Как? – опешил Витька.

- Твоя подруга, которая обижается, или родители, не понимающие тебя, - они просили тебя о помощи?

- Да вроде нет. Они как раз пытаются помочь мне, уверены, что я нуждаюсь в срочной помощи, - совсем запутался юноша. Учительница демонстративно сняла, протерла бархатной тряпочкой и убрала в футляр очки.

- По-моему, Виктор, ты думаешь не о том. По-моему, тебе следует спасать не их, а себя от них. По крайней мере, позаботиться, чтобы они тебя не "спасли". Чтобы не решали за тебя, как тебе жить, и не мешали тебе познавать жизнь, - окончательно запутала его учительница.

Она вышла из-за стола, взъерошила ему волосы:

- Вспомни детскую поговорку, которую вам рассказывали в первые месяцы Школы: О ком в первую очередь должен подумать здоровый дракончик?

- О себе, - улыбнулся юноша.

- А о ком во-вторую очередь должен подумать здоровый дракончик? - не унималась женщина, ласково взяв его за локоть.

- О себе! Да помню я! И в-третью, и в десятую очередь здоровые и мудрые дракошки думают о себе! - немного раздраженно ответил он.

- А о друзьях, об окружающих, в какую очередь думают дракошки? - улыбалась учительница, нарочито переводя разговор в шутку.

- Ох. Все я помню, Ирина Александровна! Когда все дракошки думают о себе ответственно, то и о чужих проблемах заботиться не приходится, - тяжело вздохнув, ответил Витька.

- Ну и ладно. Значит поговорили. Я тут выйду минут на десять, а ты звони. Видишь, вон уже на селекторе лампочка зажглась. Значит, городская линия уже исправна.

Ната долго не подымала трубку.

Затем отозвалась слегка охрипшим голосом.

- Привет. Это я. Что с тобой? - спросил мальчик

- Витька?! Ты откуда звонишь? - взвизгнула от радости девочка.

- Ты просила позвонить.

Ната помолчала немного, затем уже более спокойным и задумчивым голосом сказала:

- Что-нибудь случилось или просто решил вспомнить?

- Решил вспомнить.

- Спасибо.

- Знаешь, Натка, ты для меня как родная сестра. Ты не обижайся, пожалуйста, что мы разные.

- Ой, спасибо, утешил, Нечаев! - хриплым голосом воскликнула девочка.

- Что с твоим голосом?

Она помолчала, а затем как ни в чём ни бывало:

- Горло побаливает. Расскажи, что ты делаешь?

- Я? - удивился мальчик:

- Что сказать? Вот поужинал недавно.

- А потом?

- Потом ночной ужин.

- Вкусный?

- Как правило, да. Например, кефир с булкой и с вареньем. Или чай с блюдцем клюквы в сахаре.

- Здорово! Сколько же раз вы едите?

- Каждые четыре часа.

- Здорово. А до ужина что было?

- Были всякие кружки, спортландии, клубы.

- А дальше после ужина что? - не унималась Ната.

Витя засмеялся.

- Дальше бассейн и спатьки.

- А в бассейне опять общая душевая? Для мальчиков и девочек? - печальным голосом спросила девочка.

- Ната, что с тобой? - искренне поинтересовался Витька.

- Ну, ты пойми, я тебя люблю как сестричку родную. Чего ты дуешься?

- Я не дуюсь. Это тебе кажется, - грустно ответила девочка.

- А что ночью, ну после отбоя будешь делать? У вас там ведь девочки с мальчиками вместе, кажется?

Витя тяжело вздохнул.

- Ну, хочешь, я тебя со своими ребятами в воскресенье познакомлю? Хочешь? Они тебе понравятся!

- И с девочками, с подружками? - не унималась Ната.

- Я один секрет тебе открою, Ната, - ответил Витька:

- Ты, наверное, просто не догадываешься, но девочки - тоже люди. Я имею в виду остальных девочек на свете, кроме тебя. С ними тоже можно общаться и дружить. Например, моя одноклассница, Инна. Она бы тебе как подруга понравилась.

- Нет, спасибо. Дружите без меня, - равнодушно возразила Ната.

- Ты мне так и не ответил, что будет после отбоя? Только не ври, - если хоть немного меня еще уважаешь!

Витя вздохнул.

- Не врать, так не врать, - печально согласился мальчик.

- После отбоя у нас сегодня запланировано выгуливание Дракона.

Но девочка проглотила это спокойно и продолжила как ни в чем ни бывало.

- А дракон огнедышащий?

- В-общем, да... - улыбнулся сам себе Витька

- А где он у вас живет, в пещере или в конюшне?

- Есть такое у нас место, особенное, называется «Гнездом», - мальчик был уже сам не рад своей шутке.

Ната терпеливо выслушала его, сделала нарочитую паузу и спросила, зевая в трубку:

- А тот, красивый маленький мальчик, с огненными волосами, которого ты часто рисуешь с мечом возле дракона, тоже будет

тебе помогать его выгуливать?

- Тот с огненными волосами ночью будет спать, свернувшись в маленькое, тепленькое колечко в своей кроватке... - возразил юноша.

- А он тебе очень нравится, когда в колечке? Или больше в душевой, когда вы трете друг другу спинки? - спросила Натка ироническим тоном.

Витя не ответил. Немного подумав о чем-то, молча, аккуратно положил трубку на селектор. Отщелкнул клавишу. Встряхнул головой. И пошел прочь из кабинета прямо в спальню.

Разделся, лег в кровать и, не дожидаясь товарищей из бассейна, заснул...

Королева (ДП)

В это время вечера в никитиной квартире отца с работы не ждали. Горбаться на трех работах, он упорно копил деньги на операцию сыну, мысль о которой не давала отцу покоя. У него уже было два предупреждения за попытки нелегально обменять у иностранцев рубли на валюту, но отец все равно упрямо гнул свою линию.

Ники понимал, что это все добром не кончится. Отца арестуют и посадят, все заработанное конфискуют в доход государства, а его мать, оставшись без кормильца, начнет разрываться между работой и кроватью сына, заболеет, сляжет, того и гляди, умрет...

Вот уже второй день, после отъезда Витьки в лесную школу, никто не навещал Никиту. Даже Наташка забыла о его существовании.

Ники весь день дремал с закрытыми глазами, пребывая в ужасном, подавленном настроении. Он мучительно перебирал в памяти все, что он читал или слышал о смерти. Как можно незаметно уйти из жизни, так, чтобы не навредить другим и чтобы его не смогли спасти?

Настойчивый трезвон затасканного старенького телефона

возвратил Никиту к реальности.

- Это тебе, Ники, какая-то малолетка звонит. Может, ошиблась номером? - принесла аппарат мать.

- Меня? Девочка? Ерунда какая-то, - разозлился Ники, но трубку из маминых рук забрал.

- Привет! Как дела? Как твое настроение? - звонко лился из трубки незнакомый голосок. На слух девочке было не больше десяти лет. Она щебетала приятным, звонким и чистым голосом, четко выговаривая слова и очень артистично расставляя ударения.

- Ты вообще, куда звонишь? - разозлился юноша.

- Я звоню тебе, Никите Озерову. Если только ты уже не изменил фамилию, - огрызнулась трубка, продолжая щебетать о погоде, о снеге, о голодных воробьях, которых так приятно подкармливать крошками на заснеженных аллеях парка. Ники смутился. В голосе незнакомой малышки ему вдруг почудилось что-то странное, от чего на мгновение похолодело под ложечкой. Он вдруг понял отчетливо, что разговаривает вовсе не с ней.

- Ты, собственно кто? Как тебя зовут? - с трудом переводя дух, спросил подросток, облизывая мгновенно пересохшие губы.

- Можешь просто называть меня Королевой, - нагло заявила трубка, продолжая щебетать о совсем не важных вещах.

- Вот как? Может лучше принцессой? - вяло улыбнувшись, пошутил мальчик, одновременно пытаясь понять суть происходящего.

Настроение внезапно улучшалось само собой. Ему вдруг стало совсем наплевать, кто она и что происходит. Ему просто захотелось болтать с этой девочкой об ерундовых вещах. Об облаках, низко-низко плывущих над городом, о беспризорных голодных котах и о нахальных мальчишках, задиристо дергающих девчат за косы...

- Я же уже сказала, называй меня Королевой, — строго возразила девочка, изменив интонацию, даже не дав ему опомниться.

- Ник, скажи, ты все еще думаешь о смерти? - вдруг серьезно

спросила она, говоря об этом просто и буднично.

Ники даже дернулся от неожиданности, не зная, что сказать.

- Кто тебе сказал про это? Витька? Натка? - возмущённо закричал он так громко, что у мамы в соседней комнате что-то выпало из рук.

Наступила недолгая пауза. Наконец черная трубка негромко ответила:

- Ник, ты хоть думал о том, как ты важен для многих людей. И о том, как им будет потом жить без тебя? - совершенно повзрослому спросила девочка.

И от этой невероятной для ребенка смены интонации у Никиты болезненно закружилась голова.

Смешанное чувство изумления и страха тугим комом застряло у него в горле. Он внезапно увидел себя на краю зловещей и бездонной пропасти.

То, что было на той стороне, говорило с ним, преодолевая ледяную мглу.

Он бессильно закрыл глаза, провалившись в какой-то полусон, полуприступ.

Он внезапно увидел в стремительном сне, как бегут сигналы по телефонному проводу, достигая его конца, а затем срываются с него и уходят во мглу.

Словно мост...

Словно луч, уходящий в вечность...

Приступ быстро прошел, ничего не оставив, кроме растерянности и отчаяния.

- Кто ты? - облизывая пересохшие губы, с трудом выдавил из себя напуганный мальчик.

И вечность на той стороне провода нахально дразнила его чистым детским голосом:

- А кто ты? Ты хоть думал об этом когда-нибудь?

Некоторое время они оба молчали. Было слышно, как тикают старинные бабушкины настенные часы в комнате.

- Может быть, я вздремнул? - подумал мальчик, с сомнением сдавливая в руке холодную черную трубку.

И тогда он решил заговорить с этой девочкой о своей беде.

- Я инвалид. Я ничтожество, мечтающее о многом...

Наступила тревожная пауза. Мальчику казалось, что он сказал слишком тихо. И он спросил встревоженно:

- Ты хоть слышишь меня? Кто ты там? Королева, кажется...

- Да, я слышу, – грустно ответила трубка.

- Но в чем вопрос? Ты уже принял свою слабость, так в чем проблема?

Ник чуть не взвыл от ее откровенного и жестокого равнодушия.

- Может, и так. Может я и слаб. Но тебе не понять, каково быть прикованным к подушке и мечтать о звездах, - прошептал мальчик, приготовившись бросить трубку на рычаг.

Но на той стороне ответили, раздвигая мглу отчаяния:

- Ты мечтаешь о Звездах или о смерти, объясни пожалуйста?

- Я? - закашлялся Ники, панически пытаюсь найти ответ.

Ответа не было. И тогда он заплакал – впервые за много лет мужественного терпения.

- Я хочу ходить, как все. Хочу быть полезным людям. Хочу полететь на Марс и сажать там сады, - беззвучно всхлипывал мальчик и его голос срывался.

- Но зачем всё это? - ироническим тоном интересовалась девочка.

Паренёк опешил и даже плакать перестал от удивления. Такой вопрос никогда не приходил к нему в голову.

Ему почему-то представился облик этой десятилетней девочки. Хрупкая, тоненькая, строгая.

Где то там...

На другой стороне пропасти...

- Я комсомолец и не должен быть иждивенцем. Комсомолец должен жить для других! Должен строить для людей счастливое и прекрасное будущее, - ответил он тем, что перовое всплыло на ум.

- Для других. Для людей... - нагло дразнила его девочка.

- Но ведь ты даже не способен встать для себя, – очень жестко возразила она, едва не срывая его в слезы.

- Я инвалид. Я не виноват! У меня перебит позвоночник, -

скупо отозвался он.

- Инвалид, который думает о Звездах, - звонко засмеялась девочка.

- Хочешь спасти мир? Верить в свою идеологическую лабуду? Тогда встань и иди! - саркастически предложила она, так же внезапно перестав смеяться.

Мальчик опешил - даже трубку едва не выронил

- Как пойти? У меня паралич! Нервы сами собой не срастаются!

- Ты что, врач, или ты так сам решил? Что ты можешь знать о возможностях человеческих?! - злобно возмутилась девочка.

- Ну а ты, разве врач? Разве можешь ты сказать мне что-либо новое? - возмутился мальчик.

- Я же Короле-ева!!! - с невероятной гордостью напомнила трубка.

- И вообще, мне уже надоело трепать языком. Так ты будешь вставать или нет?!

- Просто встать и пойти? - изумился мальчик, отчаянно пытаясь понять смысл этой грубой шутки.

- Просто встань и иди, - согласилась с ним девочка.

Мальчик выронил трубку и бессильно упал на подушку.

Сердце бухало с такой скоростью, что казалось, его сейчас услышит мама в другой комнате.

Он почувствовал, что боль, покинувшая тело много лет назад, опять возвращается к нему. Тогда, в детстве, после удара о край батута боль мгновенно пронзила тело, но затем очень быстро ушла, оставляя бесчувственность и бессилие в ногах.

Но теперь боль брала реванш, захватив поясницу и мучительно ползя к ногам.

Страшная судорога свела руки, спину, а затем ноги мальчика.

Вся кровать ходила под ним ходуном. Ноги сами собой дергались, шевели пальцами, сами сгибались в коленях.

- Просто встань и иди! – приказала трубка, лежащая на подушке.

Он уже ничего не видел вокруг, потому что мысленно пытался схватиться за что-то, - там, на той стороне телефонного провода.

Что-то на том берегу тоже доверчиво потянулось к нему навстречу.

И в какой-то момент их руки мысленно сомкнулись в невероятный, незримый Мост.

Мост, сомкнутый из рук детей, соединял два берега, безразлично обходя серое и грустное Настоящее.

Мост начинался в Прошлом и упирался в Будущее...

Прямо в пылающее на той стороне, пламя Человеческого Разума.

И тогда он заорал и отчаянно рванулся вперед по Мосту!

Прямо в сверкающий жар освобожденного от страха Разума...

Бросив все, что было в руках, на пол, мать испуганно вбежала в комнату.

- Что с тобой, Никита? - ужаснулась мать, увидав измученное болью лицо сына.

Мальчик вытянул трясущиеся руки к матери, неуклюже вывалил на пол дрожащие от боли ноги и попытался встать...

- Господи! Как же мне больно, мамочка!!! - простонал Ники, делая шаг к остолбеневшей и бледной матери...

Ссора (ДП)

Ночь в школе прошла удивительно тихо. Как всегда, суматоха и предупреждения прошедшего дня оказались пустышкой. На улице всю ночь крутил и свистел буран. И взрослые отправились по домам, оставив воспитанников в покое.

Утром мощные ксеноновые лампы ультрафиолетового облучения, плавно разгораясь, возвестили начало нового дня.

«Очки. Просыпаемся и надеваем черные очки! Все просыпаемся и хватаем очки! Трусики, маячки снимаем!

Простыни снимаем! Загораем! Все лежим и загораем!» - зевая,

заспанным голосом возвещала ночная нянечка, тетя Нина, бродя между кроватями и стягивая с детей простыни. Витька по привычке зажмурился, сладко потянулся и инстинктивно схватил лежащие на тумбочке солнцезащитные очки.

Некоторое время он еще в полудреме нежился, подставляя нагое тело почти негреющим лучам и вдыхая острый запах озона.

Затем фиолетовые лампы выключились и, пару раз моргнув, зажглись обычные лампы дневного света.

Ребята стали вскакивать со своих кроватей и еще сонными бежать в туалет.

Нужно было спешить. Во вторник до завтрака их класс плавал в бассейне с шестиклассниками. Поэтому их поднимали позже обычного, пропуская раньше них девятый и восьмой классы.

Почистив зубы, Витька вместе с ребятами направился к бассейну. Им навстречу по коридорам шли счастливички из первого потока.

Кто-то из знакомых мальчишек приветливо хлопнул Витьку по плечу, но ту же исчез за поворотом коридора.

Наскоро приняв душ, Витька плюхнулся в воду и поплыл вдоль дорожки к вышкам.

Там, на деревянной подкидной доске метрового трамплина, свесив ноги, сидел Игорёк. Он уже расставил под водой шахматы и дожидался друга.

Партию начали без лишних рассуждений. Ребенок упрямо нырял, деля очередной ход и быстро выныривая, фыркал на поверхности, продувая ноздри.

Вокруг на канатиках дорожки уже висели малолетки, с интересом наблюдавшие, как Витя разделяет их одноклассника.

Минут через пятнадцать Витя поставил ему мат, предварительно очистив всю доску от фигур белой масти.

Игорёк последний раз нырнул и, убедившись в поражении, стал

с кислым видом подымать со дна тяжелые фигуры.

Виктор осторожно наблюдал с бортика пластику движений мальчика, стараясь запечатлеть в памяти для рисунка .

Тот внезапно изловчился, и, схватив свисающие к воде Витины ноги, резко дернул его вниз - в воду.

От неожиданности Витя наглотался воды, откашлялся и бесцеремонно залепил малому увесистую затрещину.

Удар получился не столько болезненным, сколько звонким, - в фонтане брызг прогремевшим под сводом зала.

Игорёк изумленно посмотрел на него, и, не говоря ни слова, медленно поплыл в другой конец ванны - к вышкам.

Витька и сам сильно расстроился от собственного поступка, вылез из воды и направился греться в душевую.

Школьные неприятности (ДП)

- Ветер на улице понемногу успокаивался. Вероятно, сегодня ночью... - неожиданно сказала Инна Виктору на первом уроке.

- Я не думаю. Вон как еще метет! - возразил тот.

Она равнодушно пожала плечами:

- Вот они и захотят нас помучить. Вспомни, их намеки. У них там просто руки чешутся, подловить удобный случай - заставить нас пробивать вслепую буран и мглу...

Инна второй день казалась Вите странной. В ее голосе что-то чувствовалось. Она согнала витинового напарника с парты и теперь сидела на всех уроках рядом.

Внезапно перед ним начала открываться незнакомая прежде совсем взрослая девушка. Прежде холодная, неприступная, она теперь будто постепенно оттаивала, поворачиваясь к нему своей неизвестной чувственной стороной.

Весь день до обеда напряженно занимались по школьной программе. Инне очень досталось на русской литературе.

Она не смогла, охарактеризовать писателей ранней советской эпохи: Горького, Алексея Толстого, Маршака.

Учительница посчитала ее доклад поверхностным, перегруженным примитивным пафосом.

- Я хочу, чтобы ты вскрывала социальную суть, адресную направленность творчества. Ты ведь не человек толпы, которым можно манипулировать с помощью социальных и психологических техник. Каждое произведение содержит заряд идей и базируется на законах восприятия, свойственных для той и или иной группы населения. Как ученица нашей Школы, ты должна видеть и уметь блокировать сознанием психосоциальные методы которыми авторы пытаются воздействовать на чувства и разум людей.

Это была уже вторая неудача подряд, и девочке стоило серьезно задуматься, если она не хотела возвращаться в обычный интернат.

- Ладно, будем считать, что ты просто увлеклась пафосом. У каждого из этих великих писателей кроме явно конъюнктурных, есть и действительно прекрасные, достойные человеческого духа произведения. Например: " гордо реет Буревестник...", - снисходительно примирилась учительница...

- Я, наверное, никудышный психолог. Мое призвание – железяки, реакторы, цифры, - горько призналась Вите Инна шепотом.

А на химии влетело Витьке. У него давлением газов сорвало трубку с аппарата Кипа, и учитель чуть было не прогнал Витьку с занятий.

- А если бы ты летел над океаном в терпящем бедствие дирижабле или чинил химический реактор, очищающий воздух на космической станции? - отчитывал его учитель.

- Здесь, в этой Школе вы совсем не дети и не имеете права на оплошности!

Виктор смущенно кивнул, но учитель продолжал его воспитывать, обращаясь теперь уже ко всем ребятам:

- Это там, за Периметром люди знают, что нельзя требовать от

человека невозможного. Мол, любой человек способен ошибаться ввиду усталости, болезней, человеческой слабости. Вы ошибаться не имеете права! Потому что после некоторых ваших ошибок их анализировать причину, на Земле, возможно уже будет некому...

Шестым уроком начинающимся после обеда, была «Астрономия и Физика космоса».

Предмет, учебник по которому еще в девятом классе привел родителей Вити и Наташу в замешательство.

Особенно впечатлил тираж - 30 экземпляров и цветные иллюстрации учебника.

- Полный бред! - возмутился, крича на всю кухню, папа.

- Ты только посмотри, мать, что в этом школьном учебнике! Я же грамотный советский человек, а они моему сыну такую лабуду под видом астрономии показывают!

А Наташка, разглядывая с изумлением цветные фото Луны, Спутников Марса, Юпитера и красивых, затянутых пеленой облаков планет из далеких звездных систем, воскликнула:

- Как это снимали? Ну, допустим еще Марс и спутники Юпитера. Но планеты других звезд - снятые как с орбиты, словно с борта корабля? Как такое было сделано? Сказки и фантастика... Вы все это учите, вместо школьной астрономии?!

- Не вместо, а на астрономии, - поправил ее Витька, но впредь такие учебники домой не приносил...

Кудрявый Андрюшка, как всегда, начал сразу же приставать к Планетоскопу.

Ребята привычно уселись по скамейкам круглого, словно цирк с куполом вместо потолка, кабинета астрономии.

Светлана Борисовна вошла в «Звездный зал» - так величали этот кабинет - через служебную дверь из лаборантской.

- Друшкин Андрюша! Перестань обижать Планетоскоп! - строго одернула она кудряшку.

- Я только хочу его линзовую систему разглядеть и понять, как

он работает, - обижено откликнулся мальчик, отходя от прибора.

- Я понимаю тебя, - согласилась учительница, раскладывая свои тетрадки на небольшой кафедре в центре круглого зала.

- А ты понимаешь, что таких аппаратов в Беларуси только два? Второй в детском парке имени Горького, в общественном планетарии. Но тот, что в парке Горького, только малая модель, собранная учеными ГДР, прежде чем они изготовили для Школы этот прибор...

Прозвенел звонок.

- Сегодня будем говорить о скоростях больше скорости света и об изучении далекого космоса, - сообщила учительница.

- Разве могут быть такие скорости? - возразила с места Галя Рябцева.

- Хороший вопрос, - согласилась учительница.

- Но смотря что понимать под скоростью. А знаете ли вы, что даже летящему со скоростью света кораблю для полета к ближайшим звездам потребуются десятилетия?

- Понятное дело. Звёзды очень далеко. - согласились ребята.

- В таком случае, полёт к звёздам невозможен и лишен смысла, - печально вздохнула учительница.

Она испытующе посмотрела на притихших ребят. По залу пронесся грустный шепоток.

- Выходит, люди - пленники Солнечной системы? - зароптали ребята.

Учительница, довольная достигнутым результатом, ухмыльнулась.

- А если попробовать иначе? Вообще не разгоняться в корабле, а проколоть пространство как иглой? - засмеялась учительница.

- Вот представьте себе, мы с вами сидим здесь, а за стенкой, меньше чем в метре от нас, расположен кабинет физики. Но чтобы попасть туда, нам нужно пройти коридор, обойти все здание и зайти в кабинет с другого крыла. Сколько времени и

сил уйдет на такой путь, даже если двигаться очень быстро? Ребята, затаив дыхание, слушали учительницу, уже начиная догадываться...

- Но можно поступить иначе, - продолжала учительница.

- Можно найти в стенке трещину и ударом кувалды пробить в этом месте проход. Удар, прыжок в дыру, и мы на месте!

Понятно?

Аудитория взорвалась радостным шумом, словно учительница только что спасла Мир или совершила подвиг.

- Я, кажется, уже догадалась? как Люцифер и другие Эльфы это делали, - нетерпеливо махала поднятой рукой Галя.

- Ты о чем? - удивилась учительница.

- Это нам на другом уроке легенду о Люцифере и Эльфах читали, - наперебой объяснили ребята.

- Да! Теперь всё становится ясно, - взбудоражено продолжала девочка. - Вспышка света, толчок - мгновенный, сумасшедший прыжок через всю Галактику! И ты уже на другой планете. А туннель мгновенно закрыт за тобой. Никто даже близко не может понять, откуда пришли и куда ушли слуги Люцифера. Это же самый таинственный, самый неприступный бастион в Мире! Вот чего на самом-то деле боялись все религии и правители.

Представьте себе, как это для них страшно! Ведь они даже сделать ничего не могут, - корабли, люди, странные существа, приходят и уходят, когда им только вздумается. Наука, армия, полиция, - все бессильны. Представляете, как они бесятся?

Правители, лидеры, идеологи! Ведь они для этих сил – ничто.

И остается только напугать людей, распространить миф о происках Дьявола или кознях ЦРУ, чтобы, не дай бог, никто не усомнился в своих правителях и не обратил свой взор к Бастиону Разума...

Класс притих. Потрясенные услышанной версией, дети напряженно ожидали реакцию учительницы. Но та, лишь

загадочно усмехнувшись , нарочито отошла к своей кафедре.
- Можно стих прочитать? - неожиданно даже для себя спросил Виктор.
- Ну, давай стихотворение, Нечаев, - разрешила наставница:

«...За далекими морями,
Средь хребтов и мрачных скал
Встал над мглистыми горами не проходный перевал.
Не Драконы, и не Демон охранял ущелья сон.
Возвышал немые стены
Неприступный Бастион...»

Юноша вдруг запнулся, сел и задумался о чем-то своем.
Инна больно ткнула его в бок, шепча:
- Дальше что? Читай дальше...
- А что дальше? Дальше - будет дальше. Мы все здесь - в самом центре событий, - задумчиво вздохнул Виктор.

На переменке Витю вызвали к заместителю директора, профессору. К человеку, который в Школе пользовался особой репутацией. Например, младшеклассники почему-то упорно считали его чародеем, или даже колдуном. Видимо, из-за пышной бороды и старомодного, дорогого костюма, с которыми он не расставался никогда.

В отличие от генерала - директора школы, которого дети видели редко, профессор был человеком сугубо штатским, вникающим во все нюансы и мелочи ребячьей жизни. Вызов к нему мог не предвещать ничего хорошего. Но мог быть и просто обычным приглашением на дружескую беседу, например, по вопросам комитета самоуправления Школы, членом которого Витя был уже второй год. Правда, в последнее время, в связи с учебной нагрузкой, для работы в комитет самоуправления Витю привлекали редко.

Кабинет профессора находился на третьем этаже учебного корпуса в конце поперечного коридора, на перекрестке с

продольным.

Кузьма Петрович, на вид достаточно добродушный, но строгий старичок, с заметным пузиком и седыми академическими бакенбардами встретил мальчика за массивным письменным столом из мореного дуба.

- Проходи, садись, - коротко кивнул он Вите, застенчиво стучащему в дверь.

Эта комната всегда приводила ребят в почтение и робость. Вместо стен здесь от самого пола и до самого потолка были сплошные книжные полки. Даже беглый взгляд по корешкам книг приводил посетителей в трепет. Там хранились фолианты, достойные зависти самых авторитетных коллекционеров.

Когда юноша сел, профессор отложил свои дела и решительно отодвинул тетрадь, в которую что-то писал большой золоченой чернильной ручкой.

- Ну-с, молодой человек! Как проходит Ваше расследование? - ироническим тоном спросил он, разглядывая Витьку в упор.

- Какое расследование? - искренне смутился тот.

- Вы же собственное дознание проводите, биографии ребят изучаете. Верно?

Витя покраснел и окончательно расстроился.

- Впрочем, я полагаю, в этом нет ничего противозаконного. Любопытство, направленное на хорошие цели, в нашей Школе всегда приветствуется, - смягчил тон профессор, видя Витино смятение:

- И я искренне хотел бы Вам помочь, молодой человек. Что Вас так беспокоит в нашей Школе? Спрашивайте.

Витя, наконец, немного собрался с духом:

- Вы уже знаете о воскресном происшествии? О КГБ?

- А то нет! Ты как думаешь? - старческим смехом закричал тот.

- Думаю, знаете. Нас бы с мамой так просто не выпустили, - вздохнул юноша.

- В чем собственно проблема? Ну, по молодости болтаете много лишнего, юноша. Нам потом, приходится Вас за уши вытаскивать. Но проблема - то в чем, молодой человек? Что вас в Школе смущает? - сощурился глаза, спросил старик.

Витя на секунду задумался. Странный поворот событий сбил его с толку.

- Я своей болтовней для Школы проблему делаю, - попытался было извиниться он.

- Что вы, юноша! Болтайте себе на здоровье. Нам не трудно смотреть, как вы шишки набиваете, - добродушно смеялся старик, пялясь на него добрыми, выцветшими глазами.

- А действительно, - в чем проблема? - вдруг с очевидной ясностью подумал Витька: «Что бы там на самом деле не скрывалось в недрах Школы, но оно действует грамотно. И ошибки таких вот умников, как я, очень аккуратно сглаживает...» - размышлял Витька, вспоминая события последних дней.

Юноша сконфуженно понурил голову.

- Виноват. Простите. Мало думаю...

- Ладно, не корите себя так строго. Проехали, - примирительно кивнул ему наставник. И добавил после небольшой оценивающей паузы:

- Вы, Нечаев, если возникнут какие-нибудь вопросы, впредь прямо ко мне идите. Уговор?

Витя счастливо кивнул. Он не ожидал такого поворота. Старикан смотрел на него с иронией, словно на совсем маленького внука. Казалось, он вот-вот выйдет из-за стола потрянуть стариной и по-свойски щелкнет Витьке звонкого щелбана прямо в лоб...

- Вы свободны, Нечаев. И учитесь прилежно, - предложил профессор, возвращаясь к своей писанине.

И когда Витька готовился шагнуть за дверь, профессор, как бы

невзначай жестом, остановил его у выхода :

- Вы, Нечаев, еще и паникер. Страсти вокруг своих друзей нагнетаете, - строго сказал он.

Видя полное смятение юноши, профессор пояснил:

- Я говорю о вашем городском друге, Никите Озерове. О том, которому вы недавно просили преподавателя помочь .

Витька побледнел и весь сжался в трепещущий нервный комочек.

А профессор продолжил строгим голосом:

- Мы, естественно, вашу просьбу, Нечаев, из уважения к вам оставить без внимания не могли. Выясняли подробности о вашем друге в районной поликлинике и в школе. Изучали историю болезни. Весьма серьезные и занятые люди из-за вашей паники целую ночь не спали. Тысячи различных вариантов всю ночь из-за вас просчитывали...

Старик сделал нравоучительную паузу, сканируя Витьку колючим взглядом. А затем внезапно засмеялся саркастическим старческим басом.

- Вы, Нечаев, просто паникер! Это хорошо, что друга вы так нежно любите. Это вашу вину перед людьми оправдывает. Но чего, скажите ради, вы его в самоубийцы записываете? Ведь у друга вашего полным ходом выздоровление идет. Вот скажите мне, Нечаев, зачем выздоравливающему человеку кончать жизнь самоубийством?

- Как выздоровление?! У него позвоночник перебит ... - побледнел юноша.

А профессор снисходительно махнул на него рукой:

- Уходите с глаз долой, Нечаев. Прочь идите! У меня без вас хватает всяких забот...

- Что стоите, как столб на обочине? Не понятно вам? Ваш Никита поднялся с постели...

- Как поднялся? - прошептал ошарашенный Витька.

- Что значит, как?! Вы, Нечаев, не знаете, как люди с постели встают? Встал на ноги свои, и пошёл... - пояснил профессор, громко зевая, словно от скуки, знаком выпроваживая его

прочь...

Школа в лесу (ДП)

Весь остаток дня Витька ходил ошеломленный и растерянный. Первым его порывом было позвонить Никите. Но собрав волю, мальчик отказался от этого желания.

Если профессор прав насчет глупой паники, то пора успокоиться и взять себя в руки. Как сказал социальный историк: «...Пусть идет все своим чередом».

Ну, а если?..

При мыслях об этом ему стало страшно, даже пот холодный прошиб. Обращаясь к учителю, он иначе представлял последствия: позовут секретных врачей или привезут «волшебную технику», ту, которая быстро тело лечит...

То, что произошло с Никитой, не укладывалось ни в какие рамки нормального понимания. «Если это ОНИ сделали... Если они так могут... Что тогда они, вообще, с нами при желании сделают?!» - метался Витька по Школе.

«Нужно притихнуть, как мышь! Нужно принять подсказку профессора. Мол, сам Никитка встал. Только сам! Иного, в нашем мире просто быть не должно...» - решил для себя юноша.

В четыре часа Витька спустился в фойе учебного корпуса. Одноклассники уже собрались в вестибюле. Малышня, проходя мимо, с завистью поглядывала на них. Вот они - настоящие герои Школы! Рослые и мужественные десятиклассники...

Вскоре школьный автобус, хорошо натопленный и пропахший бензином, деловито попыхивая сизым дымом, подкатил к крылечку.

Дети были без верхней одежды и поэтому быстро выскакивали

из дверей Школы, на лету прыгали в теплую машину. Инна как-то сама оказалась на сидении рядом с Витей. Окна были покрыты узорами инея. Некоторые дети дышали на иней и оттаивали его своими ладошками. Но смотреть за окном, собственно, было не на что. Там на всем протяжении дороги, с обеих ее сторон возвышался только заснеженный лес. Автобус, то и дело буксуя в сугробах, тяжело пробирался по узкой дороге среди вековых елей и сосен.

- Ты заметил, Витя? В последние месяцы нам, словно специально, на всех уроках намекают на что-то. Мол, весной десятый класс заканчивается, и тогда... Что тогда с нами всеми будет? Ведь не сможем мы нормально жить с обычными людьми, - вдруг внешне равнодушно сказала Инна. Она машинально ковыряла пальчиком покрытое инеем стекло, и по ее лицу можно было подумать, что девочка уже забыла свои слова.

- Неужели Эльфы, Люцифер, Ангелы, а затем Атлантида и другие загадочные цивилизации, - это вовсе не выдумки ЦРУ и служителей церкви?! И все это имеет прямое отношение к нам? - Выдумки? – удивился юноша.

Он внезапно вспомнил свои слезы в кабинете социальной истории. Жесткие, скупые слова учителя, а затем колючий, иронический взгляд профессора. Тот, от которого мурашки по спине бегают. Словно ты букашка под линзой зоолога...

- Слишком много в истории таких «выдумок», - отворачиваясь от девочки, процедил он сквозь зубы.

- Меня давно бесит эта наглая ложь политиков, их шизофреническое стремление скрыть очевидное. Словно нет и не было древних пергаментов и наскальных рисунков НЛО. Словно НЛО люди впервые стали видеть только в нашем веке. А такие подробные описания общения с инопланетянами, как, например «Сказания Еноха Древнего», мол, просто неправильный современный перевод. Даже смешно это

слушать из уст политиков. – нехотя отозвался Виктор. Ему было неприятно обсуждать эту тему.

- А может, это ЦРУ и монахи специально подделали? Я говорю о свитках и старинных картинках? – немного оживилась Инна, поворачиваясь к нему лицом.

Витька вздохнул. Ох, как не хотелось ему в который раз, теперь уже с Инной это пережевывать.

- Слишком много, Инночка, похожих легенд у народов, которые прежде никогда не встречались друг с другом в истории, - задумчиво ответил он.

Инна понимающе кивнула.

- И потом, какой в этом смысл? – вздохнул Витька.

Он вдруг весь напрягся, поджал губы и выпалил на едином дыхании:

- Меня родители достали! И наша советская пресса достала! Такую ахинею людям нести, мол, мы первые мыслящие существа во Вселенной! Мол, если бы существовали другие, то давно бы помогли нам коммунизм построить!

- Я вот тоже думаю, что-то в этом не вяжется. Если они существуют, почему бы не помочь людям коммунизм построить? - покачала головой девочка.

- Ты сейчас мне одну мою минскую подружку напоминаешь, Инночка. Она тоже никак поверить не может в то, что Истина не имеет политического цвета. Истина - это просто Истина. И уж точно, кто бы ОНИ там ни были, коммунисты или кто еще, но до нашей мышинной возни и дележки собственности им никакого дела нет, - грустно улыбнулся он.

- Почему нет? Показали бы людям на наши земные ошибки, если они такие мудрые и сильные. Научили бы людей жить красиво, находить и уважать Истину, - чтобы поддержать разговор, возразила девочка.

Виктор недоверчиво посмотрел на нее, но затем улыбнулся и принял игру:

- Жить красиво... Уважать истину... Жрать люди хотят!

Жрать, рожать, нянчить детей, получать удовольствия и опять рожать новых детей. Все, кто мешают им, как саранче,

пожирать планету, - это враги человечества! Истина большинству людей вообще по боку...

Инна отвернулась и промолчала. Разговор исчерпал сам себя.

Возле ангаров автобус вырвался на расчищенную бетонную дорожку и, радостно урча мотором, подбежал к воротам похожего на гигантскую бочку ангара.

Дети, ежась, выскакивали на холод и пулей влетали в амбразуру двери, откуда клубами валил настоящий туман.

Когда все расселись на скамеечках возле стен и успокоились, из-за отгородки вышел их наставник, Василий Иванович. Или просто «Дядя Вася», как его величали ребята.

Это был не молодой военный отставник, механик по образованию, вероятно, старшина или прапорщик.

Дядя Вася отличался обширными габаритами во всех измерениях, добродушным лицом и строгим, командным голосом.

Дети обожали дядю Васю за его справедливый характер, острый ум и, конечно же, за нелегальные катания на всякой технике, - начиная от снегоходов и мотоциклов, вплоть до тягачей и грузовиков, за руль которых дядя Вася периодически сажал отличников.

Когда все утихло, дядя Вася вытер тряпкой выпачканные свежим машинным маслом мозолистые руки, взял длинную деревянную указку и подошел к разобранному агрегату, возвышающемуся на подставках в центре ангара.

- Кто расскажет о работе механизма, на который я сейчас буду показывать? - спросил он, осматривая группу.

Витька встал. За ним имелся должок с прошлого раза.

Следуя за указкой наставника, мальчик бойко сыпал терминами:

- Это главный топливный насос. Его задача - подавать керосин в камеру двигателя, где бушует плазма. А это -

высоковольтный ионный ускоритель, который превращает обычную турбину в мощный ракетный двигатель, - объяснял он.

- Хорошо! - похвалил наставник:

- А теперь немножко поговорим об истории техники. Кто поднялся в воздух первым на аппарате тяжелее воздуха? Учитель показал на Женю Степанова.

- Братя Райт. Сначала это был планер. Затем самолет с поршневым мотором, - бойко отозвался курносый мальчик сидящий на краю скамейки.

- А кто первым построил самолет, но не смог взлететь? Ира Ботикова!

- Русский инженер Можайский. Самолет имел паровой двигатель, работающий на угле.

После опроса, мастер подозвал ребят и они начали вместе собирать разобранный агрегат, стоящий посреди комнаты.

Полноватый, с пронзительными черными глазами Боря Корольков обратился к наставнику с каверзным вопросом:

- Учитель! Мы изучаем здесь технику, которую за Периметром Школы, никто даже в глаза не видел. Плазменно-электрические двигатели. Миниатюрные компьютеры на кристаллах, сделанных где-то в космосе. Но за забором Школы учёные и простые советские труженики натирают мозоли, жертвуют жизнями в поисках подобных вещей на благо Советской Родины! Чтобы вооружить Родину самолетами, ракетами, компьютерами. А нам здесь равнодушно говорят, мол, люди узнают о игрушках, в которые мы, дети, здесь играем в свое удовольствие, только когда мы состаримся, лет через сорок, в году так двухтысячном...

- Ну и что тебя смущает? – строго оборвал его речь мастер.

- Ты сказал много красивых слов о Родине, о трудовых людях, самозабвенно ищущих оружие. Но какое отношение имеет наша Школа ко всем этим честным и советским людям, трудолюбиво производящим оружие? – иронически

продолжил он.

- Но ведь это же обман советских людей! Они живут в коммуналках, часто впроголодь! Как смысл жизни, собирают копейки на подержанную машину «Москвич» или на кооперативную квартиру, чтобы без соседей на общей кухне. Он внезапно замолк, потому что товарищи уже тащили его за рукава сесть. На него громко шикали, выразительно крутили пальцем у лба.

- Кто же виноват в том, что их не интересуют Звезды? Что из всех возможных целей жизни они выбирают себе то, что выбрали? Ведь немало примеров в истории, когда люди, не замечая голод, нищету и унижения, совершали великие открытия, строили прекрасные дворцы, рисовали гениальные картины. И их совсем не волновало, кто этим будет владеть, и даже то, что они живут впроголодь, - строго сказал Дядя Вася, протягивая одной из девочек крестовую отвертку.

- И если хоть четвертая часть людей начнет интересоваться прекрасным, а не дележкой собственности и переустройством общества, то общество само собой изменится и станет намного прекраснее! Разве это не так? – строго спросил учитель, обращаясь ко всем детям.

Ему согласно кивали со всех сторон.

- Разве наша Школа или люди, создавшие ее для вас, виноваты, что эти труженики все оценивают сытостью своего живота? Что они построили научную теорию, по которой Разум и Добро начинаются с сытого живота и уничтожения инакомыслящих?

Паренек нервно отмахнулся от товарищей, резко тыкающих его локтями вбок, и взволнованно продолжил:

- Но мы здесь вкусно едим, купаемся в бассейне, жжем в турбинах топливо, купленное на деньги, отнятые у этих людей обманом. У простых тружеников, бабушек, живущих на скудную пенсию, женщин, оставляющих детей в грязных и нищих детских садах. И они даже не знают и никогда не получают ничего взамен от тех средств, которые уходят на нашу Школу! – отчаянно и отрывисто выкрикивал паренек.

В ангаре воцарилась мертвая тишина. Было слышно, как капает где-то в углу просачивающаяся с металлической крыши вода.

Учитель вздохнул, выпрямился и, подойдя к Боре, строго сказал, глядя прямо в глаза:

- Да, ты прав! Все земное Человечество тысячи лет именно этим и занимается, мальчик. Вся Земля - это сплошное кладбище. Кладбище народов, культур, религий и надежд. Причем все они считали себя самыми правильными. Где они сейчас? В земле...

Учитель ненадолго замолчал, оценивая эффект сказанного.

- Но ведь это же совсем другое! Мы ведь не врагов обманываем, а своих же родителей... - неуверенно возразил Боря.

- Своих? - иронически усмехнулся мастер:

- Что же эти «свои» в детстве тебя избили за банку съеденного меда, а потом, как ненужного котенка, притащили в интернат? Что же после субботнего общения с этими «своими», возвращаясь в Школу, ты каждый раз часами у психолога просиживаешь?!

Борька понурил взгляд и сел, смущенно закрыв лицо руками.

Но наставник и не собирался проявлять к нему жалости.

- Вот ответь нам всем, Борька! Хочешь ли ты, что бы знания и приборы, которыми вы, дети пользуетесь здесь свободно, завтра у вас отняли?

Что бы именем высокой интернациональной справедливости из игрушек, которыми вы, дети, здесь безобидно играете, завтра строили ракеты и бомбы? Те, которые будут однажды сброшены на головы таких же, как вы, детей! Не по злomu умыслу, конечно, а ввиду научно обоснованной, политической необходимости...

Хочешь видеть торжество такой научной, народной необходимости? Признайся!

- Я не-е з-знаю! - признался Борька, сильно раскачивая головой и закрывая лицо руками.

В ангаре воцарилась звенящая, пугающая тишина. Кто-то со

звоном уронил гаечный ключ на металлическую обшивку пола. Все вздрогнули.

- Ладно, подойдем с другого бока, - добивал юношу мастер:

- Здесь для вас создали островок мечты. Мир без Зла и политики. Потому что политика - это насилие. А насилие - это Зло. И неважно, какими доводами Зло оправдывает себя.

Может, быть ты, бывший воспитанник детского дома, бывший верующий христианского прихода, можешь познакомить нас с другими достойными людьми? С людьми, готовыми разделить с вами здесь не только вкусную еду и лазурный бассейн, но и Мечту о Звездах? Мы готовы принять их в свой круг, накормить, предоставить работу...

Юноша сидел чернее черного:

- Нет. Я таких не знаю. Все они за свою идею, за женщину, или за еду готовы перегрызть друг другу глотку... - тихо прошептал мальчик.

- Ладно, Борис, расслабься. Кстати, время, урок окончен, - обратился уже к всей группе мастер...

До ужина Витька проторчал в художественном классе на четвертом этаже учебного корпуса.

Он старался выкинуть Нату и родителей из головы.

Вера Арнольдовна, преподаватель изобразительных наук, почти час упрекала его в функционализме и трусливости.

- Изобразительное искусство должно сочетать в себе точность переноса образа холст и собственную душу художника, - втемяшивала она Витьке, раскладывая его эскизы на своем столе.

- Художник - это, прежде всего, мыслитель, поэт, творец. А ты свои чувства старательно скрываешь. Маскируешь чувства, рисуя детей с драконами, дельфинами или на берегу диковинного моря.

- Как же мне быть, если мои рисунки людей раздражают? - поинтересовался мальчик.

- А как быть?! - искренне возмутилась учительница:

- Вот, к примеру, Инна или ее Игорек, ты везде их рисуешь. Я

согласна с тобой – красивые дети. Вот и рисуй, как видишь: хочешь – гольшом в душевой, хочешь – на катке с коньками! Витя даже немного покраснел от таких ее слов. А учительница сильно похлопала его по плечу:
- Виктор, пойми! Если ты видишь красоту людей, это же чудесно!

Вечером в столовой ребят ждала немая сцена.

Повар Янина Алексеевна демонстративно выставила на столы десятому классу все непромытые после полдника стаканы, испачканные кефиром. Стаканы стояли рядом с чистыми чашками для чая.

- У нас что, - в школе теперь, как в детдоме, посудомойку и уборщицу нужно на работу нанимать? Может еще официанта детям найдем? - нарочито громко обсуждала ситуацию шеф-повар со своими помощницами по кухне.

За ужином ребята агрессивно выясняли отношения между собой: как получилось, что от класса никто не пошёл на кухню мыть посуду?

А дежурный по Школе воспитатель решила в ситуацию вообще не вмешиваться. Потихоньку посматривала на бранящихся ребят и безмятежно ужинала на своем столике в углу зала.

После ужина в переходе кто-то резко потянул Витьку за рукав. Это был Игорёк. Весь какой-то встревоженный и взъерошенный.

Не говоря ни слова, он потянул юношу за собой в темный переход, ведущий к учебному корпусу, где уже был потушен свет.

Там, в стеклянном мостике, перекинутом между корпусами, малыш остановился у огромного, во весь рост окна, начинающегося от самого пола.

- Что случилось? Ты почему не идешь перед сном плавать? - удивленно спросил Витька, понимая, что ему поплавать сегодня видимо тоже не придется.

В свете звезд в безоблачном морозном небе над лесами и

Школой восходила молодая Луна.

И в ее отблесках глаза ребенка как-то странно поблескивали.

Вите даже почудились слезы у него в глазах.

- Какая странная погода, - задумчиво сказал Игорёк, прижимаясь носиком к холодному стеклу:

- Небо чистое, а внизу метель, и над лесом туман...

Витя осторожно обнял малыша за плечи сзади и привлек к себе.

Он почувствовал теплые слезы, капающие ему на руки, и как можно ласковее провел ладошкой Игорьку по лицу, вытирая их.

Мальчик тихо всхлипнул, прижимаясь лицом к его груди.

- Что с тобой? - как можно нежнее спросил Витька, пытаясь в мерцании далеких звезд заглянуть ему в лицо.

- Сегодня 19-е февраля, - ответил мальчуган, шумно втягивая влагу в ноздри.

- Ну и что? - удивился Витька.

- У вас с Инной сегодня ночью... Я знаю! Погода улучшается...

- Ну и что? - рассмеялся юноша:

- Эка невидаль, - тренировка ночью. Ночью поработаем, а завтра на занятия не пойдём. Будем отсыпаться до обеда. А потом ты придешь к нам в группу. Мы наденем лыжи и отправимся в лес втроем. Ладно?

- Ладно, - совсем шепотом согласился мальчик, и Витя, обнимая ребенка, почувствовал, как заколотилось у него в груди.

Теплые слезы падали прямо на руки Витьки, обжигая его сердце и въедаясь в душу.

- Все! Не хныкать! Представляешь, если эти слезы увидит твой Папа! Ну и девчонка растёт, подумает он!

- Нет у меня папки. Умер. Много лет назад. 19-го февраля...

Игорёк резко вырвался из Витькиных объятий.

Отступив на шаг, внезапно закричал на него.

- Не смотри на меня больше в бассейне и в спортзале! И не подходи ко мне! Убирайтесь от меня все! Инке тоже скажи,

чтоб не нянчилась...

Мальчуган скользнул к учебному корпусу во мрак неосвященного перехода. Витя не стал его преследовать...

И лишь только вечером, перед отбоем, Витька спустился на два этажа в спальни шестиклассников.

- Игорёк вернулся? - спросил он у поднявшейся навстречу нянечки. Малыши отправлялись спать раньше, старшеклассников.

- Спит уже. Очень ждал тебя и сестру, - понимающим голосом тихо объяснила женщина. А потом, притянув к себе, зашептала ему на ухо:

- Ты с мальчишечкой этим поласковее будь. Нет у него никого, кроме тебя и сестры.

- Как же нет? А мать? Родители? Те, к которым он на выходной ездит? - изумился Витька

- То не мать, а чужая женщина. Мамина подружка бывшая, - смахивая слезинку, объяснила нянечка.

Витя снял кроссовки и босиком скользнул в спальню. Он уселся на край Игоревской кровати, осторожно нагнувшись над закрученным в простыню, словно мумия, тельцем.

Из-под простыни показалась какая-то часть головы. И голос мальчика спросил его шепотом:

- Ты кто?

- Я это я, - объяснил Витька, нащупывая его плечи и руки под простыней.

- Знаешь? - так же шепотом отозвался малыш, вытягивая навстречу к его рукам свои горячие ладошки:

- Ко мне еще никто никогда не приходит перед сном. Ни сестра. Ни мама. С тех самых пор...

- С тех пор, как умер папка, - помог закончить тяжелую фразу Витька:

- Я поговорю с сестрой.

- Не надо. Лучше ты приходи. Ладно? - робко попросил мальчик.

- Ладно, - с облегчением согласился Витька, крепко сжимая его

ладошку.

«Как всё сложно в этом Мире!» – думал Витя, поднимаясь на свой этаж по уже опустевшей лестнице.

Школа стала для малышей самым волшебным и прекрасным местом в Мире.

Здесь все было не так, как дома. Здесь они были взрослыми – хозяевами своей судьбы. Каждый из этих детей, как и Витька, попал в Школу своим путем.

Для одних это был интернат, взамен утраченной семье.

Для других, - местом воплощения Сказки...

Но об этом сказочном месте в лесу посторонним и взрослым знать не полагалось.

Законы этого мира многих взрослых людей приводили в бешенство.

По вечерам, после ужина и бассейна с кристальной, бодрящей водой, насухо обтёршись мохнатыми полотенцами, дети забирались в хрустящие крахмалом постели, готовясь к продолжению Сказки.

Когда малыши, укутавшись, прятали носики, в спальне входила пожилая воспитательница по сказкам, Юлия Макарова, - "главная Вралья", как её окрестили ещё в третьем классе.

Было что-то волшебное в ее появлении.

Юлия Макарова никогда ... не старилась!

О ее появлении в спальне после отбоя одновременно говорили все малыши, начиная с третьей группы по седьмую...

...Освещение плавно гасло. И в волшебном полумраке с каждым словом воспитательницы перед ними разворачивались удивительные легенды, оживающие в воображении детей.

Бархатный голос Врალი уносил их в тридевятые царства и минувшие времена. Словно в машине времени, разворачивались перед ними картины цветущей Атлантиды, чарующие своими великолепными вечно зелёными садами-городами.

Это были легенды о звездных предках и дивных подвигах

гордых, высоких людей, более десяти тысячелетий назад создавших на Земле культуру, напоминающую современность...

А за окном трещал мороз, и клубилась метель. Яркие фонари Периметра выхватывали из метели контуры заснеженного леса. Шёл февраль 1973 года.

Люди уже покорили Луну. И в мощный телескоп разглядели пирамиды, и лицо огромного сфинкса на Марсе.

Уходил в прошлое очередной понедельник, угасая во мраке длинной зимней ночи.

Два шестнадцатилетних подростка заснули в своих кроватях тревожным сном, готовые проснуться по команде взрослых...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ (Одни против Зла): Не все ночью спят (ДШ)

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ "Одни против Зла"

- Вставай! Пора! - услышал Витя голос дежурного воспитателя, Ивана Степановича.

Он раскрыл глаза и слегка потер их в полумраке слабого, синего дежурного освещения, пробивающегося через стеклянную дверь из холла спальни.

- Не три глаза. Не маленький, - шепотом сказал воспитатель, подавая заспанному подростку его одежду.

В глубине спальни в полумраке копошилась совершенно нагая фигурка Инны.

Инна, как и некоторые одноклассники, увлекшиеся учением какого-то индийского гуру, принципиально ложилась спать голышом, - считая, что тело должно отдыхать и дышать во сне. Сначала это несколько забавило некоторых мальчишек. И они

острили: «А зачем одеваться? Так вот голышом из душевой по коридору и идите в спальню! Все равно мы вас в душевой уже давно разглядели во всех тонкостях...»

Потом дети перестали обращать внимание на эти причуды своих товарищей.

Витя оступися и громко уронил стул. Раздались заспанные ворчания. Несколько ребят, перевернулись на другой бок во сне.

Он тут же получил не сильный подзатыльник от воспитателя, который знаками выманил их обоих одеваться в холл.

Инна, как и в душе, нисколечко не стеснялась товарища, быстро натягивая на свое стройное и упругое тело сначала комбинезон-трико, а затем дополнительные свитера.

- Ну, как настроение, ребятки?! Спать очень хочется? - спросил воспитатель, помогая им натягивать теплые свитера и застегивать молнии на костюмах.

- Спать немного охота, – улыбнулся мальчик, подмигивая подружке, которая продолжала сладко зевать.

Ему почему-то вспомнилось лицо Наташки, и на душе стало совсем грустно.

- Ничего. Сейчас по чашечке крепкого кофе с булочкой, и сон как рукой снимет! - улыбнулся мужчина, подталкивая их к выходу в коридор.

Заспанная докторша Клавдия Васильевна встречала их в полутемном коридоре, ведущем к лестнице. Она все время сладко зевала, словно пытаясь их соблазнить сладким сном.

- Пойдем тук-туки послушаем, давление измерим. Идемте, идемте, ребятки. Нет, не сюда, сначала в столовую. Сначала по чашечке крепкого кофе, а потом тук-туки и давление.

Ладненько?

Ей никто не ответил. Дети ее не любили. Особенно эти её назойливые «тук-туку послушаем» или «моторчик не поломай». Или еще более противное: «Не будешь пить

таблетки - барабанчик сломается и затихнет быстро».

Витя понимал, что все это, как и кофе перед измерением давления, делается отнюдь не случайно.

Где-то в глубине души юноша догадывался - докторша Клавдия вероятно, добрейший и заботливейший человек. Просто работа у нее такая - давление мерить, по мозгам ездить.

В столовой их было четверо. Заспанная молодая буфетчица, докторша и они с Инной.

В большом, узком и длинном зале, горели только три лампочки. Две в самом зале и одна в раздаточной.

Тревожное эхо разносилось под потолком от каждого слова, шага и шороха.

Они выпили небольшие чашечки крепкого, очень сладкого кофе с кремовыми заварными пирожными.

- Вы, наверное, весь оставшийся после ужина сахар нам насыпали! - недовольно пробурчала Инна, постепенно просыпаясь. И нечаянно, спросонья уронила свое пирожное на пол.

- Вот оно несчастное дитя! Поднять подняли, а разбудить забыли! – переживала буфетчица, отправляясь за новым пирожным.

Сразу после процедур их закутали в тулупы, усадили в школьный автобус и повезли в лес.

По дороге Инна, несмотря на кофе, продолжала заразительно зевать. В конце концов Витька накричал на нее:

- Ты можешь хоть чуть-чуть въехать в ситуацию?!

Девочка отвернулась к окну.

- Извини. Я волнуюсь, - буркнул Витька.

Инна кивнула, не поворачиваясь к нему.

Так и ехали до самого конца молча в болтающемся по заснеженной дороге автобусе.

Витю нужно спасти! (ДП)

Наташка не звонила и не стучала в их дверь. Она просто поскребла коготочками по шершавой крашеной поверхности. Витины родители, не громко спорившие до этого, замолкли, услышав странный звук в прихожей.

- Словно кошка скребется. Пойду, посмотрю! - сказала Витина мама.

- Так и есть! Ну, заходи, кошка. Только тебя не хватало! Ты хоть знаешь, что уже половина двенадцатого ночи? - раздался ее встревоженный голос из прихожей.

В комнату вошли вместе. Рассерженная женщина и смущенная, притихшая соседская девочка.

- Можно я у вас переночую? Я с мамой поссорилась, - тихо попросила она.

Женщина усадила девочку на диван между собой и мужем

- Что случилось? Рассказывай. Мама знает, куда ты пошла?

- Знает. Можно я в Витиной комнате переночую? Пожа-
луйста!

Наташа держала в руках старый Витькин рисунок. Там ребенок с поднятым над головой богатырским мечом стоял на дороге, а на него, сверху вниз, надвигалось какое-то ужасное крылатое чудовище. Ни то дракон, ни то, фыркающий паром ящер.

Девочка заплакала.

Родители переглянулись

- Просто страсти-мордасти какие-то! - сказала Витина мама.

- Я с мамой из-за Витьки и учительницы нашей поссорилась.

Мы маме говорим, что с Витькой что-то страшное происходит в Школе! Мама не верит. Говорит:

- Отстаньте от парня, чего пристали?!

Родители опять тревожно переглянулись.

- Я должна вам сказать, хотя знаю, что это не правильно... - сбивчиво начала девочка.

Она хлюпала носом, как маленькая, теребя край бумажного листа.

- Что не правильно? - спросил Витин папа, осторожно, краем своего носового платка вытирая слезы девочке.

- Предавать друзей неправильно... - объяснила девочка.

- Ну, какое же это предательство? Бог с тобой, Наточка. Ты же нам как родная дочь! Ты же Витеньке нашему, как сестра, самый близкий товарищ с детства, - успокаивала ее женщина:
- Вот мы с папой сегодня тоже из-за Вити едва не поссорились. Все никак не можем прийти к единому мнению - забирать Витюху из Школы или пусть окончит выпускной класс?

Девочка собралась с мыслями, неуверенно начала рассказывать.

- Он какой-то становится странный и чужой. Я его раньше понимала, а теперь он меня пугает...

Родители дружно закивали ей, мол, и нас тоже пугает. Ната чуть смелее продолжила:

- Вот хотя бы этот рисунок. У него такая тема везде. Этот мальчик рыжий на всех рисунках. То с мечом в руке. То с арбалетом. Часто совсем голый, в чем мать родила. А девчонок Витя почти не рисует. И меня нарисовал только раз за всю жизнь!

Родители опять переглянулись.

- А эти странные фантазии про компьютеры маленькие, которые можно на самолет поставить! Про цветные экраны, плоские как книга, – помните?

- Ну и что? Будет фантастом или изобретателем, - попытался успокоить женщин Витин папа.

Но супруга громко шикнула на мужа:

- Не мешай девчонке рассказывать. Не сбивай её! Она и без тебя собьется.

- А еще, - сильно краснея начала говорить девочка, понимая, что переходит грань.

- Витя сказал мне, как из обычного ёда и нашатыря можно сделать взрывчатку и взорвать любую стену или даже открыть сейф...

Отец встал, закурил, тревожно заходил по комнате.

- Зачем такие знания советскому человеку? Нормальным мальчикам в нормальной школе про взрывчатку никогда рассказывать не станут! - всплеснула руками Витина мама.

Девочка собралась с духом и, наконец, вывалила на них самое страшное.

- У них там все вместе. В душевых, в раздевалках, и в спальнях!

- Кто вместе? - удивилась Витина мама.

- Девочки и мальчики. Голые! Витя сам проговорился в субботу...

- Говоришь, вместе с девочками, в одной спальне, и в душевых? Изучают взрывчатку? И рисует голых мальчиков? - нервно всплеснула руками женщина.

- Угу, - подавлено кивнула девочка.

- Всё! Спасаем парня! Немедленно! - закусывая до крови губы, нервно забегала по комнате Витина мама.

- Утомись, жена! На нудистском пляже тоже голые, что из этого? - муж пытался ее успокоить. Указал на часы. Но она только больше взвинчивалась с каждым его словом:

- Ты, пожалуйста, отец, выбери - сын он тебе или нет?! Либо мы берем такси прямо сейчас, либо можешь идти спать, а я поеду ночью в лес одна!

- Я с вами! Возьмите меня с собой. Я для чего-нибудь вам пригожусь! Без меня у вас с Витькой разговор не получится, - настаивала Натка.

Они быстро собрались, вызвали по телефону такси, взяли сумму денег на всякий случай и большой походный фонарик.

- Иди, одевайся как можно теплее. Разрешения у мамы спроси. Все-таки, одно дело у нас ночевать, а иное дело ночью ехать в лес, - приказала Наташе Витина мама.

Полусонная Наташа вышла на лестницу босой и в ночном сарафане:

- Вы что, совсем одурели, соседи мои?! Ну ладно, взрослые умом двинулись. Ну а Натку, куда ночью тащите?!

- Я сама еду, мама! Это важно, ма! Витьку выручать едем! - взмолилась девочка.

- Наделаете вы беды, чует мое сердце - нечего вам туда

тащиться. Если действительно там что-либо не так, то вот вам туда меньше всего ехать нужно. Ложитесь спать. В пятницу приедет парень домой, просто не пускайте его в школу и всё... Посмотрев на решительные лица соседей и своей дочери, она махнула рукой:

- За мою Наташу головой ответите. Ей шестнадцать, силой держать не стану. Всё! А я, вот, иду спать...

Уже на улице, ожидая такси и задержавшуюся в квартире маму, Витин папа, больно стиснув Нату за локоть и поправляя ей шарфик, строго спросил:

- Зачем тебе всё это нужно, девочка? Ревнуешь, что ли? Ну, купались бы вместе, ну ласкались бы тихонечко в Витькиной комнате. Мы с твоей мамой вообще-то и не против...

Девочка резко выдернула свой локоть:

- Я из принципиальных побуждений! Я же комсомолка! Как вы не понимаете? Там действительно, что-то происходит.

- Знаю. Вижу. Только как бы от нашего грубого вмешательства совсем плохо не стало, - вздохнул мужчина.

- Я не верю в сексуальную ерунду, в притоны и прочую химеру. Одно могу сказать, все эти сказочки, учебники о звездах странные, очень напоминают мне приемчики спецслужб. Спецслужбы часто придумывают спектакли с декорациями и сказочками для того, что бы поломать психику и подчинить детей. Сама понимаешь, чем это потом заканчивается...

- Угу. Но мы теперь все вместе! Мы же советские люди! – решительно кивнула Наташа.

Огненная дорожка (ДП)

Прозрачный колпак в тяжелом металлическом каркасе рабочие опускали вручную осторожно и медленно. Витя даже хотел включить механизм электроподъемника, но вспомнил, что

системы обесточены.

Из-за дикого холода фишка кабеля не была вставлена в разъем. Затем специальными ключами, похожими на отвертки, рабочие защелкнули снаружи замки.

Седой, набожный старик Влад, уходя, перекрестил их. Рабочие погасили свет и ушли. Неторопливо. Не оборачиваясь. Словно бы в этом темном помещении детей уже и не было.

- Ну, всё, сейчас опять, как прошлый раз, всю ночь будет порно с музыкой: «Сделайте то! , повернитесь так! А теперь этак» А потом, основательно изнасиловав нас, они скажут: «Вы не обижайтесь, детки, и никому из товарищей ничего не рассказывайте», - недовольно бурчал еще заспанный Витька сам себе под нос.

Мальчик удобно устроился в своем кресле, напичканном какими-то проводами и непонятной, странной на вид электроникой. Все эти модули явно не имели никакого отношения к известной им технике, предназначались для чего-то совсем иного, о чем взрослые говорить упорно отказывались.

Массивные брезентовые ремни оплетали его тело как кокон, - слегка сдавливая грудь через тонкие шерстяные свитера. Под давлением ремней Витька чувствовал каждый удар собственного сердца, словно колокол или гонг: «Бум–бум–бум».

Справа в соседнем кресле уже устраивалась Инна.

Пальцы девчонки привычно бегали по щиткам, щелкая многочисленными тумблерами, поворачивая круглые регуляторы, передвигая маленькие металлические рычажки, призрачно светящиеся фосфорическим светом в наступившей полутьме.

«Вот такой, наверное, и должна быть настоящая жена или подруга мужчины. В новом месте моментально налаживает комфорт, основательно подстраивая под себя все вокруг», - подумал Витька, прогоняя от себя образ Наташки.

Вскоре их тесное пространство наполнилось мелодичным

жужжанием и урчанием оживающей аппаратуры, подмигиванием электрических светлячков на панелях сверху, слева и справа от них.

Инна щелкнула тумблером, и заработала рация, принесся в наушники неприятные, громкие свисты и трески.

- Кажется, гроза приближается, - равнодушно сказала Инна, продолжая возиться со своими приборами.

- Глупая, зимой гроз не бывает. И особенно в такой мороз, - успокоил ее Витька.

- Еще как бывает. Именно во время морозов, невежда, - возразила она совсем равнодушно.

- Ладно, Ин! Извини. Я в автобусе был неправ. Нам не стоит дуться, - неохотно признался мальчик.

Копошение Инны его всегда немного раздражало. Девочка вначале заметно суетилась, но потом начинала действовать размеренно, надежно и логично, как часы.

- Это совсем не Ната. Здесь мозги на первом месте, - снова поймал себя мальчик на неприятной мысли.

Он закрыл глаза и представил себе, что сейчас творится там, за лесом, тридцатью километрами севернее этого места.

Чем занимаются мама и папа? Ната уже, наверное, спит. Или, может быть, трет уставшие глаза, склонившись в свете настольной лампы над учебниками?

Легкая дрожь коснулась их тел, проникая через ремни и подушки металлических сидений.

Со скрежетом отошла в сторону массивная дверь огромных ворот ангара, и сразу же потоки ветра вперемешку со снегом ворвались к ним снаружи.

- Странная погода. Небо чистое, а внизу метет и туман над лесом, - задумчиво повторил Витя слова Игорька.

Он представил себе это маленькое, теплое колечко, свернувшееся там, под одеялом – в семи километрах за лесом.

И ему стало самому тепло. Захотелось утром, когда всё закончится, обязательно прийти и обнять ребенка. Он вдруг понял, что людские пересуды его больше не волнуют: «Вот

приду прямо в спальню, и прижму его к себе, словно братика, обхватив в охапку вместе с простыней...»

Стало быстро холодать. Легкие шерстяные свитера, одинарное стекло и тонюсенький слой металла, отделявшее их от улицы, не держали двадцати градусный, февральский мороз, проникающий в ангар вместе с клубящимся снегопадом.

- Запустить АСП, - скомандовал Витька, краем глаза наблюдая ловкие движения рук подружки.

За четыре года Школы Инна знала его как строгого командира, и в подобных случаях принимала этот тон как должное.

Где-то сзади что-то загудело, защелкало. Вскоре свист АСП и шипение нагнетаемого вентиляторами теплого воздуха возвестили ребятам об их полном одиночестве в промерзшем лесу.

- Отключить пусковые аккумуляторы. Переход на автономное электропитание! – продолжал командовать Витька, все еще ежась от холода.

- Ребята, ворота открыты! Сейчас станет холодно, - с трехминутным опозданием сообщили наушники хрипловатым металлическим голосом .

- Бортовая турбо-электростанция запущена. Переход на автономное питание завершен, - иронически ответил ему Виктор в ларингофон, холодной бляшкой прижатый ремешками к его горлу, и локтем по дружески ткнул Инну в бок.

Незнакомый рабочий, в валенках и тулупе, появившись из снега, подцепил их к пытящему сизым дымом тягачу. А затем вскочил на ступеньку тягача, помахал водителю, и тот неторопливо потащил их прямо на мороз - в метель.

Дети уже сделали все привычные, заученные годами манипуляции с выключателями. Теперь им оставалось только болтать и ждать.

Впервые за много лет они внезапно потянулись друг к дружке, и взявшись за руки, крепко ощутили тепло и непонятное, не познанное еще до конца, состояние надежности, спокойствия и согласия друг с другом.

- Всё сегодня не так, как раньше. Без игр, по-взрослому.

Чувствуешь? – спросила девочка.

Облепленный снегом, испачканный копотью тягач, под светом звезд, мерцающих в вышине, тащил их куда-то в пургу.

И им казалось, что они еще спят. Что сказка может внезапно закончиться. И разбуженные родителями, они проснутся в своих уютных постелях в городе...

Сердца детей усиленно стучали, - то ли от крепкого кофе, то ли, от новых чувств, внезапно захлестнувших их.

- Почему люди там, вне Школы так стремятся контролировать отношения других людей? - ни с того ни с его вдруг спросила девушка.

- В каком смысле? - не понял Витя.

- Ну, все эти запреты связанные с чувствами, человеческим телом, близостью...

- Власть, церковники, партийные лидеры хотят подчинить две важнейших человеческих потребности: пищу и любовь. Если у людей отнять возможность распоряжаться едой, чувствами и телом, то у них почти ничего своего не остается. Люди превращаются в слуг Зла, бесконечно дерущихся друг с другом за желанный "кусочек". Такими псами Злу легко управлять, обещая им все взамен за служение, - криво усмехнулся Витька.

- И это называется моралью? Хорошо, что в нашей Школе гнилые запреты отброшены, - согласилась Инна.

- А у тебя есть кто ни будь? Ну, какая ни будь девочка, там, за Периметром? - вдруг совсем доверчиво и как-то бесхитростно спросила она.

И в её голосе Витя не услышал того былого отчуждения и недостижимости, - к которым привык за годы, проведенные с

Инной в Школе. Он даже мысленно спросил себя, смог бы ответить Наташе на подобный вопрос. Спросил себя и поежился от своей мысли...

- Есть. Только мы совсем разные. Она для меня, как сестра, - с облегчением ответил юноша. Он внезапно понял, что стена отчуждения между ними рухнула. Словно эта звездная ночь или, может быть, спящий за лесом Игорёк растопили ледяной барьер...

- Когда папа бросил нас с мамой, Игорёшке было только восемь лет, - вдруг начала рассказывать девушка.

- Папка нашёл себе другую семью. Мы так и не поняли, чем она лучше. С тех пор Игорь думает, что папка погиб на севере. Ведь не может же папа бросить своих детей. А я решила никогда не знакомиться с парнями за Периметром. Они либо тупые и сексуально озадаченные, либо играют в рыцарей, в стахановцев, в героев Родины. Мне с ними просто скучно, у них нет ничего своего, настоящего. Все на показ для других...

Инна грустно замолчала, ковыряясь в переключателях.

- А ваша мама? - как можно осторожнее и мягче намекнул Витька.

- Мама? - тяжело вздохнула Инна:

- Мама после папиного ухода отвела нас к своей подружке, обещая забрать через пару дней. А сама... Сама повесилась. Словно бы мы в ее жизни, по сравнению с мужем, вообще ничего не значили...

Их общение прервало радио. Дети услышали в наушниках:

- Внимание, Птица! Жмурьте глаза. Мы зажигаем Дорожку.

- Башня! Я Птица! Мы вас поняли: яркий свет, закрываем глаза.

И они молниеносно зажмурились, потому что ослепительный белый свет внезапно залил всё пространство вокруг.

А потом они осторожно, жмурясь, открыли их, осмотревшись вокруг через уже отогретое теплым воздухом толстое бронестекло.

Две сверкающие справа и слева огненные дорожки из встроенных прямо в бетон прожекторов, начинаясь перед

ними, уходили далеко вперед, к маячащему на горизонте лесу. Рабочий с лязгом отсоединил буксирную трубу, выдернул из днища Птицы фишку электрического кабеля, связывающего ее с генератором тягача, и пыхтящий тягач неторопливо ушел в пургу.

- Вот и все. Сегодня играем по взрослому, - тихо сказала Инна в ларингофон...

Мамин ребенок (ДП)

За окном приемной директора трещал двадцатиградусный мороз и клубилась метель.

Ночные фонари Периметра едва выхватывали контуры заснеженного леса.

И странная, таинственная Луна блестела над покрытым снегом лесом.

Школа погрузилась в сладкий сон. Слабый фиолетовый свет контрольных ламп мягко убаюкивал детей в полутьме хорошо протопленных спален.

Но чьи-то родители, не смотря на ночь, громко скандалили в приемной директора.

- Вы не имеете права не пускать нас к нашему ребенку! Вы нам еще ни на один из заданных вопросов четко, по советски не ответили! – громко кричала женщина, а высокий мужчина молчаливо кивал в такт ее словам.

- Что вы здесь меня в моем кабинете лечите? За советскую власть агитируете, прокурором пугаете, - уже теряя терпение, отвечал директор:

- Не боюсь я прокурора, и угрозы ваши относительно прессы меня тоже не впечатляют, - огрызнулся он, нервно сломал очередную сигарету, чертыхнулся, а затем продолжил уже спокойнее:

- Вы действительно хотите что-то понять? Хорошо, давайте пофилософствуем в первом часу ночи. Я вам так скажу: нет у

вас на Витю больше никаких прав. Всем курсантам нашей Школы с четырнадцати лет дана досрочная эмансипация. Так что можете хоть к Брежневу идти, но командовать Витей вы не будете.

Он прервался на секунду, чтобы сделать шумный прерывистый вдох:

- А в семейном разладе вы сами виноваты. Вам удобно его маленьким считать, а он вырос, и ему ваши лозунги просто смешны. Ваши доводы нелогичны и построены на насилии. Мол, так принято в обществе. Или, так учит нас партия. Но на наших курсантов эта ахинея не действует. Они не верят в сказки о том, что два человека или миллион людей, собравшись вместе и назвав себя народом, классом, нацией, имеют моральное право указывать даже одному человеку, как ему жить и к чему стремиться. Это диктатура грубой физической силы. А с грубой физической силой мы учим наших курсантов даже не разговаривать. Они обучены противостоять физической силе силой Разума. И вообще, с таким подходом вы сына скоро совсем потеряете, - махнул он на них рукой.

- Значит, вы признаете, что развращаете детей? Учите антигосударственному анархическому поведению и аморальной чувственной, половой открытости? - вмешался в разговор Витин отец.

- Объясняю в последний раз! - перешел на повышенный тон директор:

- Наша Школа воспитывает только людей. Не специалистов какой-либо профессии, не строителей светлого будущего, не воинов и даже не граждан какого-либо государства. Это ваши кумиры лживо придумали, что разумный коммунистический человек обязан подчиняться обществу, его потребностям и морали. Полная и коварная ахинея. Общество не дает человеку жизнь, не владеет им как собственностью, а лишь только является средой его обитания, которую он вправе игнорировать, если имеет соответствующие силы и знания. Вот мы и даем этим детям необходимые силы и знания, чтобы

такие как вы, не могли поставить их под ружье. Коммунизм не совместим с насилием ни на каких стадиях его построения. Неумение обходиться без насилия - это не оправдание для насилия! Коммунизм - это добровольное дарение людьми себя обществу! Аморальное поведение - это когда кто-то указывает другому, как ему распоряжаться своей собственностью, жизнью или своим телом. Но когда человек сам владеет своей собственностью, своим телом и чувствами, не стесняется владеть, и при этом добровольно дарит другому человеку собственность, свою жизнь, свою красоту и чувства - вот это очень морально, логично и по коммунистически!

Директор устало замолк. Но женщина даже не вникала в его слова. На ее лице словно было написано, что она с детства пионерка, комсомолка и теперь член партии, не привыкла подвергать свои убеждения анализу логики...

- Вы поймите же, это просто ребенок! Он не может и не должен ничем сам владеть или решать для себя. Все, что ему нужно, должны обеспечить взрослые. И пока он слаб, нужно успеть сформировать его похожим на родителей, чтобы он потом не хотел и не смог жить иначе. Я понятно излагаю вам эти истины? - поджимая губы возражала женщина.

- Школа должна помогать родителям адаптировать детей к порядкам общества, подгонять их под планы и стремления родителей, а не уводить их в звездные дали, неизвестно куда! - наседала она, все больше и больше распаляясь.

- Адаптировать. Сделать похожим на вас... Но зачем? По-моему, многие люди с этим и без нашей Школы прекрасно справляются, — отмахнулся от нее пожилой директор, разминая в порошок сломавшуюся сигарету:

От этих слов родители опешили, переглянулись, занервничали, не зная что сказать.

А он, воспользовавшись их мимолетным сомнением, продолжил:

- Вы, между прочим, должны гордиться своим, э-э-э "ребеночком". Многие его ровесники науку жизни в подворотнях, в тюрьмах или на стройках в компании пьяных мужиков постигают. Так что успокойтесь и езжайте домой, такси ваше, я вам его придержал...

Больше всего директора смущала девочка-подросток, молчаливо хлюпающая носом рядом с этими людьми.

- Ну, а девчонку зачем сюда привезли? Ночью. В такой мороз. Что за люди? Еще и родителями называются, - нервно пробурчал директор.

- Я тебе покажу, "Неплохие родители"! - вдруг сорвалась на истерический крик женщина:

- Ты сначала своих детей роди! Под сердцем ребенка поноси! А потом развращай своих собственных девочек с мальчиками в одной комнате голыми! Своим детям голову дури сказками о компьютерах и самолетиках! - женщина выдохлась и, шумно глотая воздух, закусил губу.

А директор смотрел на нее каким-то странным, не то удивленным, не то жалостливым взглядом. Он почему-то не стал больше ничего объяснять.

Только многозначительно, задумчиво поскреб пальцем у виска

Ему порядком надоела эта парочка, и он мучительно соображал: «Выкинуть их на мороз: пусть потом до посинения бегают с жалобами по инстанциям? Нет, нельзя. Парень такого обращения с родителями не простит. Да и не стыкуется это с тем, чему учим парня...»

В конце концов директор просто махнул рукой, нажал под столом кнопку звонка и сказал:

- То, что вы делаете, является разрушением судьбы. Хорошо, если парень выстоит и вы своим приездом здесь, никакой беды не сделаете. Но я не имею морального права вас воспитывать. Потому и пушу вас к Виктору к моему огромному сожалению, - сказал он, отворачиваясь к окну.

В коридоре слышались четкие шаги. Дверь открылась, и

зашел заспанный офицер с нашивками пограничной службы.

- Двенадцать часов! Дети спят давно! А эти, с позволения сказать «родители», рвутся к «сынку»! – злился директор, раскурив, наконец, новую сигарету в дрожащих пальцах.

Затем, обращаясь уже к вошедшему помощнику, приказал:

- Отведи их к Нечаеву Вите. Пусть спорят с сыном, если моим предупреждениям не верят, если хотят сына совсем потерять. Витька уже взрослый парень. Думаю, он им все сам доходчиво объяснит...

Только ты не в спальню веди. Всех побудите. Пусть на улице с парнем общаются. Ясно?

- Но какая надобность ночью этот спектакль устраивать? - на лице офицера возникло серьезное замешательство. Он растерянно посмотрел на родителей, а затем на начальника, что-то ему беззвучно показывая губами.

- Что еще? – с раздражением спросил директор.

- Не могу я к Нечаеву их отвести, товарищ генерал-майор. Он сейчас в Гнезде, на лесном комплексе...

От звания «генерал-майор» в обращении к невысокому, одетому в штатское директору, Витиных родителей, словно током, передернуло.

- Вот оно, значит, что, - закусил губу Витин папа:

- Так я и знал! Спецслужбы...

- Как это не могу? Разве сегодня по графику он? – нервно переспросил директор, покосившись на родителей:

- Была перестановка по погодным условиям. А сейчас вообще проблема - снегом телефонную линию порвало. Связи из Школы с Гнездом нет... - озадаченно объяснял офицер, косясь на притихших родителей.

- Ладно. Нужно кончать с этим. Берите УАЗ-ик и езжайте в лес.

Еще успеете. Ты же видишь, у них истерика. Хочешь, чтобы они нам здесь всяких дел наделали? Или, может, прикажешь их арестовать? – нервно приказал директор, в который раз раскуривая погасшую сигарету.

- Что-о?! Что с нашим сыном?! Вы за это ответите! Что это за Гнездо во втором часу ночи?! – вдруг завопила Витина мама, отталкивая мужа, пытаясь наброситься с кулаками на директора.

А смуглая девочка, приехавшая вместе с ними, заметно побледнела и пугливо отступила за спины взрослых.

Птица (ДП)

Тонкое шипение АСП наполняло их мирок уютom, теплом и уверенностью.

Вентиляторы гнали горячий воздух к их ногам, и клубящаяся за стеклом метель отступала.

Рация опять ожила:

- Птица, я Гнездо! Вам зеленые огни! Задание получите в воздухе.

- Понял! Зеленые огни, - тут же отозвался мальчик, еще не до конца осознав значение услышанного.

И не поворачиваясь к подружке, громко скомандовал:

- Инна, крути-и! Запускаемся!

А потом, словно вспомнив, кто они сейчас, перевел дух и добавил медленно:

- Инженеру: включить бортовые огни, включить прожектора, запустить двигатели...

Медленно завывая, постепенно переходя на все более высокие тоны, словно вой приближающейся электрички, раскручивали стартеры, промерзшие на морозе роторы.

Всякая ненужная сейчас информация зелеными строчками

плыла по экрану компьютера, маячащему перед ними у самого стекла кабины.

Витька машинально всматривался в этот небольшой цветной экран, читая шепотом плывущие по экрану строки.

Но компьютер и сам бубнил в наушники, читая бегущие строки неестественным голосом синтезатора:

«6000 оборотов в минуту»

«Проверка пожаротушения» - одна за другой плывут по экрану нудные надписи:

«Система навигации активирована»

«Проверка герметичности завершена»

- Вот уже 25000 оборотов в минуту, - вслед за компьютером бубнит Витька, следуя своей инструкции.

«Сейчас в работу вступят топливные насосы, а затем ...

Затем - зажигание...» - мысленно отмечает он.

Витька весь сжался и напрягся.

Деловито сопя, Инна замерла в соседнем кресле.

Сколько раз уже так было: погоняют системы, помучают ребят...

А потом - обидные слова в наушниках: «Все! Спасибо!

Тренировка завершена. Выключаем все в обратном порядке.

Отправляемся спать в свои теплые кровати...»

Но их страхи нарушает радио:

- Птица, я Гнездо! Подтверждение! Повторяю: Подтверждение!

Гражданские диспетчера предупреждены. Коридор свободен.

Схема навигации введена в память компьютера.

И в этот же момент оба ротора, наконец, достигли зеленой черты на своих дрожащих стрелочных индикаторах!

«Зажигание!» - пульсирующей красной надписью озарился экран компьютера.

- Первый, Второй, Зажигание! - машинально повторяет

надпись Инна.

И тут же двигатели разрывают ночь двумя потоками яркого оранжевого пламени...

Дети вздрогнули! Их сердца бешено запрыгали в груди.

Дети чувствовали себя сидящими на огромной бомбе.

Не просто спокойно сидеть в вязаных костюмчиках, отделенными тонкой алюминиевой фольгой от потоков ревущего, адского пламени.

Пять тонн очищенного авиационного керосина, размещенного в баках, в крыльях, всего в паре метров от них - не внушали особого доверия.

Быстро нарастающая вибрация превращалась в тяжелый гул.

Вскоре гул заполнил все пространство.

Эхом отразился от заснеженного леса.

Полетел над ним и замёршими лесными болотами.

Далеко-далеко, в деревнях испуганно залаяли разбуженные гулом собаки.

Где-то там, в семи километрах за лесом, в своих теплых кроватях дети инстинктивно ворочались во сне.

Даже сквозь свой сладкий сон, все они, воспитанники этой Школы, инстинктивно понимали суть происходящего.

Напряженный свист и гул все нарастал и нарастал с каждой секундой.

Проснулся и маленький Игорёк, разбуженный этим тревожащим душу звуком.

Он протянул руку, коснулся в темноте холодного окна своей спальни и,

ощутив знакомую вибрацию стекол, зажмурился.

И с колотящимся сердцем нырнул с головой под одеяло.

Ему захотелось вновь провалиться в сон. Быстрее и глубже, чтобы не думать о сестре и друге, затянутых в ремнях...

Там, за лесом, рядом с пятью тоннами керосина...

Но звук проникал под одеяло, не давал успокоиться и заснуть. Игорек хорошо знал этот звук с детства - звук раскручивающейся за лесом турбины...

Индикаторы пульса и давления находились на пульте перед Инной.

Инна вяло улыбнулась другу, обняла своей влажной и теплой ладошкой его сжатый вокруг ручки кулак.

Уши полностью заложило, и она тяжело сглатывая слюну трясла головой.

Страшный грохот, вибрация и рев быстро перешли в специфический надрывный свист рвущихся из сопел раскаленных газов.

Неприятная вибрация вскоре исчезла. И лишь едва заметная дрожь подлокотников все еще напоминала детям, что они сидят между двух вращающихся с адской скоростью металлических роторов.

Руки и лица детей покрылись холодной испариной. Страшные секунды раскрутки турбин миновали.

И внезапно по экрану побежали мигающие красные надписи:

«Первый агрегат раскручен. Вышел на режим»

«Второй агрегат раскручен. Вышел на режим»

В одиночестве, посреди леса и пурги, в вихрях фиолетового пламени Птица замерла на краю сверкающей прожекторами бетонной дорожки.

Сердце Витьки екнуло.

Потому что прямо перед ним, на экране бортового компьютера большими зелеными буквами мерцали надписи:

«ОБА РОТОРА ВЫШЛИ НА РЕЖИМ»

«РЕЖИМ УПРАВЛЕНИЯ: АВТОМАТ; РУЧНАЯ КОРРЕКЦИЯ»

А затем большими буквами: «К ВЗЛЁТУ ГОТОВ!».

Гнездо в лесу (ДП)

Армейскую машину сильно заносило на ухабах заснеженной, лесной дороги.

- Куда вы нас везете? Кругом лес и снег. Объясните же наконец! Что такое Гнездо?! - взволновано, повторяла вопрос женщина.

Ей начало казаться самое страшное: вот сейчас завезут в чащобу и убьют, как ненужных свидетелей. Она поняла ошибку. Ох, не надо было тащить суда в это осиное гнездо всю семью, да еще соседскую девочку!

Измученная Наташа, сидя на заднем сидении, то и дело проваливалась в сон. Затем негромко вскрикивала после каждого очередного заноса на заснеженном повороте.

- Не пытайтесь нас убить! Мама этой девочки знает, куда мы поехали. Она всё о вас знает! - стараясь говорить внушительно, обратилась она к лейтенанту.

- Кого убить? Что знает? - притворяясь добреньким, спросил тот, поворачиваясь к ним с переднего сидения.

- Всё знает! Про компьютеры сказочные, которых нет и не может быть! Про душевые, общие для голеньких мальчиков и девочек. Про сказки о звездах и древних народах, которые якобы мудрее, чем наша Ленинская Коммунистическая партия!

- Послушайте, гражданочка! Вы чем думаете? - как можно вежливее поинтересовался офицер:

- Что вы себе вообразили? На что намекаете?!

- А вы не понима-аете?! - возмущенно закричала на него женщина.

- Вы сами проговорились: У вас тут притон, Гнездо в лесу! Вы там детей в монстров обращаете!

- Да, у вас точно с головой проблема, - сокрушенно отозвался офицер, отворачиваясь.

- Напрасно вы мне дерзите! Вот завтра Витька прокурору

показания на вас даст. Тогда посмотрим у кого голова какая, - вмешался Витин папа грозным голосом:

- Я, между прочим, на весь СССР известный и уважаемый человек!

- Расслабьтесь, известный и уважаемый человек, - хмуро отозвался лейтенант:.

- Никто никаких показаний давать не будет. Поверьте моему слову. И поскольку немного я знаю вашего Витю, думаю, беседа с ним, будет для вас сегодня не радостной и возможно последней...

В этот момент УАЗ-ик, вырвался из объятий леса и вприпрыжку помчался по какому-то полю.

Витины родители нервно осмотрелись, увидели вдалеке, возле леса, странные сооружения, - не то цистерны, зарытые в землю, не то ангары...

Поле оказалось узкой, длинной просекой, вырубленной прямо посреди векового леса.

Километра в три длиной и не более двухсот метров в ширину.

Внезапно что-то изменилось вокруг!

Слева от них, вдоль всей просеки вспыхнула сказочной красоты сверкающая дорожка из упрятанных прямо в землю ослепительных белых огней. Дорожка уходила почти к линии горизонта и там обрывалась, упираясь в не то темные контуры леса, не то в звездную вышину небес...

Водитель вскрикнул и резко ударил по тормозам, прижимая УАЗик к самому лесу.

Затем заглушил мотор и выключил фары. Офицер, открыл дверцы и помог родителям выбраться на снег.

- Нельзя сейчас дальше ехать. И сесть в машине тоже нельзя. Нужно быстро укрыться в лесу, - пояснил он, нахально подталкивая их к деревьям.

Женщина попыталась сопротивляться, но молодой офицер,

грубо закричал на нее:

- А ну марш за деревья, дур-ра! Открыть рот и заткнуть руками уши! Живо! Или в миг без последних мозгов останетесь...

Девчонка-подросток, прикорнувшая на заднем сидении, проснулась.

Она еще плохо соображала, где находится, и почему из машины бегут взрослые.

Они звали ее по имени в этот страшный, заснеженный, темный лес!

Девочка попыталась встряхнуться от сна, но усталость и стресс делали свое дело.

Что-то ужасное, происходило совсем рядом!

Что-то, - о чем говорил и рисовал ее Витька.

Наташка вся тряслась от страха и от странного, проникающего ей под череп гула и свиста.

Она инстинктивно вывалилась из машины в глубокий сугроб на обочине и зажала уши руками.

Но сознание уже мутилось и все плыло в ее глазах.

Рядом с ней, мимо леса протекала огненная река из зловещих, адских белых огней.

Река огней слепила ее, пугала и текла вдаль, почти до самого горизонта.

В голове звенело и гудело, отдаваясь по телу дрожью и болью

Прямо на нее, по сверкающей реке плыло огнедышащее чудовище!

Оно визжало и рычало!

Извергало за собой хвосты синего пламени!

Чудище смотрело на нее тремя расположенными на прозрачной морде огненными зрачками!

Еще мгновение, и дракон набросится, раздавит, испепелит машину, кусты и Наташу вместе с ними!

Вот оно - логово Зверя!

То, о чем боялся ей признаться Витя.

Чудовище уже готовилось для смертельного прыжка!

«Мама была права, вешая мне на шею крестик!» - подумала

девочка, нащупывая крохотное распятие у себя под шарфиком...

Оставался лишь единственный шанс заставить чудовище промахнуться.

Нужно бросаться ему под ноги с крестом в руке и с именем Христа!

- А-а-а!: Изойди! Христос сильнее тебя! - закричала девочка и бросилась наперерез дракону по сверкающей дорожке огней.

Последний миг детства (ДП)

Сильное ускорение вдавило их в спинки кресел.

Сердце Витьки билось какими-то прыжками, словно спотыкаясь о собственные ребра.

Наушники бубнили растерянной скороговоркой:

«Внимание! Человек на полосе! Человек на полосе!»

По экрану поплыли незнакомые надписи. И компьютер монотонно читал их в наушниках, словно стараясь перекрычать рацию:

«ОБА ДВИГАТЕЛЯ: ФОРСАЖ»

«РУЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ЗАБЛАКИРОВАНО»

«РЕЖИМ: АВАРИЙНЫЙ УХОД С ПОЛОСЫ»

И еще хриплый голос Инны, придавленной ускорением к креслу:

- Торможение не возможно! Торможение не возможно! Вверх! Только вверх!

У Витьки все плыло в глазах. Сердце екнуло и остановилось, окончательно не справившись с нагрузкой. Наступило удушье.

«...Через тридцать секунд без сердца я совсем потеряю сознание» - машинально подумал он, конвульсивно дергая брюшным прессом.

Два придавленных комочка плоти с остановленными сердцами

отчаянно хрипели, задыхаясь в ремнях, пока чудовищная сила, порожденная двигателями, стремительно уводила Птицу с полосы.

Все выше и выше, вверх, к облакам...

С адским свистом, неестественно задрал нос почти перед самой девочкой, чиркнув по бетону хвостом и рулем высоты, Птица неуклюже оторвалась от земли и, разбрасывая искрящиеся обломки металла, тяжело покачиваясь, грузно ушла к звездам

С невыносимым грохотом прошла она над УАЗиком, над испуганными насмерть людьми, над деревьями, над просекой, уходя все дальше и дальше в буран.

В следующие секунды четверо взрослых очнулись от шока. Они выскочили из леса и, утопая в сугробах, побежали к девочке, беспорядочно мотающей от боли головой и остолбеневшей в свете прожекторов, - прямо посреди полосы...

А над их головами, над замерзшим испуганным лесом Птица продолжала уходить все выше к звездам, тяжело разворачиваясь где-то там, - уже почти над самой Школой.

Дети школы, их учителя и няни, разбуженные необычным шумом, в ужасе выскакивали из кроватей и, кидаясь к окнам, наблюдали прохождение Птицы.

Они махали руками и выкрикивали что-то друг другу, старались перекрыть вибрацию окон и свист турбин. Потoki огненных брызг новогодним фейерверком тянулись вслед за Птицей по небу.

И она очень странно разворачивалась над лесом, уходя восточнее Школы, - куда-то к городу. И было что-то не так в её тяжелом, неуверенном развороте. словно раненная, с искалеченными рулями, искала она своим локатором сигнал спасительного маяка...

*** **

Птица шла над самым лесом, оставляя за собой хвосты искр, черного дыма и алого пламени. В глубоком курсовом развороте она прошла над Школой, а затем, набрав какую-то высоту, выровняла нос, так и не вернув управление Витьке.

Перегрузка спала на тридцатой секунде, словно бы программа, управляющая полетом, понимала, что детям без стучащих сердец долго быть нельзя.

Инна, трясла контуженной головой, пытаясь отдышаться и судорожными зевками насытить воздухом застоявшуюся кровь.

- Мы горим! Зацепили хвостом полосу! - наконец отдышавшись, прохрипела девочка.

Слабо освещенные ночными огнями корпуса Школы медленно плыли под ними, уходя под крыло влево.

Птица продолжала разворачиваться, повинувшись теперь только компьютеру.

Но мальчик уже понимал, что на полосу они уже никогда не вернуться.

Тысячи миллиардов мерцающих звезд, изумрудным бисером мерцали над ним.

Где-то севернее, во мраке, по всполохам угадывались контуры большого города.

Чтобы вернуться на полосу, Птица должна была сделать круг радиусом почти в тридцать километров и, пройдя по окружности километров двести, нырнуть вниз, к родной полосе.

В кабине было тепло и уютно.

Скрытые вентиляторы нагнетали тепло прямо к ногам детей. Фосфорические стрелки приборов, едва заметно дрожали в зеленом мерцании панелей и рычажков.

Трудно было поверить, что там, совсем рядом, за тонкой алюминиевой фольгой обшивки, предательски горит в хвосте гидравлическое масло.

«Как мне дальше быть с Наташкой? С родителями?» - против всякой логики момента почему-то тревожно подумалось Вите. И какой-то странный, сладковатый вкус тоски комком подступил к его горлу.

«Гнездо! Я Птица! Не могу начать разворот! Управление заблокировано» - судорожно глотая воздух, сообщил Витька в ларингофон.

«Повторяю. Возвращение невозможно!»

Ответом ему было только потрескивание в наушниках.

Неужели рация тоже отказала?

Инна совсем оправилась от шока, что-то быстро настраивала, играя пальчиками на кнопках компьютера.

Она молчала. Ни одной эмоции - словно это была просто тренировка в ангаре.

Внезапно наушники взорвались чужим, взволнованным голосом:

«Птица, я Минск - гражданский! Получил приказ сажать вас в гражданском порту. Зажигаю световую дорожку!»

И в то же мгновение, в тумане, где-то почти на линии горизонта зажглась перед ними светящаяся полоска и знакомые треугольники красных приводных огней по обе стороны от нее.

- Это километрах в тридцати от нас! Они ведут нас на «Минск – гражданский», - взволнованно сказала Инна, до боли глаз всматриваясь в ночь.

- Они что, все рехнулись там?! Откроют ночной город для

прохождения Птицы? - изумился Виктор.

- У них нет выбора! Разворот длиною в двести километров мы не осилим, - вздохнула девочка, колдуя с компьютером.

А компьютер уже почуял впереди радар гражданского порта.

Группы незнакомых схем и цифр бежали по его экрану.

- Сволочь! Ты вернешь мне управление, или нет?! - злобно закричал Витька на компьютер.

«Гнездо, я Птица! Не могу получить контроль. Компьютер ведет нас прямо на Минск!»

Неужели это был его собственный голос?

Неужели это ему так спокойно и буднично подмигивает школьная подружка Инна, сидящая рядом?

Внезапно он понял, что не сможет быть уже по настоящему близок Наташе.

Школа незаметно изменила их.

Перестроила Души.

Отдалила от прежних друзей и близких.

От родителей и других людей...

Мальчик почти физически чувствовал, как во тьме напрягаются стальные тросы, упрятанные в растяжках крыльев. Как потрескивают на морозе заклепки в алюминиевых листах обшивки.

Нежная, хрупкая конструкция из тончайших листов металла, стальных тросов, проводов и трубок, словно сказочный конек-горбунок, несла их в ночном небе над лесом.

«Птица! Я Минск - гражданский! До полосы осталось двадцать километров. Вам дано исключительное преимущество. Проход над городом открыт»

Но они и так уже видели перед собой зарево огней ночного города.

И дорожку надежды, мерцающую там, впереди, в гражданском порту на краю города.

Они плыли почти по самой южной кромке леса, на километровой высоте. Вот-вот готовые разорвать невидимую черту чьей-то жизни и смерти!

Готовые вторгнуться в ночное небо над спящими домами и улицами.

А внизу, возможно, еще делала уроки Наташа! И может быть смотрели телевизор утомленные родители...

И от этих мыслей мальчик окончательно терял связь с реальностью.

Витьке вдруг представилась совсем невероятная картина: вот сейчас они шлепнутся в гражданском порту, почти в спальнях районах Минска.

Замажут едом царапины.

А там, пешком по улице Чкалова, или на такси, до дома рукой подать...

Вот ахнут родители и Наташка, увидев их ночью в испачканных комбинезонах с незнакомой девочкой Инной!

А компьютер уже рисовал на экране схему глассады на «Минск - гражданский». И лабиринты освещенных улиц медленно надвигались прямо на них.

«Птица! Я Минск - гражданский! Проход над квадратами 8, 12, 35 разрешаю» - назойливо бубнили наушники.

«Повторяю! Порт закрыт для гражданских бортов. Все они борта ушли в ожидание. Вам дано исключительное преимущество!»

- Идиоты! Они ведут нас по кратчайшему пути, через районы, через улицы города! - с горечью закричал Витька.

- Это не они Витька. Они тоже беспомощны. Работает какая-то дьявольская программа в компьютере, - глухо огрызнулась девочка, нервно колдуя над кнопками и приборами.

- Компьютер пытается спасти нас любой ценой!

И тут Витька понял! Его словно молнией пронзило: люди,

создавшие Птицу для Школы, мыслили иначе - совсем не так, как думают люди Земли. Они ненавидели смерть, презирали вражду, поклоняясь лишь только Разуму. И вот теперь, заложенная в кристаллы чужого компьютера программа собирается их спасти. Спасать любой ценой...

И поняв это, Витя завопил в полумраке кабины:

- Сбрасывай топливо Инна! Сбрасывай немедленно!

Он вопил и вопил на девушку - словно раненый зверь...

Потому что люди, создавшие Птицу, ошиблись! Слово в озарении, Витька понял: они далеко - эти люди! Очень далеко от нас. И они, подарившие Школе Птицу, ничего не знают, не могут знать о последствиях своего подарка.

И сейчас, в попытке сохранить детям жизнь, пылающий Дракон рухнет на улицы спящего города...

Сотни людей умрут, ничего не поняв во сне. Зло, столетиями подбиравшееся к Цитадели воспрянет и поднимет мировой скандал. Зло начнет писать и трубить везде: «Сотни невинных людей погибли по вине инопланетных организаторов Школы. А в обломках ракетоплана, упавшего на Минск, нашли тела детей...»

И опять на земле начнется террор. Люди будут преследовать людей. Государства начнут вооружаться. Школу закроют. А ее руководителей посадят или даже тихонько убьют...

И рухнет старый Бастион! Последняя надежда Человечества...

- Всё сбрасывать? - каким-то неестественно безразличным голосом переспросила девушка.

- Ты не поняла? Мы здесь одни за Периметром Школы... Одни на пути Зла. Мы и есть - последний Бастион. Последний шанс. Последняя надежда Человечества! - твердо ответил юноша.

И девочка моча протянула ему в полутьме кабины свою влажную, теплую ладошку.

- Не могу это сделать, командир. - спокойно, словно в школьной задачке, объяснила Инна, компьютер не дает мне управление.

Работает какая-то особая программа, о которой в школе, нам никто не рассказывал. Программа пытается нас спасти любой ценой...

- Мы не дойдем до гражданского порта, рухнем на город! У нас пожар в хвосте! - срываясь на хрип, кричит Витька.

Но девочка мотает головой:

- Ничего не могу сделать, Витенька. Компьютер будет нас сажать в гражданском порту, хотим мы этого или нет.

- Ясно! - Витя быстро изгибается в три погибели, насколько позволяют ремни и, дотянувшись рукой до панели предохранителей, отщелкивает все колпачки, которые может достать пальцами.

С печальным воем оба двигателя сразу смолкают.

Экран компьютера мигает, пытаюсь еще задействовать аварийное питание.

Но Витя уже отщелкивает последний предохранитель, вырубая резервные генераторы...

Птицу сразу начинает сильно бросать из стороны в сторону и Витька, наконец, начинает чувствовать её реакцию на педалях и рукоятке ручного управления.

С глухим хлопком лопнувшей покрышки где-то там, под крыльями из люка вываливается аварийный флюгер и, тихо стрекоча пропеллером, подает давление в гидравлику ручного управления.

Какое-то время автоматика еще борется за жизнь гибнущего снаряда, но Виктор не оставляет ей никакого шанса, отщелкивая все выключатели и предохранители, до которых может дотянуться...

Инна быстро вручную запускает насосы, сбрасывая через клапаны в крыльях тонны рокового для спящих людей керосина.

Разбрызгиваемый за крыльями керосин загорается от искр клубами потрясающе красивых оранжевых хвостов, превращая Птицу в живого сказочного Дракона.

А фосфорическая стрелка альтиметра быстро отматывает высоту.

Острое чувство падающего лифта, затрудняя дыхание, нарастает под ложечкой.

Стараясь удержать педалями дифферент, он уже не полагался на "горизонт" - специальный прибор на панели, указатель равновесия.

Интуиция рисует воображаемые контуры холмов, наступающие на них из тьмы вершинами заснеженных деревьев.

Раненая алюминиевая Птица еще какое-то время в безмолвии планирует над лесом.

И в наступившей тишине, нарушаемой только свистом рассекаемого крыльями воздуха и скрипами тросов в крыльях, им кажется, что они слышат сердца и дыхание друг друга.

Дети отстегивают ремни, мешающие приблизиться, прижимаются друг к другу щеками.

Что там внизу, в тумане?!

Но Виктор еще пытается, спасти машину - выпускает закрылки, подымая нос.

Тёмный океан ночного леса быстро надвигается снизу.

Тяжелый металлический снаряд, без двигателей, нехотя планирует против ветра.

Витька вновь закладывает отчаянный вираж, - стараясь развернуться по ветру или хотя бы просто аккуратно уложить

машину брюхом на пушистые кроны елей.

Осколки оторванных металлических конструкций с треском разлетаются по сторонам.

Пробивают кабину и вонзаются в кресла, и их тела.

Инна негромко вскрикивает, обмякая в объятьях ремней.

Витька краем глаз замечает кровь, большим темным пятном расплывающуюся на её светлом комбинезоне возле сердца.

Еще какие-то мгновения парит Птица, снося вершины елям и соснам, уже не подчиняясь рулю.

Фонтаном алмазных брызг в сиянии электрических замыканий, вперемешку с изумительно сверкающим снегом, еловой хвоей и огромными щепками разбитых деревьев врываются в кабину кусочки лобового стекла.

И какая-то ослепительная стена электрического огня встает из под пола кабины навстречу лесу, сначала поглощая осколки, а затем и самих детей...

- Как всё просто, красиво и буднично, - удивляется мальчик.

- Последний Бастион... - успевает подумать он в оставшуюся секунду детства, прижимаясь щекой к еще теплой щеке своей, как всегда, невозмутимой и надежной подружки...

(1974 -2004гг. По мотивам дневника Саши Бек., предпоследняя страница 1973 г.)

Эпилог: Последний Бастион (ДП)

Эпилог: Последний Бастион.

Рыжекудрый мальчик рыдал, уткнувшись носом в подушку на

своей кровати. Его трясло. Трижды нянечка и двое воспитателей пытались взять его за руки, чтобы доктор могла сделать укол. Но каждый раз отпускали, боясь поломать иглу.

- Она упала! Упала! Я видел! Она упала за лесом, - захлебываясь слезами, повторял Игорь.

И только когда во дворе послышался громкий, стрекочущий, свистящий звук, ребенок немного притих.

Его сразу же напоили водой, сделали укол легкого успокоительного. Уложили на кровать. Седовласая ночная нянечка, присев рядом с ним, обняла малыша, прижала его голову к своей груди.

- Всё образуется. Все будет хорошо, Игорёк, - как-то очень растерянно успокаивала она мальчика, нежно перебирая его рыжие волосы.

Но мальчишка продолжал всхлипывать, тихо шептал однообразное.

- Она упала. Упала за лесом...

Ошарашенные, испуганные дети, кто в чем был, босяком, в трусах и в майках обступили товарища. Робко прикасались к его плечам. Брали в руки его мокрые от слез ладони. Они шептались, испуганно поглядывая на взрослых и не зная, что делать, как помочь другу.

В спальню вошел директор. Он был в заснеженном офицерском тулупе, в валенках.

Его мокрые от снега черные валенки в блестящих резиновых калошах очень странно смотрелись на пушистом ковре, рядом с босыми ногами детей.

Лицо генерала было бледным, но мужественным и суровым.

- Прекратить выделять сопли! Немедленно! Нам ещё захлебнувшегося соплями курсанта, не хватало! - сурово приказал директор, слегка сжав подбородок мальчугана.

- Ты мне нужен там! Три минуты на сборы! Жду тебя в вертолете.

И вдруг как закричит на ребенка:

- Не жалеть себя!

Ты курсант или кто?!

Приказ сработал. Истерику словно сдуло ледяным ураганом. Мальчуган поднялся, продолжая всхлипывать, вытирая сопли о руку.

- Может, пожалейте его. Он же совсем деточка! - попыталась вступить нянечка.

Но генерал только зыкнул на нее и ушел из комнаты.

Воспитательница и дети, громко перешептываясь, подавали ему одежду. Помогали засунуть руки в рукава, застегнуть пуговицы и молнии одежды.

Стрекот лопастей и свист турбины во дворе окончательно взбудоражили школу.

Страшная новость моментально разнеслась по всем этажам.

- Упала. Упала, возле Минска... - перешептывались ошеломленные дети.

Игорёк, легонько поддерживаемый под руку врачом, вышел из спального корпуса и, шатаясь, поплелся к стрекочущему вертолету.

Ротор вращающегося винта поднимал снеговой бурей, затрудняя приближение к люку.

Бледные и потухшие, как огарок свечи, двое взрослых и девочка-подросток уже находились на борту машины.

Девочка тупо смотрела перед собой, прижимаясь к не молодой, растрепанной женщине.

Женщина, словно глухая и немая, методично гладила девочку, устремляя свой взгляд в пустоту.

Игорьку подали руку, втянули на трап и захлопнули за ним дверцу.

Быстро набирая обороты, взвыла турбина, наполняя вертолет монотонной вибрацией. Геликоптер рванулся в утреннее небо, боком уходя к северу, разворачиваясь на ходу.

Острый запах авиационного топлива, надсадный свист турбины вырвал Нату из шока. В её контуженное сознание постепенно

проникала действительность. Уходили в прошлое мечты о планерах, о сказочных рыцарях и добрых волшебниках.

Обретали смысл непонятные слова друга...

Через открытую дверцу кабины доносились тревожные звуки радиации: «Я 916-й. Я 916-й. Взлетел. Иду на Минск».

Уже почти рассвело. Они шли невысоко над лесом куда-то в сторону города, утренние огни которого ещё подсвечивали темные снежные облака на горизонте.

Ната судорожно сжимала в руке небольшой серебряный крестик с распятием, снятый с шеи час назад.

Впервые в жизни девочка плыла над землей. Плыла, приближаясь к страшной цели своего первого в жизни полета. И сильная вибрация, и металлический холод борта, к которому она прижималась щекой, и острый запах авиационного топлива открыли ей тайну последних лет из жизни друга.

- Господи Иисусе! Святая дева Мария! Мать Богородица! Помогите мне! Сделайте так, - чтобы он был жив. Пусть хромой, пусть без рук, обгорелый. Только бы жив! Я всю жизнь согласна на коляске его катать. Пусть только жив! Умаляю Вас! - неслышно, одними губами шептала девочка, отвернувшись к иллюминатору, сдавливая до боли крестик.

Спустя минут десять, они увидели внизу машины и отряды оцепления.

Желтые милицейские УАЗики и военные ЗИЛы, перекрыли дороги и тропинки идущие к какому-то лесистому холму.

На склонах холма были видны разрушения, поваленные стволы огромных деревьев, как щепки разбросанные тут и там.

Вертолет резко наклонился, огибая холм по широкой дуге.

У девочки на мгновение замерло дыхание и громко екнуло сердце. Навернулись слезы, потому что она представила себе, что чувствовал он. Там.

В пикирующей над лесом машине...

Теперь через иллюминаторы виднелись разбросанные среди деревьев металлические обломки, куски искорёженных

крыльев Птицы, части корпуса, с корнем вырванные и сломанные словно спички стволы вековых сосен.

Прямо под ее иллюминатором проплывал кусок переломанного крыла с красивой зелено-оранжевой эмблемой Школы. Раньше она не раз замечала такие картинки на рубашках и даже на тетрадках Витьки, принимая их за пижонство. Это был парящий на распластанных крыльях зеленый, рогатый дракон с сидящей на его спине босоногой девчонкой.

Ната закрыла лицо ладошками, заплакала, почти неслышно в стрекоте лопастей и свисте турбины.

Она всё ещё не выпускала из рук маленький крестик на серебряной цепочке, словно страховая нить этой вещицы как-то связывала её с другом.

Игорёк смотрел вниз безмолвными, остекленевшими глазами. А двое взрослых то и дело молчаливо прижимали к себе этих внезапно ставших для них бесценными «чужих» детей.

Покружив над холмом, пилот нашел подходящее место и завис почти над самой землей. Вертолет неуверенно покачивался над кустами присыпанного снегом орешника.

Вниз спускались по выскальзывающей из-под ног веревочной лестнице. Сначала мужчины. Затем дети и потом женщина.

Геликоптер, подняв снежные вихри, с грохотом ушел в небо и завис над холмом, оставляя их брести в сугробах по хрустящему под снегом валежнику.

К месту гибели Птицы, через снег, добирались молча.

Обходя холм, пробивались сквозь орешник, невысокие елки и коварно глубокие сугробы.

На другом склоне поросшего лесом холма их уже поджидали военные.

Невысокий майор, подавшись навстречу, представился начальником поисково - спасательной группы. А затем спросил неуверенно:

- Товарищ генерал! Может быть, оставим детей и женщину

здесь?

- Нет! Они должны видеть все! Я хочу, чтобы они, наконец, что-то поняли!— резко ответил директор Школы.

- Как это случилось? - спросил он, едва переводя дыхание от лазания по сугробам.

- Дети отключили, вывели из строя компьютер, когда тот пытался провести их над городом в гражданский порт. А затем сбросили топливо. Поэтому пожара и взрыва не было, - объяснял офицер на ходу.

- Дуралеи! Не поверили Птице... Решили всю ответственность взять на себя, - мрачно отозвался директор.

- Если бы парашюты были ... – постоянно с досадой повторял майор.

- Парашюты, катапульты. Один хрен! Это дети. Им здоровья не хватит выстрелиться, - огрызнулся генерал.

- Теперь Школу закроют. Будут все следы заметать, - вздохнул майор.

- Её и так собирались переводить в Сибирь. Эта территория подлежит затоплению. Здесь какое-то водохранилище и канал строят. Вилейский, кажется, - глухо отозвался генерал.

Дальше шли молча, обходя вывороченные деревья, продираясь сквозь нагромождения заснеженного орешника.

Дети часто отставали, и их приходилось тащить через снег за руки.

Девочка едва не теряла сознание, все время что-то шептала себе под нос.

Женщина то и дело нагибалась к ней, целовала в щеку и в лоб, предлагая остаться с солдатами. Но Наташа упрямо качала головой.

- Что там, впереди? Наверное, страшно? Что-нибудь, уцелело? – как можно громче спросил отец, подготавливая жену и детей к ужасному...

- Был сильный удар. Всё разбросано на большой площади, – неохотно ответил офицер.

- Лучше было бы не тащить туда детей и женщину...

Но те упрямо шли, и в их сердцах ещё теплилась невероятная, сумасшедшая надежда.

Вскоре люди приблизились к просеке, возникшей из вывороченных с корнями огромных деревьев.

Словно гигантский бульдозер прошелся своим ножом по вершинам лесных великанов, а затем уперся в холм.

Тут и там валялись куски разорванной на части Птицы.

Колёса. Листы серебристого металла. Искореженные, дымящиеся агрегаты.

Издранные в лохмотья, разноцветные трубки и провода.

Везде сновали унылые, замерзшие солдаты в серых армейских тулупах.

Они остановились в самом центре разрушений.

Подавленно рассматривали

обломки и поваленные стволы вековых елей.

Наконец, где-то в полукилометре от них кто-то из солдат закричал во весь голос.

Люди бросились на крик к видневшимся на склоне зарослям орешника.

Там, вдали, два совсем юных тела лежали в грудe каких-то обломков.

Несмотря на кровь и грязь, издали они были неестественно красивы, лежащие среди февральских снегов в своих тонких белых костюмах на молнии.

Казалось, дети просто спали, безмятежно устроившись в снегу, прочно пристёгнутые брезентовыми ремнями к огромным, пухлым креслам.

Но вблизи взору людей открывалась ужасная картина разрушений.

Обломки кабины, листы металла и какие-то приборы были перемешаны, словно макароны вилкой.

Наташка задрожала всем своим телом.

Ната вдруг почему-то поняла, что та, красивая, рыжеволосая девочка, лежащая вместе с Витькой в снегу, никогда не была ее врагом...

И ужасная пустота устрашающей дырой угнездилась у нее прямо в сердце.

- Стойте! Нельзя приближаться! Там радиация! - громко кричал солдат со счетчиком Гейгера, энергично махая им рукой.

Странное, фиолетовое свечение, разбрасывая потрескивающее искры, мерцало над заснувшими телами детей и обломками изуродованной кабины.

- Что это за фигня? Откуда это свечение здесь? – удивленно выругался майор, указывая на искры.

- Очень сильное, неизвестное излучение! Вероятно, там, в обломках кабины, ещё работает какая-то техническая система, – отозвался солдат-техник.

Игорёк обхватил голову руками, рухнув на колени в снег и равномерно качаясь из стороны в сторону корпусом.

Ната некоторое время тупо смотрела перед собой красными от слез глазами.

До крови сжала серебряный мамин крестик в кулаке, а затем отпустила его в снег как совсем ненужную вещь.

Медленно, словно во сне, подошла к сидящему в снегу мальчугану и обняла его за плечи.

- Там сестра. Там мой друг. Нет, мой Брат, - очень тихо шептал тот, глотая слёзы.

- Это я натворила. Моя глупость, ревность и страх, - хрипло призналась девочка.

Ей стало жутко от звенящей пустоты, поглощающей их сердца. Ната представила себе, как завтра это маленькое, свернувшееся колечком в кровати интерната существо одиноко проснется в

океане Зла. Представила и прижала мальчишку к себе еще крепче...

Она больше не могла уже сдерживаться, рыдала, прижимая к себе ребенка, словно братика...

Ната, наконец, поняла, что хотел объяснить им директор, волоча сюда, к этим ужасным останкам.

Зло коварно обмануло всех!

Это она, Наташа, пронесла Зло сюда в своем сердце...

И они, - создатели Школы, больше уже никогда не придут помогать людям Земли.

Потому что ее поступком был разрушен древний Бастион.

Цитадель Разума на Земле...

Последняя надежда Человечества...

* * * * *

В голове у Вити звенело и щелкало.

Он с трудом вспоминал случившееся. Где он? Почему так холодно?

Почему-то первым делом ему вспомнился маленький Игорёк.

Он представил себе это хрупкое, одинокое колечко, свернувшееся под одеялом где-то там за лесом, в интернате.

Нужно будет обязательно зайти к малышу, обнять его утром, когда всё это кончится! – подумал юноша.

Сознание медленно возвращалось в отвратительно ноющее тело.

Было холодно. Очень холодно.

Витька застонал и, преодолевая боль, открыл глаза.

Дрожащими, окровавленными пальцами потянулся к Инне, зажимающей синей от холода ладошкой рану на левом плече.

Девушка тоже морщилась от боли, пытаясь остановить сочащуюся по руке кровь.

- Наверное, нравится тебе, Витька, валяться здесь со мной, в февральском снегу, - едва слышно острила неугомонная

подружка.

Вдалеке кто-то громко, радостно кричал.
И какая-то черная тень, стрекоча могучим пропеллером,
стремительно пикировала на них с небес.

Витька вздрогнул и совсем очнулся.

Они лежали в глубоком снегу, среди обломков погибшего
Дракона.

...В легких, испачканных грязью и кровью комбинезонах, и еще
крепко пристёгнутые ремнями к его надёжным, защитным
креслам.

Странное, фиолетовое свечение неприступным куполом
неведомой энергии властно накрывало их тела.

Что-то неизвестное, могучее, гудело и потрескивало в креслах,
разбрасывая вокруг фиолетовые искры и не давая ничему
приблизиться к телам детей.

В голове у Витьки звенело и щелкало.

Витька нащупал в снегу пальцами обломок металла, сжал до
хруста и внезапно для себя, как маленький, заплакал.

- Я убил его... Но Дракон все же выполнил свое главное
предназначение. Он закрыл нас от удара и осколков своим
энергетическим щитом... - тихо прошептал Витька, не в силах
сдержать слезы.

Слезы лились сами собой вперемешку с каким-то радостным
смехом.

Витька вспомнил недавние страхи, свою прерванную падением
мысль.

Последний Бастион!

Последняя надежда Человечества...

Вспомнил, как боялся подвести людей за Периметром Школы.
Как убил Дракона, отдав роковой приказ.

И о том, как поднялась на пути осколков стена фиолетового
пламени...

Он смеялся и плакал как маленький, потому что истина,
наконец, открылась ему в слезах:

Люди, создавшие Птицу, были мудры!

Они ненавидели смерть и любую борьбу людей с людьми.

И поэтому Птица несла на крыльях только жизнь.

Только Жизнь!

И ни какого оружия.

Строки наташкиного стихотворения сами собой всплывали в
памяти Виктора.

...И пройдут века, эпохи,
Время в бездну улетит,
Силу древней цитадели,
Бастион еще хранит...

- И все таки, за Периметром Школы... Бастион выстоял... –
прошептал мальчик, улыбаясь сквозь слезы Инне.

(по мотивам дневника Саши Бек., последняя страница
дневника. 1974 г.)

